

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

Посвящается библиотекарям военных лет

А. М. Мазурицкий

**БИБЛИОТЕКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Учебное пособие

Орёл
2020

УДК 02
ББК 02(09)
М12

Рецензенты:

доктор педагогических наук, заведующий кафедрой библиотечно-информационных наук МГИК **Н. В. Лопатина**;
кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и музейного дела ОГИК **О. А. Фёдоров**;
кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности ОГИК **А.Л. Есипов**

Мазурицкий, А. М.

М12 Библиотеки в годы Великой Отечественной войны : учебное пособие / А. М. Мазурицкий. – Орёл : Орловский гос. ин-т культуры, 2020. – 139 с.

В учебном пособии рассматриваются вопросы, связанные с формированием в нацистской Германии специальных подразделений, занимавшихся вывозом и уничтожением культурных ценностей в годы Второй мировой войны. Рассмотрены вопросы, характеризующие политику нацистов в отношении советских библиотек на временно оккупированной территории СССР. Показан процесс спасения библиотечных фондов в военные годы. Представлен анализ книжных потерь страны и определены основные векторы восстановления библиотечной системы на освобождённой территории. Обозначены проблемы реституции книжных собраний в постсоветский период.

УДК 02
ББК 02(09)

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОГИК
Протокол № 1 от 15.01.2020 г.

ISBN 978-5-905436-36-9

© А. М. Мазурицкий, 2020
© ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Раздел 1. Библиотечное дело СССР накануне Великой Отечественной войны	7
Раздел 2. Создание системы нацистских организаций по расхищению и уничтожению культурных ценностей	13
Раздел 3. Политика национал-социалистов в отношении книжных собраний на оккупированной территории СССР	30
Раздел 4. Организация и спасение книжных фондов после начала фашистской агрессии	58
Раздел 5. Анализ книжных потерь России и поиск утраченных книжных фондов в первые послевоенные годы	79
Раздел 6. Состояние библиотек на освобожденной территории и восстановление библиотечной системы	98
Раздел 7. Проблемы реституции книжных собраний в постсоветский период	116
Заключение	131
Литература	135

ВВЕДЕНИЕ

Учебная дисциплина «Библиотекведение» в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта является базовой при подготовке бакалавров по направлению 071900 «Библиотечно-информационная деятельность». Дисциплина «Библиотекведение» включает в себя целый ряд разделов, одним из которых является «История библиотечного дела в России».

Курс «История библиотечного дела» занимает особое место в подготовке специалистов библиотечного дела. Он содержит в себе консолидирующее начало между общественными и специальными дисциплинами, формирует способности к углубленному историческому анализу теории и практики библиотечного дела. Наряду с этим он оказывает существенное воздействие на формирование профессионального мировоззрения.

Важнейшая задача данного курса – дать будущим специалистам представление об основных этапах и особенностях развития библиотечного дела, показать закономерности и динамику этого развития, выявить преемственность профессиональных традиций, показать значение исторического опыта для совершенствования современной теории и практики отечественного библиотечного дела.

Вместе с тем историки библиотечного дела неоднократно отмечали сложности в процессе изучения данной дисциплины, к которым относятся значительный объем фактографического материала, большая рассеянность публикаций, неравномерность освещения в литературе отдельных аспектов курса, наличие во многих источниках искажений и устаревших в настоящее время идеологических оценок.

Список учебников и учебно-методических пособий по курсу истории, изучающему отечественное библиотечное дело, не отличается изобилием. До издания первого учебника по истории библиотечного дела СССР студенты пользовались книгой В. Е. Васильченко «Очерки истории библиотечного дела в России. XI–XVIII века» [6]. В 1958 г. вышел учебник по отечественной истории библиотечного дела [5]. Последнее, третье издание учебника было издано К. И. Абрамовым в 1980 г. [1]. Впоследствии Константином Ивановичем Абрамовым было подготовлено учебно-методическое пособие в двух частях, в кото-

ром отражены новые концепции изучения библиотечной истории в постсоветский период [2, 3].

Отдавая должное всем этим изданиям, следует отметить, что тема, связанная с деятельностью библиотек в годы Великой Отечественной войны, представлена в этих изданиях фрагментарно. Во многом это связано с отсутствием доступа ко многим источникам, ставшим в последнее время достоянием современных исследователей.

В настоящее время курс истории библиотечного дела обеспечивается учебным пособием Т. Д. Рубановой «История библиотечного дела» [7] и курсом лекций И. В. Балковой «История библиотечного дела» [4]. Наряду с безусловными достоинствами работы Т. Д. Рубановой, в ней рассматриваются вопросы мировой библиотечной истории с древнейших времен до эпохи Просвещения и не отражены более поздние периоды развития библиотечного дела. Книга И. В. Балковой в определенной степени заменяет отсутствие учебника по истории библиотечного дела. Вместе с тем в силу широкого объема задач, решаемых автором, период Великой Отечественной войны изложен в нем фрагментарно.

Всё это позволяет сделать вывод о том, что предложенная в данном учебно-методическом пособии тема не нашла должного отражения в учебной литературе. В последние годы тема Великой Отечественной войны стала ареной дискуссий историков, политиков и политологов. Исходя из современной политической конъюнктуры, в некоторых странах делаются попытки пересмотра итогов и причин Второй мировой войны. Налицо попытки исказить и принизить роль СССР в разгроме гитлеровской Германии. Наглядным примером данного искажения явилась резолюция о равной ответственности СССР и Германии в развязывании Второй мировой войны, которая была принята Европейским парламентом 12 сентября 2019 г.

Вместе с тем надо иметь в виду, что, к сожалению, нынешнее поколение учащихся российских учебных заведений различного уровня не имеют достаточного объема знаний в области отечественной истории военного периода.

В данном учебном пособии основной акцент сделан на материалах, отражающих причины проявления тотального геноцида по отношению к культуре народов нашей страны, политику нацистской Германии в отношении фондов советских библиотек. Наряду с этим представлен фак-

тографический материал, связанный с героизмом и мужеством советских библиотекарей, спасавших библиотечные фонды. Значительное внимание уделено ущербу, нанесенному отечественным библиотекам в результате гитлеровского нашествия. В пособии представлен материал, характеризующий сложный процесс восстановления отечественной библиотечной системы, который начался ещё в ходе Великой Отечественной войны, и отражены проблемы реституции книжных собраний в постсоветский период.

Литература

1. Абрамов, К. И. История библиотечного дела / К. И. Абрамов. – М.: Книга, 1980. – 352 с.
2. Абрамов, К. И. История библиотечного дела в России: учеб.-метод. пособие для студентов, преподавателей и библиотекарей-практиков. Ч. 1. – М.: Либерия, 2000. – 175 с.
3. Абрамов, К. И. История библиотечного дела в России: учеб.-метод. пособие для студентов, преподавателей и библиотекарей-практиков. Ч. 2. – М.: Либерия, 2001. – 160 с.
4. Балкова, И. В. История библиотечного дела: курс лекций / И. В. Балкова. – М.: Пашков дом, 2013. – 415 с.
5. Васильченко, В. Е. История библиотечного дела в СССР: учебник для библиотечных ин-тов / В. Е. Васильченко. – М.: Книга, 1958. – 216 с.
6. Васильченко, В. Е. Очерк истории библиотечного дела России. XI–XVIII века / В. Е. Васильченко. – М.: Госкультпросветиздат, 1948. – 157 с.
7. Рубанова, Т. Д. История библиотечного дела: учебное пособие / Т. Д. Рубанова. – Челябинск.: Изд-во ЧГАКИ, 2003. – 112 с.

Раздел 1. БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО СССР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

После 1917 г. в стране произошли колоссальные изменения не только в области экономики и политики, но и в области культуры. Одна из задач переустройства общества состояла в приобщении к культуре широчайших слоёв населения страны. Без всеобщей грамотности, без повышения культурного уровня народа невозможны были бы все преобразования в государстве.

Несмотря на различные оценки этого периода, следует отметить, что за предвоенные годы в стране были проведены значительные преобразования в области культурного развития. Одной из задач культурной революции являлось создание системы библиотечного обслуживания населения.

По-разному можно относиться к отечественному библиотечному делу советского периода. Но какие бы оценки ни давались этому времени, следует признать, что в стране была создана широко разветвлённая система библиотечного обслуживания. «Если в 1914 году на 10 тыс. жителей приходилось 0,9 библиотеки и 639 книг, то в 1939 году на это же количество жителей СССР приходилось 5 библиотек и 8612 тыс. книг. Иными словами, количество библиотек на 10 тыс. жителей увеличилось в 5,5 раза, а книг в них в 13,4 раза» [7].

На начало 1941 года в СССР насчитывалось 280 тыс. библиотек всех типов и видов с книжным фондом более 520 млн экземпляров. Общее число читателей составляло около 55 млн человек [1].

Перед войной в стране была создана мощная сеть массовых библиотек, насчитывающая 95,4 тыс. с книжным фондом около 185 млн томов [9].

За последние пять лет, предшествующие войне, среднегодовой прирост библиотек составлял примерно 6 тыс. томов. Самые разветвленные библиотечные сети имели: Российская Федерация – 56,1 тыс. библиотек, Украина – 22,3 тыс. библиотек и Белоруссия – 4,2 тыс. библиотек [10].

Мы вовсе не случайно приводим здесь эти статистические данные, все они убедительно говорят о том, что за предвоенные годы в стране была создана мощная система библиотечного обслуживания населения.

Наряду с этим надо отметить, что статистические показатели не всегда отражали те реалии, в которых работали библиотеки. В своей работе И. В. Балкова отмечала, что значительную часть библиотек в этот период составляли приклубные (22,4 тыс.) и колхозные библиотеки (19,5 тыс.). На каждую приклубную библиотеку в среднем приходилось по 365 книг, а колхозную – 265 книг. Это позволяет автору сделать вывод о том, что 54% библиотечных учреждений составляли небольшие библиотечки, фонды которых практически размещались в одном книжном шкафу [2].

Не отрицая тезиса о том, что с первых лет советской власти деятельность библиотек рассматривалась как один из важнейших элементов идеологической работы, следует отметить их неоценимый вклад в развитие науки, культуры, просвещения и экономического развития государства. Библиотеки изначально решали задачи, имеющие отношение ко всем преобразованиям, которые происходили в стране. Начиная с борьбы за ликвидацию неграмотности и заканчивая сложнейшими задачами индустриализации и создания экономической мощи государства.

Неоценима была роль библиотек в экономических преобразованиях. Экономическим успехам страны во многом способствовала деятельность библиотек по организации производственного просвещения населения. Распространение политехнических знаний стало одним из ведущих направлений работы библиотек. Библиотеки устанавливали самые тесные контакты с предприятиями, помогая осваивать специалистам различного уровня новые технические знания. В группы библиотечного актива включались инженеры, техники, специалисты.

Активно пропагандировалась литература о людях труда. Библиотеки активно участвовали в пропаганде стахановского движения, движения многостаночников, совмещения профессий. Библиотеки оказывали всестороннюю информационную поддержку новаторам производства.

Довоенный период отечественной истории таит в себе много «ловушек» для исследователей этой эпохи, поскольку он состоит из множества противоречий. С одной стороны, выдающиеся экономические свершения, энтузиазм строителей нового мира, с другой – необоснованные репрессии и гибель людей. С одной стороны, время великих свершений, освоение Севера, Дальнего Востока, перелеты В. П. Ча-

лова, строительство московского метрополитена и т.д., с другой – внедрение «лозунгово сознания» и жесткое подавление инакомыслия.

Несмотря на все эти противоречия, надо понимать, что всё то, что относится к позитивным достижениям той эпохи, в итоге и предопределило победу советского народа в Великой Отечественной войне. Неоценима была роль библиотек в формировании менталитета населения страны и его базовых ценностей. Отечественные исследователи периода Великой Отечественной войны неоднократно отмечали, что население идеологически и психологически было готово к войне, что явилось одним из важнейших факторов Победы.

Одним из ведущих направлений в деятельности библиотек были пропаганда советского патриотизма и интернационализма. В довоенные годы библиотеки активно пропагандировали произведения М. Шолохова, В. Каверина, Н. Островского, А. Гайдара.

Следует отметить изменение тональности в работе библиотек непосредственно в последние предвоенные годы. Это отмечает известный историк библиотечного дела М. Н. Глазков: «Постепенно, но всё шире речь велась преимущественно не о защите марксистской идеи, всемирного пролетариата и большевистских завоеваний. Речь шла о защите Отечества. Это зримо обозначилось во всех сферах жизни страны – от международной политики и газетной лексики до кинофильмов и библиотек» [3].

В предвоенные годы стали появляться книги и фильмы, посвящённые защитникам Отечества, которые прославили себя на разных этапах развития нашего государства. М. Н. Глазков справедливо пишет о том, что «...появились книги о дореволюционных полководцах-героях, ранее полузапрещённых из-за своей “классовой чуждости, монархических убеждений”» и т.п. [3]. Библиотеки быстро отреагировали на эти изменения, активно пропагандируя героические страницы отечественной истории.

Предвосхищая события, следует сказать о том, что этот опыт был всесторонне использован и расширен в первые военные месяцы, когда советские библиотеки всеми своими ресурсами использовали героические традиции нашего народа для мобилизации населения для отпора гитлеровской агрессии. В этих целях привлекались книги А. Степанова «Порт-Артур», С. Голубева «Багратион», А. Толстого «Пётр I» и произведения других авторов.

В предвоенные годы библиотеки всеми своими ресурсами участвовали в пропаганде героизма и романтики 1930-х годов, активно создавая культ человека созидающего. В библиотеках регулярно проводились встречи с покорителями Севера, с теми, кто осваивал дальневосточные земли, с легендарными авиаторами, героями труда.

Особого внимания заслуживает вклад библиотек в укрепление обороноспособности государства в предвоенные годы. Весьма успешной была их работа в пропаганде военно-оборонных знаний. Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ) СССР активно развивало широкую сеть кружков по противовоздушной и противохимической обороне на заводах, фабриках, государственных учреждениях и учебных заведениях. За два с половиной предвоенных года более 24 млн советских граждан сдали нормы на значок «Готов к ПВХО» [8].

Вместе с этим развивалась пропаганда авиации. Повсеместно создавались аэроклубы, планерные и парашютные кружки, кружки авиамodelистов. Оборонно-массовым издательством «ОСОАВИАХИМ» в 1940 г. было издано 16 млн экземпляров печатной продукции. ОСОАВИАХИМ издавал массовые журналы: «Ворошиловский стрелок», «Химия и оборона», «Самолет», «За рулем» и др. В 1941 г. издательство «Молодая гвардия» выпустило в свет «Военную библиотечку комсомольца», куда вошли брошюры, написанные руководящим составом Красной Армии [8].

Все эти издания активно использовались библиотеками в пропаганде военно-оборонных знаний. Многие сотрудники библиотек сами сдали нормы ПВХО, санитарной обороны, имели значки ворошиловских стрелков.

Как отмечает М. Н. Глазков, «Вклад библиотек в укрепление обороноспособности СССР носил одновременно как идейно-теоретический, так и прикладной характер. К примеру, в 1940 г. сетью кружков по распространению военных знаний среди населения, теснейшим образом связанных с массовыми библиотеками, было подготовлено свыше 2 млн пулеметчиков, снайперов, связистов, кавалеристов, мотоциклистов, парашютистов, планеристов, летчиков. По стране гремели лозунги “Молодежь! Изучай военное дело!”, “Комсомолец – на самолет!”. Быть осоавиахимовцем, ворошиловским стрелком и кавалеристом бы-

ло почетно. Повседневный труд тысяч библиотекарей по воспитанию мужественных патриотов принес свои плоды» [6].

Работа библиотек по пропаганде военно-оборонных знаний в значительной мере активизировалась во время событий на Халхин-Голе, у озера Хасан и в Испании. Практически во всех библиотеках проводились мероприятия под названиями «Интербригады в Испании», «Сражения на Халхин-Голе» и т.д.

Весь этот опыт работы оказался востребован в годы Великой Отечественной войны. Согласно Постановлению Совета Народных Комиссаров СССР «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» (2 июля 1941 г.) и Постановления Государственного комитета обороны «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» (17 сентября 1941 г.) было организовано всеобщее обучение военному делу населения страны [11]. Библиотеки восприняли задачи военного обучения населения как своё кровное дело, практически во всех библиотеках появились уголки оборонной литературы, во многих из них были организованы кружки по овладению военно-оборонными знаниями.

Говоря об успехах советского библиотечного дела предвоенных лет, М. Н. Глазков отмечает «...никто не оспаривает наших достижений в интеллектуально-образовательной сфере в 1930-е гг. Библиотеки и иные государственные институты помогли подготовить поколение блестящих учёных, изобретателей, создавших передовую науку и технику, что позволило добыть Великую Победу в битве с другой научно-промышленной сверхдержавой Третьего Рейха» [4].

Следует сказать о том, что в 1930-е годы разрабатывались методические указания для работы библиотек во время мобилизационных мероприятий. В них предусматривался широкий спектр задач, которые предстояло решать библиотекам во время проведения мобилизационных действий на случай войны [9].

Статистика довоенного времени убедительно показывает ежегодный прирост количества библиотек и увеличение их книжных фондов. Однако с началом Великой Отечественной войны всё изменилось.

Литература

1. Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР / К. И. Абрамов. М.: Книга, 1980. – С. 257.

2. Балкова И. В. История библиотечного дела / И. В. Балкова. – М.: Пашков дом, 2013. – С. 238.
3. Глазков М. Н. Государственная библиотечная политика в Советской России в контексте истории массовых библиотек (1925 – май 1941) / М. Н. Глазков. – М.: Пашков дом, 2016. – С. 123.
4. Глазков М. Н. Государственная библиотечная политика в Советской России в контексте истории массовых библиотек (1925 – май 1941) / М. Н. Глазков. – М.: Пашков дом, 2016. – С. 102.
5. Глазков М. Н. Деятельность советских массовых библиотек накануне войны (1930-е гг.) / М. Н. Глазков. – М.: МГУКИ, 2000. – С. 30.
6. Глазков М. Н. Советское юношество и идеология 1930-х годов // Школьная библиотека. – 2008. – № 1. – С. 49.
7. Кабанов П. Очерки культурно-просветительной работы в СССР в послевоенные годы / П. Кабанов – М.: Госкультпросветиздат, 1965. – С. 9.
8. Минаков А. Оборонно-массовая работа и военная подготовка в СССР // Власть. – 2013. – № 7. – С. 169.
9. Народное хозяйство СССР за 60 лет. – М., 1977. – С. 599.
10. Там же. – С. 601.
11. Сборник указов и приказов военного времени. 1941–1942. – М.: Лениздат, 1942. – С. 84–85.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем состояли основные достижения отечественного библиотечного дела в довоенный период?
2. Назовите основные направления деятельности библиотек в довоенные годы.
3. В чем состояли изменения деятельности библиотек по пропаганде исторических знаний?
4. Как бы вы охарактеризовали вклад библиотек в решение важнейших народно-хозяйственных и военно-оборонных задач?

Раздел 2. СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ НАЦИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО РАСХИЩЕНИЮ И УНИЧТОЖЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Без понимания отношения нацистов к культуре невозможно в полном объеме представить сущность их действий на территории нашей страны. В конечном результате колоссальный урон, нанесенный культуре нашего государства, явился конкретной реализацией нацистских доктрин.

В формировании идей национал-социализма значительное место всегда отводилось вопросам культуры. А. Гитлер и его ближайшее окружение понимали, что реализация их планов, прежде всего, зависит от того, в какой степени немецкий народ готов воспринимать идеи национал-социализма. Он совершенно справедливо утверждал: «...главная защита заключается... не столько в силе оружия, сколько в силе самих граждан, нашей защитой будет не система крепостей, а живая стена мужчин и женщин, преисполненных высокой любовью к отечеству и фанатичного национального энтузиазма» [1].

На воспитание именно таких немецких граждан была нацелена вся сфера культуры. Именно преобразованиям в культуре отводилась решающая роль в изменении менталитета немецкого народа.

Один из ведущих идеологов нацизма А. Розенберг рассматривал фашизм как попытку возрождения древнейшей культуры ариев. Фашизм должен был возродить культуру древнего исчезнувшего народа, воплотить ее в германской культуре XX столетия. При этом ни идеологов нацизма, ни ученых-нацистов не смущало то обстоятельство, что от культуры ариев практически не осталось ни духовных, ни исторически достоверных материальных памятников. Культура ариев трактовалась как единственная, основная культура древности.

В «Майн кампф» А. Гитлер обосновал идею о том, что не все народы способны вносить равноценный вклад в культуру. Он разделил человечество на три группы. В первую входили основатели культуры, во вторую – носители культуры, в третью – разрушители культуры. По его мнению, к представителям двух первых групп относились одни арийцы [2].

Культура ариев, с точки зрения идеологов нацизма, была разрушена из-за проникновения в нее представителей низших рас, которые отняли былое величие «нордической культуры».

Катастрофа, постигшая Германию после окончания Первой мировой войны, затронула не только государственные, политические и экономические сферы, но и основы духовной и культурной жизни нации; привела к духовному кризису немецкого общества. Германия оказалась перед выбором идеи, которая смогла бы стать основой национального возрождения. Среди многочисленных концепций крайне правого толка главное место занял фашизм.

Именно идеологи фашизма предложили обществу попытку возрождения наиболее ярких, зачастую забытых культурных традиций как способа восстановления духовных первооснов. В качестве одного из таких способов в идеологии фашизма выступала идея самоидентификации личности. Ее суть заключалась в том, что каждый отдельно взятый представитель нации должен был соответствовать определенным антропологическим, психологическим и культурным параметрам, отвечающим мифологическим представлениям об арийской расе. В основу формирования идеи духовного и культурного возрождения Германии был положен принцип «чистой крови».

А. Гитлер писал: «Все великие культуры прошлого погибли только в результате того, что творческий народ вымирал в результате отравления крови» [3].

Обоснованию значения принципа «чистой крови» в сохранении культурных традиций большое внимание уделял и А. Розенберг. В «Мифах XX века» он утверждал, что «...в результате безудержных смешений все истинные ценности, в конце концов, уничтожаются, народная индивидуальность исчезает в массовом хаосе, с тем, чтобы... жалкое существование в виде нетворческой мешанины, или, служа новой сильной расовой воле, подчинятся ей духовно и материально» [18].

На этом основывался принцип «своих» и «чужих» в германской культуре. «Свои» – носители «добрых старых традиций» великой культуры Германии, «чужие» – как символы не просто инородности по отношению к этим традициям, но как враждебная сила, целенаправленно разрушающая основы нордической культуры.

При этом нацистами был создан определенный эталон истинной, с их точки зрения, культуры, базировавшийся на расовом превосходстве ее носителей. Расовая обусловленность культурных творений яв-

лялась одним из важнейших компонентов в нацистском понимании культуры.

Следует подчеркнуть, что практически все высказывания и реальные шаги деятелей нацизма до 1933 г. являлись лишь попыткой выявления возможности культуры в обслуживании будущего политического режима. Свое реальное воплощение идеи национал-социалистов нашли после прихода их к власти в 1933 г., когда все сферы жизни общества, включая культуру, были подчинены идеологии нацизма. Формируя тоталитарное государство, нацисты создавали такую культуру, которая могла бы обслуживать это государство. С первых дней правления нацистов четко определялось, что в культуре отныне должны доминировать расовые признаки немецкого народа. Все творения культуры должны были иметь определенные отличительные черты, благодаря которым в будущем можно было бы определить немецкие корни их создателей.

При таких политических установках область культуры уже не могла быть автономной и должна была находиться на службе государственных интересов. Принцип единения культуры и политики, который нацисты разработали еще задолго до прихода к власти, стал одним из основополагающих в культурной политике Третьего рейха.

В печатном слове, в книге нацисты видели угрозу новому порядку. В связи с этим библиотеки, располагающие книгами, исповедующими чуждые нацизму идеи, были изначально обречены на уничтожение. Не случайно первая государственная акция, призванная продемонстрировать приоритеты нацистов в культуре, прошла в отношении библиотек. Для того чтобы продемонстрировать всему миру новую систему ценностей в духе «национального возрождения» и показать возможности новой власти в области культуры, была организована так называемая «книжная акция».

Акция, вошедшая в историю как «Сожжение книг 10 мая 1933 года», имела большое значение не только для Германии, но и для всего мира. Она стала своеобразным символом культурной политики нацизма. Огромные костры из книг, запечатленные в кадрах немецкой кинохроники, стали ярким примером воплощения идей национал-социализма. Эта акция носила символический характер и была преувеличенно помпезной.

Особое внимание уделялось созданию системы контроля над содержанием библиотечных фондов и разработке способов «фильтрации», оценки содержания книг по принципу «свои» и «чужие», «полезные» и «вредные». На основе этого принципа в Германии был издан секретный справочник «вредной литературы». В него вошли 5000 авторов, кроме того, в нем были указаны 379 наименований периодических изданий и 20 издательств.

В качестве инструмента оценки и разделения книг на «полезные» и «вредные» активно использовались методы рекомендательной библиографии, в частности составление различного рода списков литературы. Работе над подготовкой таких оценочных списков литературы серьезное внимание уделяли Министерство пропаганды и Министерство народного просвещения. Так, например, Министерство пропаганды Германии считало своей прямой обязанностью публикацию рекомендательных списков литературы. Они включали авторов, пользовавшихся особыми симпатиями нацистских лидеров. Книги, одобренные данным министерством, достигали тиражей, исчисляющихся сотнями тысяч.

Одним из первых результатов деятельности гитлеровского Министерства народного просвещения стали так называемые справки к созданию «Черного списка», содержащие разъяснение принципов «очищения» книжных магазинов. В соответствии с этими принципами книги делились на три группы. К первой группе относились книги, подлежащие безоговорочному уничтожению, например книги Э.-М. Ремарка. В состав второй группы входили книги, предназначенные для хранения в «ядовитых шкафах», например труды В. И. Ленина. Третью группу образовывали книги, содержание которых оценивалось неоднозначно и нуждалось в дополнительной проверке.

Текст справки подлежал обнародованию за несколько недель до публичного сожжения книг и рассматривался как директивное руководство к очищению магазинов и народных библиотек. В качестве составителя справки выступил доктор В. Герман, обосновывавший принципы «чистки» книжных фондов в полном соответствии с идеологией нацизма. Им был составлен список запрещенных книг из 13 авторов и нескольких антологий [5].

В целом акциям сожжения книг придавалось исключительно важное политическое значение, не случайно в нацистском руководстве

существовала определенная конкуренция за право акции. Так, один из нацистских деятелей, Г. Штрассер, утверждал, что еще с марта 1933 г. разрабатывал эту акцию: «Так как я известен как национал-социалистический библиотекарь, то именно я имел задание подготовить черный список и провести массовое сожжение марксистских и еврейских книг». Окончательный вариант «Черного списка» был разработан ранее упомянутым доктором В. Германом. Книги были сгруппированы по трем темам.

1. Литература о Первой мировой войне, которая представляет битвы в искаженном свете и содержит пацифистские идеи (Э.-М. Ремарк, С. Цвейг и т.д.).

2. Социально направленная литература (Г. Манн, Х. Толлер, Д. Лондон).

3. Литература, отражающая реформистские и революционные тенденции (Б. Брехт, Р. Отвалт, советские писатели).

Следует подчеркнуть, что в ходе организации акции по сожжению книг перечень авторов, заданных рамками «Черного списка», был существенно расширен, и многие писатели, хотя и не значились в этом списке, тем не менее были обвинены в «неарийстве» и «еврействе».

Наряду с официальным «Черным списком» существовал список «Союза борьбы за немецкую культуру», дополнявший (незначительно) список, составленный доктором В. Германом. Он активно использовался в ходе проведения акции «Вновь не немецкий дух», сопровождавшейся мощной пропагандой в средствах массовой информации: в центральных газетах было опубликовано сообщение о начале очищения немецких библиотек; широкой огласке подлежали имена авторов книг, враждебных идеям национал-социализма. В соответствии со списком «Союза борьбы за немецкую культуру» были организованы подготовительные работы по уничтожению «вредных книг»: на протяжении четырех дней группы немецких студентов и представителей службы СА (штурмовые отряды, нем. – *Sturmabteilung*) изымали из библиотек идеологически «вредные книги» и грузили их на автомашины. «Чистке» подлежали не только народные, научные, но и личные библиотеки. В результате было собрано 10 000 центнеров книг и журналов, подлежащих уничтожению [6].

Костры вспыхнули ночью 10 мая 1933 г. на площадях Берлина и университетских городов Германии, причем в течение нескольких ча-

сов по громкоговорителям сообщались фамилии авторов, чьи книги сжигались на кострах. Возглавлял эту акцию лично И. Геббельс. Следует отметить тот факт, что подобные «книжные акции», но без особой помпезности, продолжались еще довольно длительное время.

Резко отрицательная реакция мирового сообщества на акции сожжения книг в Германии обусловила осознание правящей нацистской элитой того, что подобные действия дискредитируют новое национал-социалистическое государство в глазах мировой общественности. В связи с этим Министерство пропаганды во главе с И. Геббельсом решило «дистанцироваться» от акций по сожжению книг: было негласно решено в дальнейшем воздерживаться от официальных запретов.

Таким образом, государственная политика национал-социалистов в области культуры не ограничивалась только разработкой системы тотального контроля и жестких запретительных мер в области библиотечного дела и книгоиздания, имевших следствием массовые чистки библиотек, изъятие и уничтожение книг, которые по своему содержанию не соответствовали идеям нацизма. Она предусматривала выработку определенного отношения к культуре других народов Европы. В формировании отношения к культуре других европейских народов ведущим также являлся принцип противопоставления «своих» и «чужих». При этом отношение нацистов к народам, населяющим Западную и Восточную Европу, и, соответственно, к их культуре, как и впоследствии к методам реализации «культурной политики» на территории стран, завоеванных в ходе Второй мировой войны, существенно различалось. Население Западной Европы нацисты оценивали как «относительно цивилизованное». Народы Восточной Европы оценивались как «недочеловеки».

Славянские народы, согласно взглядам нацистов, относились к недочеловекам. Следовательно, культура, созданная этими народами, расценивалась как культура низшего сорта. Кроме того, в соответствии с теорией, изложенной А. Гитлером в «Майн кампф», славянские народы являлись одними из тех, кто относился к разрушителям культуры. Народы, населяющие Россию, были для А. Гитлера «народами низкой культуры». «Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в более могущественные государства, и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось массовое ядро

германцев. В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца» [4]. Для создания великой Германии предстояло истребить также и другие славянские народы: поляков, украинцев, белорусов. «Нет никаких причин, чтобы не делать этого».

Гитлер характеризовал предстоящую войну с СССР как «... нечто большее, чем просто вооруженную борьбу и конфликт двух мировоззрений». В мае 1940 г., в период начала Французской кампании, в Третьем рейхе был составлен меморандум «Некоторые мысли по поводу обращения с инородцами в России», представлявший собой программу уничтожения славянства. В нем провозглашался в качестве основополагающего следующий тезис: «Расово пригодную часть германизировать, остальных либо уничтожить, либо превратить в рабов, умеющих считать до 500, писать свое имя и подчиняться немцам» [13].

Идеи данного меморандума прослеживаются и в письме М. Бормана А. Розенбергу: «Славяне должны работать на нас... Образование опасно, достаточно, если они умеют считать до 100. Каждый образованный – наш будущий враг» [14]. В обоих этих документах ничего не говорится об умении читать, из чего следует, что народам, которым отказывалось в праве на чтение, не нужны были и сами книги.

Таким образом, политика уничтожения культуры славянских народов была четко идеологически обоснована и явилась основой безальтернативных действий фашистских военных в ходе Второй мировой войны. Это наглядно подтверждается текстом приказа фельдмаршала фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке». В отечественной исторической литературе этот документ часто цитируется: «Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые могут быть использованы для стоянок водительских частей, все остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, в том числе и здания, должно быть уничтожено, никакие исторические и художественные ценности на Востоке не имеют значения» [15].

Значительно реже цитируется другая часть этого документа: «Основной целью похода против большевистской системы является полный разгром государственной мощи и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру».

Бесспорен тот факт, что, ведя войну с Советским Союзом, Германия ставила своей задачей уничтожение большевистской идеологии.

Однако цели нацистов отнюдь не ограничивались простым уничтожением чуждой им идеи. Взорванные и уничтоженные нацистами музеи, памятники, усадьбы, созданные до 1917 г., не имели никакого отношения к идеологии большевизма. Причина их уничтожения заключалась в том, что они были памятниками национальной культуры. Нацистам недостаточно было просто физически уничтожить большую часть народов, населяющих территорию России, им требовалось уничтожить корни национальной культуры.

Эти постулаты нацистской идеологии принципиально важны для понимания последующих действий нацистов в сфере культуры и их отношения к оказавшимся в их распоряжении культурным ценностям на оккупированных территориях. И если в оккупированных странах Западной Европы нацисты еще как-то пытались создать видимость соблюдения цивилизованного отношения и к завоеванным народам, и к ценностям культуры, то в Восточной Европе, а тем более в России, применение каких-либо международных правил и нравственных норм считалось абсурдным.

Исходя из этой концепции уничтожение книжной культуры, разграбление книжных сокровищ приобретает особое значение. Каждый уничтоженный и похищенный нацистами документ представлял собой не только материально-художественную ценность, но и являлся важнейшей составной частью духовных традиций и культуры народа. Таким образом, в идеологии нацистов геноцид физический был неразрывно связан с геноцидом духовным. Это точно подметил в своей работе известный юрист А. Н. Трайнин: «В понимании Нюрнбергского международного трибунала геноцид – это система преступных действий, направленных на физическое уничтожение групп населения. Геноцид включает в себя не только действия, непосредственно направленные на уничтожение преследуемых групп, но и действия, создающие систему репрессий и ограничений существования, развития культуры преследуемых групп, направленных в конечном итоге на их уничтожение» [20].

Главная цель нацистов сводилась к тому, чтобы упорядочить культурную жизнь и добиться апологетики государства и национал-социалистических принципов в культуре, сделать культуру своеобразной духовной квинтэссенцией нацистского режима. Культура нацист-

ской Германии стала средством тиражирования идеи превосходства арийской расы над всеми народами мира.

Нетерпимость к инакомыслию и всему, что не укладывалось в пресловутую идею «нордической культуры», принцип «расовой чистоты» стали превалировать во всех сферах жизни немецкого общества.

Обоснованные нацистскими идеологами принципы культурной политики не только оказали существенное влияние на весь ход развития немецкой культуры, но и сформировали определенное отношение к культуре других народов Европы. Все, что не укладывалось в жесткие рамки нацистского понимания культуры, для значительной части населения Германии становилось чуждым и враждебным со всеми вытекающими отсюда последствиями. Особый акцент делался на уничтожение культуры народов, отнесенных к «низшим расам», под которыми, в первую очередь, понимались славяне.

Следовательно, можно сделать вывод, что колоссальный ущерб, нанесенный национальным памятникам культуры европейских стран в ходе Второй мировой войны, был обусловлен не только издержками обычных военных действий, а явился результатом целенаправленной реализации идеологических концепций национал-социалистов.

Вторая мировая война характеризуется беспрецедентными в истории человечества масштабами разрушения и расхищения ценностей культуры, в том числе и библиотечных фондов. Предшествующая ей Первая мировая война также нанесла значительный ущерб европейской культуре, однако он не сравним с объемом и характером утрат. Колоссальные размеры урона, нанесенного европейской культуре, прежде всего, были связаны с тем, что еще в довоенные годы в Германии начала создаваться развернутая система учреждений, деятельность которых была изначально направлена на разграбление и уничтожение культурных ценностей оккупированных государств.

Мощная система организаций, призванных обеспечить изъятие культурных ценностей в массовом масштабе, стала складываться в ходе насильственного присоединения в 1938 г. Австрии к Германии. Впоследствии различные специальные немецкие подразделения, занимавшиеся грабежом культурных ценностей, действовали на территории Чехословакии, Франции, Бельгии, Голландии, Польши и других европейских стран.

Анализ документов различных нацистских организаций, имевших отношение к хищениям культурных ценностей, убедительно показывает, что в подавляющем большинстве случаев идеологическим мотивом отводилось второстепенное и третьестепенное место. Идея возвращения на территорию рейха всего, что было связано с немецкой культурой, являлась лишь предлогом для организации тотального грабежа оккупированных стран.

В Западной Европе с учетом того, что там жили «относительно цивилизованные» люди, нацистам приходилось соблюдать определенные международные права. Так, после оккупации Франции нацистское руководство выдвинуло идею «легитимизации» процесса конфискации культурных ценностей. Были выдвинуты требования возвращения Германии того, что было вывезено французами в эпоху Наполеоновских войн. Однако все это скрывало истинные цели нацистов. Они планировали к вывозу все произведения, имевшие «германский характер» или испытывавшие на себе «германское влияние». Естественно, что определить границы этой группы ценностей не представляется возможным.

Политика нацистов по присвоению ценностей культуры требовала своего институционального оформления. В связи с этим стало необходимым создание системы учета и сохранения культурных ценностей на оккупированных территориях.

А. Гитлер мечтал о создании такой коллекции, которая превзойдет своим богатством все музеи мира. Долгие годы он вынашивал идею создания «музея музеев» в городе его детства Линце. 26 июня 1939 г. директор Дрезденской галереи доктор Г. Поссе был назначен уполномоченным особой миссии «Линц». Проект, одобренный Гитлером, включал в себя создание в Линце роскошного квартала с галереями, музеями и библиотеками. Гитлер лично составил план музея, в котором указал даже тип окон в каждом зале, соответствующих той или иной исторической эпохе. Создаваемая галерея должна была продемонстрировать миру то, что нацисты являются не только гонителями чуждых форм культуры, но и собирателями и хранителями признанных мировых шедевров.

19 декабря 1939 г. Поссе уже производил в Вене осмотр всех конфискованных произведений искусства и определял, какие ценности

пригодны для музея фюрера в Линце. Отобранные предметы размещались в различных хранилищах [7].

Необходимо отметить, что в Голландии, Бельгии, Франции была применена тактика изъятия культурных ценностей. Помимо обыкновенного грабежа агенты высокопоставленных руководителей рейха заключали кабальные коммерческие сделки. Под угрозой применения насилия они скупали за обесцененные бумажные деньги ценнейшие произведения искусства.

Значительный урон был нанесен правительственной библиотеке в Париже. Нацисты изъяли значительное число книг из этого ценнейшего книжного собрания. В целом после окончания войны на территории Германии было обнаружено более 7 млн книг, принадлежавших ранее французским библиотекам [19].

Борьба за властные полномочия между лидерами национал-социалистической верхушки сопровождалась и в значительной степени обусловила острую конкуренцию в процессе организации контроля за присвоением культурных ценностей в оккупированных странах.

Практически все высшее руководство Германии приняло участие в этой борьбе, лидером которой был А. Гитлер, по заданию которого осуществлялась миссия «Линц».

Активно проявлял себя в роли «ценителя искусства» маршал Г. Геринг. В поместье Каринхалле он создавал свой собственный музей. Стремление обладать лучшими культурными ценностями порой задевало интересы самого фюрера. Гитлер в припадке бешенства назвал Геринга «королем черных рынков». Г. Геринг не имел собственной структуры по организации грабежа культурных ценностей. Однако он активно контактировал со всеми подразделениями, занимавшимися вывозом культурных ценностей с оккупированных территорий, активно вмешиваясь в их деятельность. Кроме того, изъятием ценностей культуры специально занимался доктор К. Мюльман, официально являвшийся особым уполномоченным Геринга. Это следует из содержания документа, выданного ему 9 октября 1939 г. «Господин статс-секретарь в отставке доктор Мюльман имеет особое поручение председателя Совета по обороне империи, министра-президента генерал-фельдмаршала Геринга по изъятию художественных ценностей на оккупированной польской территории. По поручению господина генерал-фельдмаршала прошу все военные и гражданские инстанции, а

также НСДАП поддерживать его в выполнении данного ему поручения и оказывать ему в случае необходимости защиту и помощь» [8].

Вместе с тем наиболее мощной структурой по организации грабежа и вывоза культурных ценностей стал «Оперативный штаб» рейхсляйтера А. Розенберга.

29 января 1940 г. А. Гитлером был подписан приказ о создании культурно-политической организации «Высшая школа НСДАП». В приказе было установлено: «Высшая школа должна стать в будущем истинным центром национал-социалистического воспитания. Она будет создана после войны. Для того чтобы ускорить начатую работу по подготовке создания этой школы, я приказываю, чтобы рейхсляйтер А. Розенберг продолжал руководить этими подготовительными работами, в первую очередь, в области исследовательской работы и в создании библиотеки. Партийные и государственные организации обязаны оказывать ему помощь в осуществлении этой задачи [16].

Летом 1940 г., после оккупации Франции, Голландии, Бельгии, «Высшая школа» превратилась в эйнзацштаб.

Генерал-фельдмаршал Кейтель 5 июля 1940 г. направил приказ командующим немецкими армиями в оккупированных странах Европы, в котором отмечалось: «Рейхсляйтер Розенберг ходатайствовал перед фюрером о разрешении проверить наличие:

- 1) в государственных библиотеках и архивах ценных для Германии книг и рукописей;
- 2) в канцеляриях высших церковных властей и масонских лож направленных против нас политических документов. Рейхсляйтер ходатайствовал также о разрешении на конфискацию соответствующих материалов. Фюрер принял это предложение».

В указе А. Гитлера о полномочиях штаба А. Розенберга говорилось: «Его эйнзацштаб по оккупированным областям имеет право проверять библиотеки и архивы и иные культурные организации всех видов и конфисковать их для выполнения заданий национал-социалистической партии. Положение о проведении совместной работы с вооруженными силами издает начальник верховного командования вооруженными силами по договоренности с рейхсляйтером Розенбергом. Необходимые меры в пределах восточных областей, управляемых Германией, принимает рейхсляйтер Розенберг в качестве рейхминистра по делам оккупированных восточных областей» [17].

В момент переброски немецких армий к границам СССР специальным циркуляром Г. Геринга 1 мая 1941 г. всем партийным, государственным, военным учреждениям предписывалось оказывать содействие штабу Розенберга: «Я приветствовал решение рейхсляйтера Розенберга создать во всех оккупированных областях эйнзацштабы с задачей обнаружить и отправить в Германию все исследовательские материалы и культурные ценности указанной принадлежности» [9].

Значительную конкуренцию А. Розенбергу составляла организация, созданная по инициативе министра иностранных дел И. Риббентропа. Его личному представителю во Франции О. Абецу были даны особые поручения по конфискации товаров из парижских антикварных магазинов и художественных лавок. В июне 1940 г. О. Абец организовал специальную команду под руководством штурмбанфюрера СС барона фон Кюнсберга, которая должна была проводить реквизицию культурных ценностей. Риббентроп приказал своей команде основательно «прочесать» все научные учреждения, институты, библиотеки, архивы и все, что обнаружится важного и ценного, реквизировать и вывезти в Германию. В августе 1940 г. Риббентроп дал указание Кюнсбергу на проведение подобных операций в других странах [10].

Вместе с тем надо учитывать то, что эйнзацштаб Розенберга, в отличие от команды Кюнсберга, имел четкие полномочия верховного командования по конфискации культурных ценностей. Кюнсберг не имел таких веских полномочий. Между командой Кюнсберга и штабом Розенберга происходили постоянные споры по поводу отправки ценностей на территорию Германии. Каждое из подразделений старалось урвать наиболее «лакомый кусок» из награбленных ценностей культуры.

Действуя на территории различных европейских стран, штаб Розенберга и батальон Кюнсберга приобретали колоссальный опыт по организации тотального грабежа культурных ценностей, в том числе и библиотечных фондов.

В июле 1940 г. представители штаба проводили большой объем работ по изъятию частных библиотек в Бельгии. В частности, была изъята библиотека франкмасонов. Проводились тотальные обыски в квартирах и изъятие библиотек бельгийских священнослужителей и ученых, покинувших страну.

Рабочие группы в Афинах и Салониках также активно занимались конфискацией культурных ценностей евреев и масонов.

Активно действовали немецкие спецподразделения при разграблении культурных ценностей Бельгии и Голландии. Была похищена уникальная библиотека Клоссиана. В сообщении о ценности этой библиотеки отмечалось, что в 1930 г. американские масоны намеревались купить ее за 5 млн долларов.

В Голландии добычей представителей Розенберга стали: библиотека II Интернационала, библиотека Общества Спинозы, ценная библиотека объединения теофистов в Амстердаме. Были изъяты книгохранилище «Альянс Франсез» в Гааге и все произведения на немецком языке издательства «Альбер де Ланж», «Фишер-Беерман». Чтобы отправить все эти книжные коллекции, понадобилось более тысячи ящиков. Нацисты оценивали эту книжную добычу в 40 млн марок [11].

Значительный урон был нанесён библиотекам Польши. Были вывезены библиотеки Краковского и Варшавского университетов, библиотека Польского Парламента.

Ограблению подверглась майоратская библиотека Замоиских, основанная еще в 1747 г., и первая в Варшаве публичная библиотека.

Из Национальной библиотеки, Университетской библиотеки были похищены важные документы по истории польской эмиграции после 1830 г. Все эти уникальные ценности были сложены в библиотеке Красаньского, где были сожжены нацистами в 1944 г.

Гестапо были конфискованы в Польше все еврейские библиотеки. Книги были переданы ведомству Гейдриха. Вокруг них развернулась целая дискуссия между Гейдрихом и Розенбергом. Розенберг требовал все изъятые библиотеки передать его ведомству, так как по поручению Гитлера эти книги предназначались для «Высшей школы» нацистской партии. Гейдрих отказался дать свое согласие на передачу. Розенбергу пришлось обратиться с жалобой к самому фюреру. Окончательная точка в споре была поставлена в письме 1 отдела имперской безопасности, подчинявшегося Гейдриху. В нем говорилось: «Что касается конфискованных гестапо украинской и еврейской библиотек, к сожалению, не представляется возможным их возвратить, так как оба эти фонда в течение прошедших лет были включены в имеющуюся здесь центральную библиотеку. К тому же по постановлению фюрера

вопросами еврейства в целом, включая научно-политическое исследование проблемы, занимается главное управление имперской безопасности. Последнее составило с этой целью библиотеку мирового еврейства, в которую еще два года назад была включена Варшавская библиотека. Так как картотек и описей не имелось, то снова выделить эту библиотеку невозможно» [12].

Думается, что данное письмо не соответствовало истине, а отражало постоянную борьбу между различными нацистскими подразделениями по обладанию ценностями культуры.

Известно, что часть заданий, выполняемых штабом Розенберга, входила в секретную миссию «Линц». Из письма А. Розенберга М. Борману от 23 апреля 1941 г. следует, что грабеж, именуемый конфискацией, проводился в тесном сотрудничестве с СД на основании письменного соглашения ведомства Розенберга с ведомством Гимmlера, а также с Верховным командованием вооруженных сил Германии.

Таким образом, уже с первых дней войны в нацистской Германии стала создаваться весьма разветвленная сеть различных организаций, активно занимавшихся уничтожением и грабежом культурных ценностей. Были созданы и действовали специальные структуры и подразделения, призванные обеспечить конфискацию, систематизацию и перемещение культурных ценностей. Самыми мощными из них был «Оперативный штаб рейхсляйтера» А. Розенберга и созданная по инициативе министра иностранных дел И. Риббентропа специальная команда под руководством штурмбанфюрера СС фон Кюнсберга. Впоследствии эта команда была преобразована в батальон особого назначения СС.

Вступая на территорию оккупированных государств, нацисты в полной мере смогли реализовать свои идеи, связанные с уничтожением чуждой им культуры. Практически все нацистские спецподразделения, занимавшиеся отбором и вывозом культурных ценностей, принимали непосредственное участие в уничтожении памятников национальной культуры на оккупированной территории.

Следует отметить, что в процессе деятельности в немецких спецподразделениях накапливались определенный опыт и методики как по отбору наиболее ценных объектов предметов культуры, так и по выявлению и уничтожению носителей национальной культуры. Эта

«технологичность» и предопределила впоследствии колоссальные цифры утрат, понесенных культурой нашей страны в военные годы. Хранителям советских музеев, библиотек, картинных галерей, не успевших укрыть свои ценности, пришлось иметь дело с профессионально подготовленными специалистами, имевшими колоссальный опыт по организации грабежей и уничтожения культурных ценностей.

Литература

1. Гитлер А. Майн кампф. – М., 1992. – С. 3–56.
2. Там же. – С. 243.
3. Там же. – С. 242.
4. Там же.
5. Есипов, Е. В. Политика германского фашизма в области культуры / Е. В. Есипов. – М., 1998. – С. 63.
6. Там же.
7. Зейдевиц, Р. Дама с горностаем / Р. Зейдевиц, М. Зейдевиц. – М.: Прогресс, 1966. – С. 93.
8. Там же. – С. 65.
9. Там же. – С. 38.
10. Там же. – С. 35.
11. Там же. – С. 157.
12. Там же. – С. 109.
13. Немецко-фашистский оккупационный режим. – М.: Политиздат, 1965. – С. 18–20.
14. Там же. – С. 20.
15. Нюрнбергский процесс. – М., 1958. – Т. 3. – С. 354–356.
16. Нюрнбергский процесс. – М., 1999. – Т. 4. – С. 45.
17. Там же. – С. 40.
18. Розенберг, А. Миф XX века / А. Розенберг. – Таллин, 1998. – 351 с.
19. Семиряга, М. Н. Немецко-фашистская политика национального порабощения в оккупированных странах Западной и Северной Европы / М. Н. Семиряга. – М., 1980. – С. 154.
20. Трайнин, А. Н. Избранные произведения: Защита мира и уголовный закон / А. Н. Трайнин. – М., 1969. – С. 407–408.

Вопросы для самоконтроля

1. Какова была роль культуры в формировании идеологии национал-социализма?
2. В чем состояла суть отношения нацистов к славянской культуре?
3. Причины проведения акции сожжения книг в 1933 г.
4. Каковы были подходы к организации деятельности библиотек в нацистской Германии?
5. В чем состояла суть деятельности нацистских организаций, занимавшихся грабежом и уничтожением культурных ценностей на территории оккупированных государств?

Раздел 3. ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТОВ В ОТНОШЕНИИ КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

Концепция уничтожения нацистами национальной культуры оккупированных стран Восточной Европы предусматривала в качестве важнейшего фактора изъятие и уничтожение книг. При этом действия гитлеровцев по захвату, конфискации и уничтожению книжных фондов библиотек завоеванных стран демонстрировали один из важнейших постулатов нацистской культурной политики, в соответствии с которым культура, созданная этими народами, отнесенными к «низшим расам («недочеловекам»), расценивалась как культура низшего сорта.

Превращение Орловской областной библиотеки в казарму, библиотеки им. М. Горького в Минске – в скотобойню, отапливание книгами помещений и мощение дорог, уничтожение уникальных, раритетных изданий с особым цинизмом (гитлеровские солдаты, расквартированные на постой в Киевской академической библиотеке, использовали в качестве оберточной бумаги экземпляры актов Румянцевской описи, сдирали перламутровые крышки со старинных Евангелий) – все эти факты характеризуют не только издержки и последствия обычной войны. Осквернялись наиболее дорогие народу памятники культуры – дома-музеи великих русских писателей, художников, композиторов. Приведем лишь несколько примеров: разграбление усадьбы А. С. Пушкина в Михайловском, варварское надругательство над домом-музеем И. С. Тургенева в селе Спасское-Лутовиново, уничтожение музея И. Е. Репина в «Пенатах», Т. Г. Шевченко в Каневе, музея Н. А. Римского-Корсакова в Тихвине.

В этих фактах отражается убежденность нацистов в необходимости полного уничтожения национальной культуры славянских народов как источника их духовной силы и мощи. Осознание этой угрозы советским руководством можно видеть в словах народного комиссара просвещения РСФСР В. П. Потемкина, который уже зимой 1941 г. писал: «Мы боремся за нашу культуру против новых вандалов, вооруженных всей современной техникой. Эти вандалы сознательно, злобно и систематически уничтожают ценности нашей культуры. В сущности, они не хотят признать эту культуру» [4].

Глумление над национальными чувствами народов СССР, осквернение памятников культуры, грабеж уникальных ценностей проводились, как уже отмечалось ранее, по четко разработанному и идеологически подкрепленному плану.

С первых дней войны с Советским Союзом ряд немецких спецподразделений начали свою работу по уничтожению и вывозу культурных ценностей. К их числу, прежде всего, следует отнести батальон СС под руководством Э. фон Кюнсберга и штаб рейхскомиссара Восточных территорий А. Розенберга.

Батальон СС под руководством Э. фон Кюнсберга к моменту действий на Восточном фронте уже располагал богатым опытом изъятия культурных ценностей в странах Западной Европы, в частности во Франции.

Исходя из разведанных Красной армией, поступивших в октябре 1942 г. в ЦК ВКП(б), следует, что группа Э. фон Кюнсберга, созданная осенью 1941 г., в 1942 г. была преобразована в батальон особого назначения СС. На начальной стадии формирования в него было направлено 200 человек, в основном военнослужащие из частей СС в возрасте от 30 до 40 лет. Было образовано 4 роты: в состав каждой из них входили научные работники – специалисты по различным областям знаний. Батальон напрямую подчинялся Риббентропу и Министерству иностранных дел [20].

В специальном положении Верховного главнокомандования Вермахта ему предписывалось: «Отыскивать и обеспечивать охрану материалов, находившихся в оперативном районе, для использования их в целях экономического и политического обеспечения войны» [21]. Значительная часть из отобранных батальоном книг отправлялась в библиотеку, созданную при институте «Кайзер Вильгельм», а также в различные научные учреждения Германии. Кроме того, батальон обеспечивал и персональные интересы отдельных нацистских руководителей по приобретению культурных ценностей.

Роты батальона Кюнсберга придавались крупным армейским соединениям. В частности, дислокация батальона на осень 1942 г. была следующей: при Северной армейской группе действовала первая рота; при армейской группе «Центр» – вторая рота; при Экспедиционном корпусе в Африке – третья рота; при Южной армейской группе – четвертая рота.

На Восточном фронте действовали вторая и четвертая роты. Именно специалистами второй роты изымались ценные книги из коллекций пригородных дворцов Ленинграда. Четвертая рота активно действовала на южном направлении. В числе командного состава этой роты состояли специалисты различного профиля: гауптштурмфюрер Краллерт – картограф МИД, зондерфюрер Паульстен – славист, зондерфюрер Либен – экономист [22]. Все это говорит о широком спектре задач, который решал батальон.

Известно, что в структуре батальона было образовано три оперативных команды: «Потсдам», «Нюрнберг», «Гамбург».

Команда «Потсдам» действовала на территории, захваченной группой армии «Юг», включая Киев, Харьков, Одессу, Крым.

Команда «Нюрнберг» – на территории, захваченной группой армий «Центр», в городах Брест-Литовский, Минск, Смоленск.

Север России был зоной действия команды «Гамбург». Для работы с фондами советских библиотек создавались специальные инструкции: литература пропагандистского характера уничтожалась или передавалась в отделы пропаганды, экономическая – в разведывательные органы, старопечатные издания, рукописи, книги уникального характера, научная литература отправлялись в Германию.

Сразу же после занятия крупных населенных пунктов специалисты батальона занимали помещения музеев, архивов, библиотек. Отобранные ценности маркировались ярлыком «конфисковано», и они наряду с другими материальными и духовными ценностями, награбленными в СССР, отправлялись в Германию.

Важные фактические сведения, характеризующие масштаб и характер утрат, понесенных отечественной культурой в результате действий батальона Кюнсберга, содержались в показаниях захваченного в плен осенью 1942 г. в районе Северного Кавказа оберштурмфюрера четвертой роты доктора Н. Ферстера. Впоследствии его свидетельства были использованы на Нюрнбергском процессе.

Н. Ферстер родился в 1913 г. в Саксонии в семье фабриканта, получил образование в Женеве, Лондоне, Риме; прошел школу дипломатической службы в консульствах Германии в Вене и Милане. Во время учебы в Лондоне стал членом НСДАП. Показательно само название защищенной им диссертации – «Юридическая защита национал-социализма в Германии». Столь подробные биографические данные о

Н. Ферстере приводятся нами для того, чтобы показать уровень профессиональной подготовки специалистов батальона СС.

Н. Ферстер попал в плен 13 октября 1942 г. Полученные от него разведорганами Красной армии сведения уже 24 октября 1942 г. были представлены в Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), а затем получили широкую огласку в советской печати. 17 октября 1942 г. практически во всех центральных газетах появились показания Н. Ферстера. Приведем некоторые выдержки из них: «В Царском Селе рота захватила и вывезла имущество большого Екатерининского дворца... Со стен были сняты китайские шелковые обои и золоченые резные украшения, наборный пол сложного рисунка увезли в разобранном виде из дворца императора Александра, вывезена старинная мебель и богатая библиотека в шесть-семь тысяч книг на французском языке и свыше пяти тысяч книг и рукописей». И далее: «Богатые трофеи достались нам в Украинской Академии наук, редчайшие рукописи абиссинской, персидской, китайской письменности, украинские летописи, первые экземпляры книг русского первопечатника Ивана Федорова... Из Харькова отправили в Берлин несколько тысяч книг в роскошных переплетах, остальные книги нами уничтожены» [14].

Публикации советской прессы, содержащие показания Н. Ферстера, явились предметом анализа в Германии. Служащему батальона Кюнсберга унтерштурмфюреру фон Хену было поручено подготовить экспертную оценку этих материалов. Доктор фон Хен был уполномоченным представителем группы Кюнсберга в районе пригородов Ленинграда.

Приведем начальную часть документа, подготовленного фон Хеном: «Изучив путем исследования в институте криминалистики и безопасности письмо, опубликованное советским агентством ТАСС 17.11.1942 г., текст письма якобы от ст. лейтенанта (оберштурмфюрера д-ра Ферстера), установлено, что оно является фальшивкой».

Вместе с тем в документе содержатся сведения о том, что в сферу интересов батальона Кюнсберга попали книги из библиотек Екатерининского и Александровского дворцов. Отмечается, что часть книг была захвачена службой безопасности СД, этой же службой были произведены отбор и отправка книг в Берлин. Описывая деятельность батальона на ленинградском направлении, фон Хен особо отмечает работу специального уполномоченного графа Зольмса. Специальной

оперативной командой «Гамбург», действовавшей на ленинградском направлении в составе 18-й армии, книги из Александровского дворца (называется цифра в 10 тыс. томов) были вывезены в Сиверский пункт дислокации, где фонды были описаны, упакованы в ящики и переправлены в Таллин [5].

Спецподразделение завладело и 30 тыс. книг из Гатчинского дворца. Половина из них была оценена как второсортная, другая половина перемещена в Сиверскую. Кроме этого, было изъято 10 тыс. книг из дворцовой библиотеки в Павловске. Вывоз книг из Пушкина начался только после того, как расквартированные там воинские части стали растаскивать книги немецких классиков в полковые библиотеки.

Попытка дезавуировать показания попавшего в плен Нормана Ферстера была предпринята вовсе не случайно. Уже в те времена нацисты стремились показать, что вся их деятельность была направлена не на уничтожение, а на спасение культурных ценностей. Этот тезис был использован линией защиты на суде над фашистскими преступниками и в Нюрнберге.

Из немецких документов, недавно ставших известными исследователям, следует, что МИД Германии располагал в районе Ленинграда ротой численностью 300 человек, которая имела весьма конкретную задачу. Она состояла в том, чтобы сразу же после захвата Москвы и Ленинграда завладеть «политическим документальным материалом». Дополнительно сообщалось, что в роте имелось 40 специалистов в этой области [26].

Следует подчеркнуть, что к культурным ценностям Ленинграда проявляли интерес различные нацистские подразделения. Так, например, в сентябре 1941 г. начальник службы народоведения при Уполномоченном фюрера по контролю за духовным мировоззренческим воспитанием в НСДАП доктор Штребель обратился с письмом к руководителю штаба А. Розенберга генералу Утикалю с просьбой обратить внимание на значение Академии в Петербурге, так как там находятся важные для науки архивы, коллекции, библиотеки [27].

Кроме роты СС, разграблением Ленинграда должен был заниматься специальный уполномоченный руководителя миссии «Линц» Хольст, считавшийся крупнейшим знатоком культурных ценностей этого города. С той же миссией рейхсмаршал Геринг направил особую группу во главе со статс-секретарем К. Мюльманом. Основанием для

его назначения во многом являлся соответствующий опыт, который К. Мюльман приобрел в Польше, являясь там уполномоченным по конфискации художественных ценностей.

Уникальные дворцы пригородов Ленинграда стали местом стоянки воинских частей: в Большом Екатерининском дворце разместился артиллерийский отдел войск СС, группа СД, штабы двух войсковых соединений; в Александровском дворце расположилась воинская часть; летний дворец в Павловске был занят штабом одной из дивизий, наступающих на Ленинград; Гатчинский дворец использовался Штабом армии [28].

Руководством батальона Кюнсберга был разработан четкий план захвата московских архивов, библиотек и музеев. В направлении Москвы была отправлена группа в составе 50 человек. Перед ней была поставлена задача провести «определенную работу» после падения города. Однако блицкриг группы был завершен в г. Рославль. После разгрома немецких армий под Москвой подразделение было возвращено в Берлин.

Весьма активно действовал батальон Кюнсберга в 1942 г. в районе Новгорода. Из Новгорода в Берлин было направлено два вагона с книгами, в том числе библиотеки из Дома Красной армии и Педагогического института, Софийского собора.

Значимость действий батальона Кюнсберга подчеркивается в приказе командования вермахта от 4 июля 1942 г. В соответствии с ним в случае необходимости спецкоманде Кюнсберга придаются 20 тыс. человек из национал-социалистического моторизованного корпуса [25].

Все эти факты наглядно свидетельствуют о масштабах деятельности батальона Кюнсберга на Восточном фронте. Пользуясь своим преимуществом нахождения в составе действующей армии (по сравнению с другими спецподразделениями), специалисты из батальона СС сразу же разворачивали свои действия по захвату культурных ценностей после занятия того или иного населенного пункта.

Наряду с батальоном СС под руководством Э. фон Кюнсберга работой по уничтожению и вывозу культурных ценностей СССР занимался штаб рейхскомиссара Восточных территорий А. Розенберга.

На занятой немецкими армиями территории СССР действовал генеральный план «Ост», являвшийся программой нацистского геноци-

да на захваченных землях. В соответствии с ним вся оккупированная территория СССР была разделена на две части:

1) театр военных действий сухопутных войск, включавший в себя территорию от линии фронта до тыловых границ сухопутных армий, подразделявшийся на районы боевых действий и тыловые районы армии;

2) военно-административная зона, включающая в себя всю остальную территорию и состоящая из двух рейхскомиссариатов: «Остланд» и «Украина». В состав первого входили: Эстония, Латвия, Литва, часть Ленинградской области и часть Белоруссии с резиденцией рейхскомиссара гауляйтера Лозе в Риге. Часть Западной Украины являлась польским «генерал-губернаторством».

Руководство рейхскомиссариатами осуществляло Министерство по делам оккупированных территорий во главе с А. Розенбергом. Выполняя указания фюрера, А. Розенберг разработал схему организации власти на захваченных территориях. Результаты действий этой власти следующим образом охарактеризованы в ноте Народного комиссариата иностранных дел СССР от 6 января 1942 г.: «Каждый шаг германо-фашистской армии и ее союзников на захваченной территории Украины и Молдавии, Белоруссии и Литвы, Латвии и Эстонии, Карело-Финской территории, русских районов и областей, несет разрушение и разграбление бесчисленных материальных и культурных ценностей нашего народа» [1].

Как известно, А. Розенберг считался специалистом по «русскому вопросу». В свое время он учился в Риге и Москве, свободно владел русским языком. Архитектор по образованию, А. Розенберг выдвинулся в заметные деятели национал-социалистического движения. Он неофициально считался одним из главных партийных идеологов. Штаб, созданный рейхсляйтером Розенбергом, выполнял широкомасштабные пропагандистские задачи на захваченной территории СССР, изъятие и вывоз культурных ценностей.

В структуру эйнзацштаба А. Розенберга входили приблизительно 350 специалистов по различным областям знаний: эксперты по искусству, книговеды, архивариусы, каждый из которых располагал своей специальной группой вспомогательного персонала, призванных обеспечить тщательный отбор, регистрацию, систематизацию конфискованных ценностей.

Из экспертов и их подчиненных были сформированы рабочие группы и особые мобильные команды, которые действовали на всей оккупированной территории и являлись подразделениями эйнзацштаба.

На оккупированной территории СССР действовали Главные рабочие группы «Остланд» с базой в Риге, «Украина» с базой в Киеве. С мая 1943 г. к ним присоединилась рабочая группа «Центр». В нее была передана из состава «Остланд» рабочая группа «Белоруссия».

Наряду с этим были образованы зондеркоманды. Каждой из них поручалось исследование культурных и исторических объектов крупных населенных пунктов. От названия городов и происходили названия зондеркоманд. Например, зондеркоманды «Ростов», «Новгород», «Псков», «Смоленск».

Одним из первых регионов России, оказавшимся в оккупации, была Смоленская область. Именно здесь нацисты отработывали технологию работы с фондами советских библиотек. Эта технология включала: обследование культурных ценностей в захваченном населенном пункте специалистами штаба; выявление и сбор наиболее ценных книжных коллекций; сортировку захваченных книг; принятие решения по их передислокации; каталогизацию книг в пунктах передислокации.

В соответствии с такой технологией в конце 1941 г. специальное отделение штаба Розенберга, возглавляемое доктором Нерлингом, обследовало культурные ценности Смоленска и выявило три основных источника ценных и редких книг: Смоленский областной краеведческий музей, Смоленская областная библиотека и библиотека Смоленского государственного педагогического института и музея.

В фондах Смоленского областного краеведческого музея были изъяты церковные книги, а также издания по архитектуре, этнографии и топографии города.

В фондах Смоленской областной библиотеки особый интерес для специалистов штаба Розенберга представляла ценнейшая коллекция частных собраний книг, рукописей XVI–XX вв., в которую входили книги графа Л. П. Мещерского, графа Н. А. Кушелева-Безбородко, археолога и этнографа Е. Н. Клетновой. В фондах библиотеки были также коллекции книг из бывшей Смоленской семинарии, гимназии, Благородного собрания. В ней хранилось значительное число раритетных изданий с автографами и экслибрисами.

Кроме областной библиотеки в круг интересов штаба Розенберга попала библиотека Смоленского государственного педагогического института и музея, насчитывающая перед войной 525 тыс. томов.

Некоторое время в Смоленске работала и группа зондерштаба «Музыка», ею было отобрано 120 книг по музыке, которые впоследствии оказались в Берлине.

В соответствии с заранее заданной технологией книги из всех библиотек города были свезены в здание Смоленского собора. Здесь происходила их сортировка и принимались решения по передислокации.

По заданию работников штаба велась подготовка описания истории и состояния Центральной библиотеки Смоленска. В нем была дана характеристика фондов, методы работы, состав сотрудников. Для нацистов этот материал имел определенное значение в деле знакомства с опытом работы советских библиотек [13].

В качестве пунктов передислокации для книжных коллекций, захваченных в Смоленске, были избраны Рига, Вильнюс, Берлин.

Часть книг была направлена в Ригу, где сотрудник штаба доктор Ломаш в мае 1943 г. проводил работы по каталогизации книг из Смоленска.

В мае 1943 г. и.о. руководителя Главной рабочей группы «Митте» Х. Лангкопф сообщил руководству о ходе работы по каталогизации книг из Смоленска, проходившей в Риге 25 июля 1943 г., и подчеркнул ценность коллекции рукописей из библиотеки Смоленска, отправленной в Вильнюс, в которую входили письма, рукописи, церковные книги XVI–XVIII вв.

По данным Лангкопфа, было описано 30 тыс. изданий, часть из них он предлагал передать Восточной библиотеке. Непосредственно каталогизацией занимался член особой команды «Митте» Немцов. В своем отчете Немцов сообщил о том, что из города вывезено 43 ящика (1 вагон) книг, журналов, газет и энциклопедий – все это перевезено в Ригу. Кроме того, приводятся данные, что по запросу немецкого командования в г. Могилёв было передано 10 507 изданий по медицине.

Последняя партия книг, приготовленных к вывозу из Смоленска, была погружена на грузовые машины, но наступление советских войск сорвало эту отправку [29].

Одним из пунктов передислокации книг из Смоленска был Вильнюс. Также книги непосредственно направлялись в Берлин. Главная рабочая группа «Митте» сообщала руководству о нескольких десятках редких книг и 37 экземплярах изданий.

Технология работы по изъятию наиболее ценных коллекций из состава фондов советских библиотек, отработанная в Смоленске, практически полностью воспроизводилась, тиражировалась в других оккупированных фашистами городах СССР: Ростове, Новгороде, Воронеже и др.

Нацистские специалисты строго следили за соблюдением принципов технологичности, боролись со стихийностью изъятия культурных ценностей в захваченных городах. Подтверждением этому может служить деятельность сотрудника штаба А. Розенберга, специального представителя Г. Рёкка в Ростове. Перед ним ставилась задача оперативного отбора ценных изданий и их отправки в Киев [30].

До приезда Г. Рёкка грабеж и уничтожение библиотечных фондов Ростова носили стихийный характер. В своем донесении он отмечал такой факт: «Обнаруженные в Ростове обстоятельства – отсутствие интереса местных властей, наличие заброшенных библиотек, имевшее место уничтожение остатков книжных фондов и т.д. – послужили для меня поводом попытаться исправить ситуацию» [31].

Благодаря Г. Рёкку грабеж вошел в «цивилизованное русло». Под его руководством были определены места для сбора книг из библиотек города: областная библиотека, центральная городская библиотека и библиотека им. Л. Н. Толстого.

По неполным данным, в областную библиотеку было перемещено 100 тыс. книг из разных книжных собраний города. В Центральную библиотеку перевезли 124 тыс. книг, в библиотеку А. Н. Толстого – 48 тыс. изданий [32].

В отчете за период работы с 5 октября по 7 декабря 1942 г. он сообщал, что в Ростове завершается работа по перемещению библиотечных фондов.

Книги из Ростова перемещались в различные места. Известно, что шесть ящиков редких изданий поступили в Берлинскую имперскую библиотеку [33].

Наступление Красной армии не позволило завершить все запланированные работы по перемещению библиотечных фондов Ростова.

В своем отчете от 5 марта 1943 г. Г. Рёкк сообщал, что в условиях боев невозможно вывезти все намеченные для этого ценности [6].

Данные, опубликованные в 1992 г. в журнале «Родина», освещают деятельность представителей штаба А. Розенберга в Новгороде. В частности, сообщается о девяти ящиках книг по археологии, которые были отобраны для профессора Энгеля. Среди этих книг был 51 том по истории Древней Руси, редкие археологические журналы. Для доктора Тиле предназначались книги по этнографии [3].

В отчете уполномоченного зондерштаба «Библиотеки» доктора Нея говорится о вывезенных книгах из библиотеки Исторического музея и Софийского собора в Новгороде. Отправляемые фонды были разделены на несколько частей:

- Евангелие и другие книги Греко-православной церкви – 800 томов;

- литература на иностранных языках (много французских и английских книг XVIII столетия (например, Вольтер, Руссо) – 1500 томов;

- старые русские печатные издания, среди которых «Труды» Ломоносова 1785 г., «История Сибири» Фишера 1774 г., Славянская грамматика 1723 г., книга Кантемира о магометанстве 1722 г., различные русские хроники XVIII в. – 1500 томов;

- остальные книги и журналы – 30 000 томов [34].

Из Новгорода в Ригу было перемещено 33 892 тома. Из них 27 658 были переданы на хранение в Республиканскую библиотеку в Риге. Остальные 6234 книги распределены между Центральной библиотекой Высшей школы в Германии, Восточной библиотекой штаба и отдельными службами [35].

Известно, что к приезду в Ригу руководителя штаба генерала Утикаля была приурочена выставка редких книг, которые были вывезены из Новгорода.

Не менее активно действовала по изъятию книг оперативная группа «Псков», в ноябре 1943 г. из города было вывезено около 35 тыс. томов [36].

Значительный интерес для представителей штаба Розенберга представляли библиотеки г. Воронежа. Книги из Воронежа были перевезены в Курск, по отчету доктора Нея видно, что в 11 железнодорожных вагонах в город было перемещено 700 тыс. томов. В основном

это были книги университетской библиотеки Воронежа, основу которой составляли фонды библиотеки университета Дерпта, книги из городской библиотеки города и других собраний. Особо отмечалось наличие изданий XVI и XVII вв. [37].

Известно, что служащие штаба занимались также составлением каталогов (алфавитных и предметных) на изъятые книги. На каждую книгу составлялось до восьми карточек. Карточки рассылались в Берлин, Киев, а из остальных формировались каталоги на местах.

Таким образом, собирались сведения о каждой изъятой книге.

Большая работа по каталогизации фондов проводилась на базе штаба в Риге. Здесь обрабатывались фонды для упоминаемой ранее Восточной библиотеки. Можно предположить, что на начальном этапе ее создания фонды были рассредоточены в Киеве, Риге и Берлине. Для каждого из мест хранения выделялись порядковые номера для каталогизации. В частности, 7 сентября 1942 г. доктор Нерлинг сообщал из Риги о том, что для книг, отобранных для Восточной библиотеки в Минске и в Риге, выделяются для каталогизации номера от 30 000 до 50 000 [38].

При этом представители штаба стремились учитывать в информации о книгах интересы различных заинтересованных учреждений. Так, например, по запросам немецкого командования 10 тыс. книг из Смоленска были переправлены для медицинского института.

Специалистами штаба были разработаны инструкции:

а) разделение книг по языкам (русский, немецкий, эстонский, латышский, литовский и т.д.);

б) разделение книг по областям знаний:

- общие вопросы;
- религия, теология, история церкви;
- философия и литература мировоззренческого содержания;
- юриспруденция;
- экономика, социальные науки, бухгалтерский учет;
- внешняя политика, биографии;
- языкознание;
- художественная литература;
- поэзия советских народов и переводная литература;
- изобразительное искусство;
- музыка и театр;

- история и история культуры, фольклор;
- военная литература;
- география СССР и экономическая география.

Название каждой книги переводилось на немецкий язык и указывалось на обложке [39].

Для сбора информации о произведениях искусства, в том числе и книг, при штабе А. Розенберга действовали: отдел использования, отдел прессы и пропаганды, отдел учета и контроля, отдел хранения, оперативный отдел, а также особый штаб науки и особый штаб искусства.

В работе с конфискованными книгами были задействованы практически все вышеуказанные службы. Работа начиналась с просмотра конфискованной литературы с точки зрения ее дальнейшего использования. Затем шла сортировка книг, в которой принимали участие отделы учета и контроля, пропаганды и хранения. Книги сортировались с учетом их дальнейшего использования, а именно для пропагандистской работы, для отправки в музей г. Линца, для пополнения Восточной библиотеки. Из оставшегося на местах создавались так называемые «центральные» библиотеки, в которые направлялись фонды малых библиотек города, либо близлежащих населенных пунктов.

Например, известно, что в Киеве представителем штаба доктором Бенцингом был образован так называемый библиотечный комбинат, который вобрал несколько книжных хранилищ города.

Следует заметить, что несмотря на отработанную технологию изъятия культурных ценностей, немецкие специалисты не всегда могли провести в установленные сжатые сроки качественный отбор литературы. В работе М. А. Бойцова и Т. А. Васильевой упоминается о жалобах доктора Цайса на ненужные книги. Эти издания поступили в один из институтов, заинтересованный в получении книг пропагандистского и политического содержания от Оперативного штаба. Вместо этого институт оказался буквально завален общенаучной литературой и беллетристикой [15].

Надо сказать о том, что пока обстановка на фронтах была для Германии благоприятной, вывоз литературы носил сравнительно ограниченный характер. В своем докладе на круглом столе в ВГБИЛ в декабре 1992 г. фрау М. Хиллер из Института Восточной Европы отмечала: «Согласно заявлению, сделанному Розенбергом в 1942 г.,

культурные ценности, найденные в Советском Союзе, должны были, как правило, временно оставаться на местах. Исключение составляли книги, конфискованные по идеологическим или расовым причинам, которые сразу же должны быть вывезены в рейх» [19].

Об этом же говорится в отчете руководителя Главной рабочей группы «Остланд» доктора Вундера, подготовленном в феврале 1942 г., в котором он говорил, что вывоз книг следует ограничить необходимым количеством. Все это, однако, не означает, что идеи грабежа отошли на второй план. 16 ноября 1941 г. А. Розенберг сообщал Гитлеру: «Я дал указание эйнзацштабу моего ведомства проводить на территории восточных оккупированных областей в более широком масштабе те же работы, которые были проведены на Западе. На основании этого я могу гарантировать, что все художественные ценности, которые могут представить интерес лично для вас, мой фюрер, для музея в Линце и других музеев, могут быть туда доставлены» [40].

Характеризуя деятельность Штаба А. Розенберга по реализации нацистской культурной политики, нельзя не сказать о том, что помимо задач уничтожения и изъятия культурных ценностей на оккупированных территориях, эта нацистская структура реализовывала также ряд идеологических и управленческих функций. Следует подчеркнуть, что это направление деятельности штаба А. Розенберга менее изучено отечественными и зарубежными специалистами.

Как известно, нацисты собирались оставаться на завоеванных землях надолго. Напомним, что существовало две концепции по восточной проблеме. Первая состояла в организации управления на Востоке при помощи немецкой администрации, вторая – в создании подобия марионеточного антибольшевистского правительства и расчленении страны на несколько государств. А. Розенберг был сторонником второй концепции.

В соответствии с этой концепцией на оккупированной территории особым образом организовывалась деятельность культурно-просветительных учреждений, в том числе и библиотек; на сторону нацистов привлекалась православная церковь. Конечной целью этих акций было создание благоприятного отношения населения к оккупантам. Еще раз подчеркнем, что информация об этой стороне деятельности нацистов на оккупированных землях менее известна отечественным исследователям, тем не менее анализ существующих источ-

ников позволяет реконструировать нацистский подход к организации работы библиотек в оккупированных городах.

Согласно специальному указанию, после занятия немецкими войсками того или иного населенного пункта все его общественные библиотеки должны были быть закрыты. Затем специальные уполномоченные просматривали фонд библиотеки на предмет наличия нежелательной литературы. Составлялись списки на уничтожение запрещенных книг [12].

Процесс уничтожения должен был проходить в присутствии представителя городских властей.

Кроме общественно-политической литературы, уничтожению подлежали и художественные книги. В одном из указаний по изъятию книг перечислялись следующие авторы: М. Горький, В. Маяковский, К. Федин, И. Эренбург, А. Толстой, В. Бредель, Б. Брехт, всего 213 авторов [23].

Известно, что во время оккупации библиотеки работали некоторое время в Донецке, Киеве, Орле, других городах. В сентябре 1942 г. в занятом врагом Харькове работало шесть библиотек, каждая из них имела от двух до трех тысяч русских и украинских книг, которые были разрешены городскими властями.

Работа библиотек на оккупированных территориях жестко контролировалась и регламентировалась немецкими властями в целом и специалистами штаба А. Розенберга в частности. При этом особое внимание специалисты штаба А. Розенберга уделяли созданию специальных инструкций, позволяющих «фильтровать», отбирать книги из советских библиотек. Приведем типичный пример такого рода документа, введенного в действие на территории оккупированного Ростова: «Из всей наличности книг вся советская литература поголовно подлежит изъятию. Таковой считается всякое издание после 1917 года. Отобранные книги делятся на три категории:

1. Безусловно не политические книги (все издания до 1917 г. за исключением еврейских авторов);
2. Сомнительная литература (новые издания после 1917 г., особенно книги для учащихся и учителей с большевистскими комментариями и введениями, сомнительные авторы);
3. Советская литература (большевистские, пропагандистские материалы, таблицы, книги, брошюры, газеты, журналы, плакаты);

4. Особенное внимание следует обратить на все издания 1941–1942 гг. (книги, газеты, журналы, плакаты и т.д.), а также на общую литературу на немецком языке с 1917 г.

Указанный пунктом 4 материал немедленно выделить и держать в полной готовности в отдельном месте для дальнейшего употребления.

Ростов. 16 сентября 1942 г. А. Рёкк [31]».

Документ, на основании которого осуществлялась деятельность ростовских библиотек, подписан доктором Рёкком, представителем штаба Розенберга в городе. Из этого можно сделать вывод, что именно специалисты штаба участвовали в разработке нормативных документов для библиотек на временно оккупированной территории.

Другая инструкция, введенная в действие 8 июля 1942 г., действовала на территории Украины. В соответствии с ней основные правила для проведения ревизии библиотек включали следующие пункты.

1. Открытие библиотек не должно происходить до их ревизии. Ревизия имеет целью установление наличия книг, книжных потерь, а также выделение нежелательной литературы и изъятия литературы, не имеющей значения.

2. Выделению подлежит марксистская и большевистская литература, а также произведения (литературные, художественные и музыкальные) еврейских авторов (напр., Фейхтвангер, Гейне, Шолом-Алейхем, Дунаевский, Мендельсон).

Большевистской считается, прежде всего, вся социально-экономическая и политическая литература, изданная после 1917 г., а также революционно-пропагандистская литература, изданная до и во время войны (сюда относятся, в большинстве библиотек, отдел «Марксизм-ленинизм» и все по десятичной классификации, стоящие под № 335 с прибавлением букв КИ, КП, К, П и т.д.).

3. Не подлежит изъятию чисто научная литература даже и в том случае, если авторами являются члены коммунистической партии (напр. Мичурин, Лысенко).

Таким образом, можно выдавать абонентам значительную часть книжной и журнальной литературы по естествоведению, археологии, а также издания Академии наук (книги и журналы), статистические произведения и географические карты.

При ревизии библиотек следует обращать особое внимание на научно-идеологическую литературу по истории, философии, педагогике, экономике и проч.

4. К беллетристике, написанной после 1917 г., следует относиться с особой осторожностью. При ее обработке с целью изъятия решающим является ее идеологическая большевистская сущность.

Так, например, «Поднятая целина» Шолохова должна быть изъята, так как она представляет собой прославление большевистского сельского хозяйства. Изъятию подлежат также и менее тенденциозные произведения, как например, «Тихий Дон» Шолохова и «Моя семья» Пфлаумера.

Не подлежат изъятию произведения, представляющие собой безобидные описания жизни, как, например, в большинстве рассказов Зоценко. Не подлежат изъятию также исторические произведения, как, например, «Петр I» А. Толстого.

5. Следует изъять нотную литературу с большевистским текстом, как, например, марши и песни трактористов, пионеров и красноармейцев.

6. Литература по искусству с советскими тенденциями подлежит изъятию.

7. Что касается антирелигиозных произведений, то изъятию подлежат только большевистская антирелигиозная литература, а не философские произведения, направленные против церкви.

8. В общественных библиотеках с выдачей книг на руки следует тщательно проверить тенденциозные предисловия в изданиях русских и украинских классиков. В том случае, если эти предисловия составлены в чересчур большевистском духе, то листы этого предисловия следует удалить из книг, предназначенных для выдачи на руки.

Удалению из книг подлежат и портреты Ленина, Сталина и других большевистских деятелей.

9. Изъятые из обращения книги отмечаются особым штампом («Не выдавать»), который следует ставить на титульном листе и, по возможности, на корешке переплета. Этот же штамп ставится и на карточке изъятой книги в картотеке.

10. Изъятые книги остаются в книгохранилищах на своих местах. Передача изъятых книг для уничтожения производится в каждом отдельном случае по особому решению соответствующей немецкой инстанции.

11. Отнесение литературы к рубрике «не имеющие важности» производится, главным образом, заведующим библиотекой с точки зрения задач данной библиотеки. Сюда относятся только разрозненные номера журналов и газет, которые не составляют целый год, не собираемые в данной библиотеке. Сюда можно отнести также пропагандистскую литературу, имеющую только эфемерное значение. В отдельных случаях могут быть изъяты дублиеты и учебники.

12. Библиотекарь решает это дело по его знанию и совести [2].

Анализ этих документов позволяет выделить основные принципы и подходы, которыми руководствовались немецкие оккупационные власти при оценке фондов советских библиотек на временно оккупированной территории. Прежде всего, давались четкие установки на изъятие любых изданий, связанных с коммунистической идеологией. Практически «вычищались» все отделы, связанные с общественно-политической литературой. Наряду с этим допускалось наличие в фондах научных изданий.

В отношении беллетристики также четко обозначалась недопустимость нахождения в фондах книг авторов еврейской национальности и авторов, разделяющих большевистскую идеологию.

Резкие возражения были у немецких властей также по поводу нахождения в фондах антирелигиозных изданий.

Знакомство с инструкциями говорит о том, что изъятые книги после простановки штампа «не выдавать», оставались на своих местах в книгохранилищах. Решение об их изъятии и уничтожении принималось только немецкой военной администрацией.

Оккупационные власти всемерно активизировали распространение своей печатной продукции. В частности, на территории Белоруссии издавалось 140 газет и журналов.

На оккупированной территории создавались также Дома просвещения, при которых имелись небольшие библиотеки. Их основной задачей являлось ведение пропаганды среди местных жителей.

Специальным указанием немецких органов пропаганды в каждой библиотеке Дома просвещения должно было иметься 11 книг художественной литературы, 50 пропагандистских изданий и 40 плакатов. Распространению агитационной литературы немецкие власти уделяли большое внимание. В частности, 25 мая 1943 г. в г. Дно состоялся съезд представителей торговых агентств, книгонош и распространите-

лей газет. На съезде обсуждались вопросы распространения книг. Вместе с тем по данным, представленным в «Блокноте солдата РОА» (Русской освободительной армии), летом 1943 г. в Лужском, Псковском и Дновском районах продавалось до 85 тыс. экземпляров книг и брошюр [24].

Стремление создать благоприятное впечатление у населения о действиях немецкой администрации на завоеванных территориях проявлялось в использовании нацистами православной церкви и ее служителей в своих целях. Для этого была весьма благоприятная почва. Так, например, во время оккупации был открыт кафедральный собор в Псковском кремле, где до этого времени был музей безбожников, сорок церквей было открыто на Новгородской земле, более 60 – на Псковщине. Это была серьезная контрпропагандистская акция. Можно предположить, что главным ее организатором был именно А. Розенберг.

Такой же контрпропагандистский характер носила организованная штабом А. Розенберга акция торжественной передачи 1026 церковных книг (рукописных и печатных) XVI–XVIII вв. митрополиту Сергию, которая состоялась 27 ноября 1942 г. в Риге. Эти книги были изъяты из Софийского кафедрального собора в Новгороде [41].

Эти факты свидетельствуют не столько о том, что специалисты из штаба А. Розенберга были защитниками православной церкви, сколько об умелом ведении идеологической работы и контрпропаганды.

Известно, что часть рабочих программ, входивших в направления деятельности штаба Розенберга, являлась составной частью секретной миссии «Линц». Из письма А. Розенберга М. Борману от 23 апреля 1941 г. следует, что захват и конфискация культурных ценностей производились в тесном сотрудничестве с СД на основании письменного соглашения ведомства Розенберга с ведомством Гимmlера, а также с Верховным командованием вооруженных сил Германии.

Так, например, эйнзацштаб, являясь официальным органом, ведающим изъятием культурных ценностей, в том числе и библиотечных фондов на территории СССР, имел сложные отношения с другими нацистскими организациями, выполнявшими аналогичные функции. Об этом, в частности, свидетельствует серьезная борьба между А. Розенбергом и рейхскомиссаром Э. Кохом за право владения знаменитой Янтарной комнатой, получившая отражение в их переписке.

Серьезные разногласия возникали между рейхсминистром Восточных территорий А. Розенбергом и Э. фон Кюнсбергом и его сотрудниками. Специалисты батальона Кюнсберга имели преимущество перед работниками штаба, так как, входя в состав действующей армии, они первыми оказывались в населенных пунктах. И хоть формально все ценности должны были ими немедленно передаваться штабу, практически эта процедура весьма осложнялась, что во многом объясняется напряженными отношениями между Риббентропом, которому подчинялся батальон, и А. Розенбергом.

Осенью 1942 г. батальон особого назначения вынужден был передать представителям Розенберга библиотеки из Царского Села и Павловска. Со стороны штаба в этой процедуре принимал участие доктор Бенкер, со стороны батальона – гауптштурмфюрер доктор Патцак, штурмбаннфюрер д-р Мейер и оберштурмфюрер д-р Шмидель. Первая партия книг, общим объемом около 17 тыс. экземпляров, была передана в сентябре 1942 г. и включала в основном художественную, историческую, географическую литературу. Эти книги предназначались для библиотеки Высшей школы НСДАП.

В своей докладной записке руководству штаба Бенкер описывает негативное отношение представителей СС к работникам штаба, что особенно наблюдалось у самого штурмбаннфюрера Кюнсберга. Бенкер писал о том, что Кюнсберг и его люди «не понимают, что Штаб – это структура Министерства Восточных территорий, и библиотеки передаются по распоряжению самого Министра» [42].

Передача второй партии книг – 8 тыс. экземпляров из дворца в Павловске – осуществлялась в октябре 1942 г. и сопровождалась обострением конфронтации между руководством батальона во главе с штурмбаннфюрером Кюнсбергом и руководством штаба. Суть противоборства заключалась в следующем. Штурмбаннфюрер Кюнсберг настаивал, чтобы Штаб принял заранее сложенную в ящики, не описанную и неучтенную литературу. В противном случае он волен ее подарить или продать, так как владельцем книг, по его убеждению, являлся имперский МИД: «Боевое формирование Кюнсберга не может ждать медлительных действий Министерства» (имеется в виду М-во Восточных территорий) [43].

Представитель Штаба, доктор Бенкер в ответ на это решительно возражал, утверждая, что библиотека взята Кюнсбергом в виде трофе-

ев и не является его собственностью. Именно штаб, а не МИД является единственным распорядителем ценностей

Приведенный пример иллюстрирует типичный факт противоборства различных нацистских спецслужб, стремящихся к овладению захваченными культурными ценностями. Обострению этого противоборства способствовала также убежденность Кюнсберга и его окружения в том, что представители штаба А. Розенберга – это обыкновенные «тыловые крысы», надевшие форму и несправедливо пользующиеся тем, что добыли боевые части СС.

Однако все эти разногласия, разумеется, не могли существенно повлиять на объем и характер разграбления культурных ценностей СССР. Так, значительные поступления книг от штаба Кюнсберга в штаб Розенберга происходили в 1943 г. Об этом говорят следующие данные: «Для Восточной библиотеки получено книг XVIII века – 450 томов, 1800–1849 гг. – 500 томов, 1850–1917 гг. – 800 томов, 1918–1941 гг. – 500 томов. Помимо этого получено полное собрание законов Российской империи периода 1647–1913 гг. – 200 томов. Для Библиотеки Высшей школы получено 4300 томов» [44].

Сложные отношения складывались у представителей штаба А. Розенберга с вермахтом. В октябре 1942 г. специалисты штаба из зондеркоманды «Псков» принимали культурные ценности от комендатуры г. Пскова. Проверка показала, что многие ценности расхищены, проданы офицерам за символическую плату. Было установлено, что некий майор Хоппе незаконно присвоил себе 30 ценных икон. Комендант города де Бари отвергал обвинения, выдвинутые штабом. Он писал, что вещи дарились офицерам русскими властями города. По мнению коменданта, раздувание этой кампании и проверка квитанций, выписанных немецким офицерам, «дискредитирует немецкую военную власть в глазах представителей русского городского управления» [45].

Армейские власти часто игнорировали работников штаба, о чем говорит Отчет руководителя зондеркоманды «Ростов» доктора Г. Рёкка от 13.10.1942 г.: «Армейское командование ничего не делает для охраны библиотек. Направленная ранее Штабом передовая команда Пишке с целью защиты фондов пометила их трофейными метками (полосками), но это не помогает. Различные книжные фонды выбрасываются во дворы, на улицы, в выгребные ямы. Многие помещения складов и библиотек приспособлены для нужд войск» [46].

Данный документ заслуживает особого внимания и комментария в связи с тем, что в последние годы в ряде зарубежных исследований стали высказываться утверждения, нивелирующие действия нацистских и советских войск относительно культурных ценностей. Очень часто можно встретить точку зрения, что большая часть военных потерь, включая уничтожение архивов и культурных памятников, была нанесена советскими войсками, а не нацистскими захватчиками.

Документ, подписанный д-ром Г. Рёкком, вступает в явное противоречие с данным утверждением. Наряду с этим его недовольство по поводу происходящих событий является отражением того, что солдатам и офицерам не разрешалось присваивать награбленную добычу. Это было привилегией лишь высокопоставленных нацистских руководителей.

Существенные разногласия характеризовали также отношения сотрудников штаба А. Розенберга с ротмистром графом Зольмсом, уполномоченным 18-й армией по охране и сбору произведений искусства, о действиях которого упоминалось ранее. Нельзя не отметить тот факт, что до войны граф Э. Зольмс-Лаубах являлся директором исторического музея во Франкфурте-на-Майне. Представителю штаба доктору Нерлингу стало известно, что Зольмс вывез пять вагонов с культурными ценностями из Гатчины и Царского Села в Кёнигсберг. Эти ценности должны были быть переданы штабу, но граф Зольмс отказался давать информацию по этому вопросу [8].

Разногласия имелись и со службой СД, представители которой без согласования со штабом вывезли из Пскова книги и переместили их в Таллин.

Противоборство различных нацистских структурных подразделений в ряде случаев базировалось на идейных разногласиях. В частности, это характерно для сотрудников штаба А. Розенберга, разделявших позицию своего шефа. А. Розенберг, являясь более осмотрительным и тонким политиком, чем многие другие нацистские руководители, после ноября 1942 г. уловил меняющуюся на фронтах обстановку. В связи с этим он выступил с идеей создания видимости государственности на захваченных территориях. В декабре 1942 г. им был направлен Гитлеру меморандум о политических мерах, необходимых для привлечения местного населения. По мысли Розенберга, оккупационный режим надо было спасать не только террористическими ме-

тодами, но и с помощью других политических средств. Предложение Розенберга было отклонено. Гитлер потребовал усиления террора [16].

Попытка А. Розенбергом введения неких политических мер, необходимых для привлечения местного населения на оккупированных территориях, привела к его серьезному конфликту с Э. Кохом, который, несмотря на то что он формально являлся подчиненным А. Розенберга, тем не менее при поддержке Геринга, Бормана и самого фюрера проводил совершенно независимую политику. Причиной конфликта явилось разрешение штаба А. Розенберга на работу ряда библиотек на оккупированной территории. Э. Кох был противником подобных действий. В своем выступлении 26 августа 1942 г. в Ровно он подчеркивал: «Для культурных целей мы дали украинцам обе церкви, а о другой работе в области культуры не может быть и речи» [17].

Конфликт принял настолько острый характер, что А. Розенберг дважды поднимал перед А. Гитлером вопрос об отстранении Э. Коха. Однако во время встречи с обоими соперниками, которая состоялась в мае 1943 г., А. Гитлер поддержал Э. Коха.

Из характеристики данного конфликта вовсе не следует, что А. Розенберг хотел облагодетельствовать людей, проживающих на оккупированной территории, разрешив им пользоваться библиотеками, ибо речь шла лишь о тактических разногласиях двух нацистских руководителей.

Выступая на Нюрнбергском процессе, главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко справедливо и точно подметил: «Если Розенберг и возражал иногда против действий Коха – то только потому, что боялся преждевременной огласки, боялся, что беспримерные издевательства Коха над украинским народом вызовут усиление сопротивления» [9].

Работники штаба А. Розенберга старались, чтобы у населения создавалось благоприятное представление о его деятельности. В этих целях была задумана выставка «Из деятельности Оперативного штаба». В качестве важнейших достижений планировалось представить факты «спасения» культурно-художественных ценностей. В частности: перемещение из Новгорода 33 892 книг и передача их республиканской библиотеке в Риге, передача Обществу по изучению истории и древности около 200 ранних и первых изданий немецких классиков, возвращение Дерптскому университету 4800 томов, увезенных большевиками [18].

Однако действия штаба и других нацистских структур, причастных к разграблению и вывозу культурных ценностей СССР, резко изменились, когда немецкие армии стали отступать на запад. В октябре 1943 г. в Берлин сообщалось о необходимости срочного вывоза библиотеки графа Воронцова из Алупки из-за «вероятной катастрофы – потери вермахтом Крыма». Отмечалось, что 30 тыс. томов имеют не политическую, а историческую ценность [47].

Осенью 1943 г. большое количество культурных ценностей было вывезено из Киева. Эти меры были предприняты как со стороны эйнзацштаба А. Розенберга, так и других учреждений по непосредственному указанию рейхскомиссара. Первоначально все подлежащее эвакуации было вывезено в тыловые районы, а затем переправлено в Рейх. В течение октября еще 40 вагонов с художественными ценностями было направлено в Рейх [48].

Работники штаба докладывали руководству о свертывании работы в Смоленске и Могилёве из-за наступления Советской армии, сообщалось об активизации вывоза книг, так как города после ухода немецких войск будут взорваны.

Аналогичное сообщение поступило от Ростовской группы. В нем говорилось о сложностях вывоза книг из Ростова и о том, что «немецкие войска взрывают оставляемый город» [49].

Практически все, что можно было вывезти, отправлялось в Германию. В кратком отчете о мерах по сохранению ценностей, предпринятых главной рабочей группой на Украине в период отхода вермахта, отмечалось, что «при вступлении советских войск не осталось ничего ценного».

По первоначальному плану ценности перевозились в Ригу или Вильнюс. Наступление советских войск вызвало необходимость дальнейшего перемещения далее на запад. Доктор Нерлинг сообщал об отправке из Риги 13 мая 1944 г. пяти вагонов в местечко Лерберг (Бавария), а затем в замок Кольмберг.

В октябре 1944 г. А. Розенберг сообщал начальнику имперской канцелярии Ламмерсу о том, что для вывоза изъятых его организацией художественных ценностей потребовалось 1418 вагонов, кроме того, 427 тыс. тонн было вывезено водным транспортом.

Основными направлениями вывоза библиотек являлись Прибалтика и Восточная Пруссия, далее, если удавалось, их перемещали вглубь Германии. На территории Рейха были определены пункты для

перемещенных из СССР культурных ценностей [10]. Назовем некоторые из них.

1. Монастырь Бонгейм Кемтпен.
2. Хехштедт на Дунае.
3. Монастырь в Нижней Баварии.
4. Замок Кольмберг.
5. Монастырь Банц.
6. Нойшванштайн, Бавария.

Исходя из условий отступления немецких войск, А. Шикеданцем, ближайшим сподвижником А. Розенберга, был разработан план организации тайников для хранения награбленных культурных ценностей. Этот план создавался в обстановке строжайшей секретности, о его существовании знал только узкий круг посвященных лиц. Многие тайны так и ушли в небытие вместе с Шикеданцем, поскольку в апреле 1945 г. он застрелился [11].

При массовом вывозе культурных ценностей в условиях отступления немецких войск типичной являлась ситуация, когда все, что невозможно было вывезти, уничтожалось или бросалось на дорогах и железнодорожных станциях.

Таким образом, из всего ранее сказанного можно сделать вывод о том, что немецкими оккупационными властями проводились широко-масштабные мероприятия по вывозу и уничтожению книжных фондов российских библиотек.

Особую активность в этом отношении проводил батальон СС под руководством Э. фон Кюнсберга и штаба рейхскомиссара Восточных территорий А. Розенберга.

Несмотря на аналогичность действий этих двух организаций, они имели определенные различия. Специалисты из батальона СС проявили особый интерес к старопечатным и редким изданиям, остальные издания не представляли для них особого интереса. Судя по анализируемым данным, они были хорошо осведомлены о наличии ценных изданий в книжных хранилищах еще до захвата того или иного населенного пункта немецкой армией. Из-за отсутствия данных, характеризующих работу специалистов батальона с книжными собраниями, можно сделать вывод, что сотрудники батальона Кюнсберга не занимались ни каталогизацией, ни подробным анализом отобранных книжных фондов.

Задача батальона состояла в быстром обнаружении интересующих изданий, их оперативном отборе и вывозе в новое место дислокации. Такая оперативность объяснялась тем, что данному воинскому подразделению необходимо было постоянно находиться в районе действующей армии.

Несколько иные задачи и функции были у представителей штаба А. Розенберга. Наряду с выявлением и отправкой ценных книжных собраний на сборные пункты в Киев и Ригу, специалисты штаба провели большую работу по изучению изъятых книжных собраний и их каталогизации. Кроме этого, немецкие специалисты большое внимание уделяли реализации цензурной политики нацистской Германии в отношении фондов советских библиотек. Ими отдавались указания на изъятие и уничтожение литературы, не соответствующей национал-социалистическому мировоззрению, выдавались разрешения на открытие библиотек после тотальной очистки книжных фондов.

Работники штаба вели активную пропагандистскую работу на временно оккупированной территории, стараясь создать у населения благоприятное представление о своей деятельности. Мероприятия по изъятию и перемещению книжных собраний представлялись как факты их спасения. Но какие бы различия ни носили действия немецких подразделений в отношении отечественных библиотек, в результате были утрачены десятки миллионов экземпляров книг. Не оспаривая утверждения о том, что утраченные книжные фонды представляли различную степень ценности, тем не менее подчеркнем, что доминирующим остается тот факт, что российским народом и другими народами СССР был утрачен колоссальный пласт книжной культуры, являющейся неотъемлемой частью их истории и культуры.

Литература

1. Безыменский, А. Особая папка «Барбаросса» / А. Безыменский. – М., 1973. – С. 227.
2. Библиотечные фонды Харькова в годы Второй мировой войны: вып. 2. – Киев, 1997. – С. 40–41.
3. Васильева, Т. Краденые раритеты / Т. Васильева, Н. Яковлева // Родина. – 1992. – № 8–9. – С. 96.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3539. Л. 8.
5. ГАРФ. Ф. А-659. Оп. 2. Д. 48. Л. 263–268.
6. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3565. Л. 53.
7. ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 111. Л. 30–31.
8. ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 111. Л. 130–131.
9. ГАРФ. Ф. А-659. Оп. 2. Д. 50. Л. 45.
10. ГАРФ. Ф. А-659. Оп. 2. Д. 48. Л. 20–30.
11. ГАРФ. Ф. А-659. Оп. 2. Д. 50. Л. 1.
12. Зейдевиц, Р. Дама с горностаем / Р. Зейдевиц, М. Зейдевиц. – М.: Прогресс, 1966. – С. 200.
13. Картотека «Z» Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга. Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии 1941–1942 / под ред. Н. А. Бойцова, Т. А. Васильевой. – М.: изд-во Моск. ун.-та, 1998. – с. 221.
14. Коллекция документов Департамента по сохранению культурных ценностей Министерства культуры Российской Федерации (МК РФ).
15. Коркмазова, Е. Конференция «Библиотеки в период Второй мировой войны: судьбы коллекции, проблемы поиска и реконструкции» // Военные трофеи. – 1999. – № 6. – С. 19–21.
16. Немецко-фашистский оккупационный режим. – М.: Политиздат, 1965. – С. 67.
17. Там же.
18. Немецко-фашистский оккупационный режим. – М.: Политиздат, 1965. – С. 70.
19. Реституция библиотечных собраний и сотрудничество в Европе. – М.: ВГБИЛ, 1994. С. 52.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 6. Д. 329. Л. 12.
21. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 329. Л. 12.
22. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 329. Л. 12.
23. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 175. Л. 54–67.
24. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 175. Л. 54–67.
25. Хартунг, У. Спецкоманда Кюнсберга. Вывоз культурных ценностей из СССР / У. Хартунг // Военные трофеи. – 1995–1996. – № 2. – С. 46–47.

26. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГА ВОУ) Ф. 3676. Оп. 1. Д. 149. Л. 21.
27. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 149. Л. 207.
28. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 148. Л. 1–5.
29. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 114. Л. 248.
30. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 144. Л. 477–478.
31. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 11. Л. 42–52.
32. Там же.
33. Там же.
34. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 136. Л. 249–257.
35. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 149. Л. 440–513.
36. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 121 Л. 21.
37. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 11. Л. 63–69.
38. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 118. Л. 288–290.
39. Там же.
40. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 118. Л. 494–498.
41. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 127. Л. 71–75.
42. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 148. Л. 1–5.
43. Там же.
44. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 2. Д. 31. Л. 38–39.
45. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 12. Л. 20–29.
46. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 11. Л. 25–28.
47. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 51. Л. 8–9.
48. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 146. Л. 130–138.
49. ЦГА ВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 144. Л. 248. Об. 255.

Вопросы для самоконтроля

1. Приведите названия немецких спецподразделений, занимавшихся вывозом культурных ценностей с территории СССР.
2. Какими принципами отбора литературы из советских библиотек руководствовались немецкие спецподразделения?
3. Что было общего и что отличало деятельность штаба А. Розенберга и батальона особого назначения войск СС Э. Кюнсберга?
4. Как изменилась деятельность немецких спецподразделений, занимавшихся уничтожением и вывозом культурных ценностей в связи с изменением военной обстановки?

Раздел 4. ОРГАНИЗАЦИЯ И СПАСЕНИЕ КНИЖНЫХ ФОНДОВ ПОСЛЕ НАЧАЛА ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ

Военная обстановка со всей неизбежностью породила невероятно сложные проблемы по сохранению библиотечных фондов страны. Необходимо было срочно принять энергичные меры, обеспечивающие сохранность библиотечных зданий, организовать перемещение книжных фондов в более безопасные помещения. Одной из наиболее тяжело решаемых проблем являлось проведение эвакуации книжных фондов в восточные районы страны. Составной частью этой проблемы стало и спасение библиотечных книг на территориях, временно оккупированных фашистскими войсками.

Как известно, с первых дней войны немецкой авиацией проводились массированные воздушные бомбардировки городов нашей страны. Жертвами налетов стали крупнейшие книжные хранилища РСФСР, Украины, Белоруссии. В связи с этим необходимы были действенные меры для спасения книжных фондов и сохранения зданий и оборудования библиотек. Государственный Комитет Обороны осуществил ряд конкретных мероприятий по обеспечению противовоздушной и противопожарной обороны объектов, имеющих народно-хозяйственное значение. К их числу были отнесены и библиотеки. Во всех библиотеках были созданы группы самозащиты и объектовые команды противовоздушной обороны. Каждый библиотекарь считал своим долгом встать на защиту библиотечных фондов.

Повсеместно создавались дружины противовоздушной обороны. Они имелись во всех библиотеках прифронтовой полосы. Обращаясь к работникам политико-просветительных учреждений, «Учительская газета» писала: «Великая, любимая Родина доверила нам, вручила в наши руки огромные культурные ценности, созданные героическим трудом народа за годы советской власти. Не допускать разрушения от огня ни одного культурного учреждения, ни одной ценности – дело нашей чести, наш священный долг перед Родиной» [28].

Все библиотеки в срочном порядке доукомплектовывались средствами тушения, окна закладывались мешками с песком, верхние перекрытия зданий обрабатывались специальными огнестойкими составами. Так как фашистская авиация широко применяла зажигательные бомбы, то во время налетов на крышах зданий постоянно несли де-

журство группы по их обезвреживанию. Оперативно принятые меры сыграли важную роль в сохранении библиотечных помещений. Во время первого налета на Москву 22 июля 1941 г. на здание библиотеки СССР им. В. И. Ленина упало 70 зажигательных бомб, из них 20 – на строительную площадку перед библиотекой, которая предусмотрительно была очищена от легковоспламеняющихся материалов. Энергичными и умелыми действиями библиотекари предотвратили возможность пожара. Не надо забывать о том, что в основном это были женщины [25].

Сотрудница библиотеки им. В. И. Ленина Н. А. Сигал вспоминала о тех днях: «На библиотеку сыпались десятки зажигательных бомб. И наши девочки-пожарные с честью выполняли свой долг. Многие за тушение зажигалок были награждены медалями, и среди них О. И. Малкина. Это во многом благодаря нашей команде библиотека не пострадала. В июле 1941 г. во время налета вражеской авиации пострадала здания Книжной палаты, театра Вахтангова, Третьяковской галереи, МГУ, Большого театра. Во время бомбежки фугасная бомба попала в дом, что напротив библиотеки. Погибли люди, мы с Галей Голофеевской от взрывной волны слетели с наблюдательного поста, который находился на крыше старого здания библиотеки» [14]. Дежуря на крыше зданий, библиотекари постоянно рисковали своей жизнью.

В короткие сроки была очищена от легковоспламеняющихся веществ территория Исторической библиотеки. О своевременности этих работ говорит тот факт, что попадание зажигательных бомб в 1941 г. в район расположения библиотеки не вызвало пожара.

Несмотря на налеты вражеской авиации, библиотеки Москвы продолжали работать. Известный писатель К. И. Чуковский писал о Библиотеке иностранной литературы осенью 1941 г., когда враг рвался к Москве: «Все эти книги каждой своей строкой, каждой буквой отвергают, разоблачают и клеймят ту философию насилия и расовой ненависти, по внушению которой одичалые нацисты сейчас заливают Европу океанами человеческой крови. И хотя любой солдафон, прорвавшийся сюда на каком-нибудь “Юнкерсе”, может двумя-тремя бомбами уничтожить это благородное хранилище книг, дух, который дышит в этих книгах, победоносен, несокрушим, бессмертен, ибо это дух свободы и правды» [29].

Шестого августа 1941 г. десятки зажигательных бомб были сброшены на здание библиотеки Академии наук. Силами дружины удалось ликвидировать возникший пожар, ни одна из книг трёхмиллионного фонда не пострадала [22].

Героически спасали книжный фонд библиотекари Ленинграда. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Библиотека Академии наук СССР были объявлены объектами военного значения. В них создавались команды МПВО, которые несли круглосуточное дежурство. Тысячи кубометров песка были перенесены сотрудниками библиотеки на верхние этажи здания. В числе лучших бойцов противовоздушной обороны города, получивших правительственные награды, орден Красного Знамени вручили сотруднице Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина З. Ивановой [4].

От пожаров и зажигательных бомб дважды отстояли здание работники Харьковской библиотеки им. В. Г. Короленко. Самоотверженно боролась с последствиями вражеских налетов группа самозащиты Смоленской областной библиотеки.

Чтобы обезопасить фонды от возможных пожаров, необходимо было переместить их из верхних этажей зданий, где они подвергались наибольшей опасности, в подвальные помещения. Для крупных библиотек это была колоссальная работа. Народный комиссар просвещения В. П. Потемкин обратился в СНК РСФСР с просьбой оказать содействие срочному перебазированию книг библиотеки им. В. И. Ленина из старого книгохранилища в новое здание. Еще до начала войны был составлен проект перемещения фондов. Он предусматривал широкое использование техники и рассчитывался на весьма длительное время. Но война внесла свои коррективы. Силами сотрудников к 6 октября 1941 г. более 3 млн книг было перенесено на новые места.

В нижние этажи и подвалы здания переместили часть книг и каталогов библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [5]. Около 6 тыс. книжных ящиков генерального каталога разместились в подвале библиотеки.

Большую работу по укрытию своих книжных фондов провели работники Библиотеки Академии наук: в подвале с замурованными окнами было сложено 2500 ящиков с ценнейшими рукописными коллекциями и книгами.

В библиотеке Московского государственного университета наиболее ценные фонды, каталоги, библиографические картотеки были определены на хранение в подвальные помещения. В книгохранилище на верхние ярусы перенесли менее ценные книги и дублетные фонды. Сотрудники рассчитывали на то, что в случае обвала здания эта литература накроет как покрывалом основные книжные фонды.

Эта работа была проведена весьма своевременно. 29 октября 1941 г. у здания университета упала фугасная бомба, и взрывная волна привела к значительным разрушениям здания библиотеки. Обрушилась часть потолков и стен, были сдвинуты с места монументальные колонны, вылетели все оконные рамы, книги на полках забило мельчайшими осколками стекла. Ущерб оказался бы неизменно большим, если бы не своевременно принятые меры по защите книжных фондов.

Таким образом, анализ публикаций, в которых приводятся различные факты по организации защиты книжных фондов в первые военные месяцы, убедительно показывает, что советские библиотекари старались сделать все возможное для укрытия и спасения книжных богатств в условиях воздушных налетов и бомбардировок.

Отступление войск Красной армии в первые месяцы войны со всей неизбежностью потребовало эвакуации населения, предприятий, исторических и культурных ценностей из западных областей страны. В соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации. Задачей Совета явилась организация деятельности по эвакуации населения и материальных ценностей. Председателем Совета был назначен Н. М. Шверник, а заместителем – А. Н. Косыгин. 27 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» [20]. В соответствии с этим постановлением в годы войны на Восток страны было перемещено 2743 промышленных предприятия, 20,4 млн человек, 145 вузов [7].

Для организации перемещения фондов библиотек из районов прифронтовой полосы в Совет был направлен заместитель народного комиссара просвещения РСФСР Н. Ф. Гаврилов. Он стал одним из руководителей отправки библиотечных фондов в восточные районы страны. Как впоследствии вспоминал Н. Ф. Гаврилов, это был сложный процесс, требовавший отбора литературы для первоочередной отправки, выбора маршрутов следования, изыскания транспортных

средств, что являлось одной из самых трудных задач в условиях войны, установления мест нового базирования. Вот, например, один из проектов эвакуации библиотек [9]. См. табл. 1.

Таблица 1

Наименование библиотеки	Место назначения
Библиотека им. В. И Ленина	г. Горький
Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	г. Мелекес (Башкирская АССР)
Ростовская областная библиотека	г. Хвалынский (Саратовской обл.)
Краснодарская краевая библиотека	г. Чкалов
Сталинградская областная библиотека	г. Чкалов
Тульская областная библиотека	г. Казань
Тамбовская областная библиотека	г. Куйбышев
Ярославская областная библиотека	г. Омск
Научная библиотека МГУ	г. Саратов
Историческая библиотека	Кировская область
Политехническая библиотека	Удмуртия
Библиотека иностранной литературы	г. Саратов

Следует подчеркнуть, что этот выявленный нами в архивных фондах план эвакуации национальных книгохранилищ, а также фондов ряда областных библиотек, расположенных в городах, подвергавшихся реальной угрозе оккупации, относится к военному периоду. Нам не удалось выявить аналогичных планов по перемещению библиотек в случае военной угрозы, составленных в предвоенные годы. Отсутствие таких планов эвакуации, вероятней всего, является следствием советской военной доктрины предвоенных лет, которая была основана на молниеносном ответном ударе агрессору и ведении боевых действий исключительно на территории противника. В качестве подтверждения этого предположения можно привести тот факт, что до войны эвакуация музеев планировалась только из Приморского края и Ленинградской области. Причем на все нужды музеев выделялось только 2 вагона [8]. Вероятно, подобная ситуация имела место и с библиотеками.

В связи с этим хотелось бы провести аналогию с западными странами, которые заблаговременно начали вести подготовительные работы по защите культурных ценностей. Еще в 1937 г. во всех французских музеях были составлены списки ценнейших произведений искусства, подлежащих эвакуации. Были разработаны программы вывоза французских культурных ценностей в Англию на случай военного вторжения на территорию Франции.

Британский музей начал подготовку к спасению своих экспонатов в случае военных действий в 1938 г., когда был разработан целый цикл мероприятий по укрытию ценностей [27].

К сожалению, как свидетельствуют исследования, подобных подготовительных мероприятий в СССР проведено не было. В книге С.Г. Горшенина, посвященной политике Советского государства по отношению к культурно-историческому наследию в период Великой Отечественной войны, отмечается, что исходя из принципов, выработанных съездом музейных работников в 1930 г. о приоритете музейной деятельности культпросветнаправления над собственно музейными задачами, многие музеи вместо того, чтобы готовиться к эвакуации, продолжали свою работу буквально до начала оккупации тех или иных регионов. С. Г. Горшенин отмечает, что в результате подобного непрофессионализма и приоритета идеологии пострадали бесценные реликвии [15].

Данная ситуация была характерна и для работы советских библиотек в прифронтовых районах. Многие из них работали до последнего и не сумели вовремя провести необходимый план мероприятий по эвакуации своих книжных фондов.

Нам не удалось обнаружить документы, относящиеся к довоенному времени, в которых в той или иной форме излагались бы принципы отбора ценных изданий на случай военных действий и захвата книжных фондов. Это позволяет сделать вывод о том, что в библиотеках не были разработаны четкие принципы отбора книжных фондов для эвакуации, исходя из ценности как отдельного издания, так и библиотечной коллекции в целом.

Следствием неподготовленности библиотек к действиям в условиях военной обстановки была определенная неразбериха на начальном этапе организации процесса эвакуации книжных фондов, усугубленная отсутствием четкого принятия управленческих решений со

стороны Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса). Об этом свидетельствует, в частности, письмо директора Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина Н. Н. Яковлева секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову, датированное 26 октября 1941 г. Директор ГБЛ обвинял руководство Наркомпроса в том, что 15–16 октября 1941 г. оно выехало в г. Киров. Н. Н. Яковлев квалифицировал данный факт как «паническое бегство». В своем письме директор ГБЛ напоминал, что в Москве остались музеи, библиотеки с ценнейшими фондами, но Наркомпрос не принимает должных мер к организации эвакуации ценностей. На запрос Н. Н. Яковлева в Наркомпрос по поводу организации эвакуации ценных собраний ГБЛ он получил поручение о назначении его уполномоченным Наркомпроса по эвакуации музеев и библиотек [1]. В связи с данным назначением Н. Н. Яковлев обратился в ЦК ВКП(б) о предоставлении 30–35 вагонов для вывоза 600–700 тыс. книг ГБЛ, а также о необходимости 40 вагонов для вывоза имущества Музея революции и Библиотеки иностранной литературы. В целом эвакуация фондов из библиотеки им. В. И. Ленина проходила в два этапа. В ходе первого этапа для отправки было отобрано 500 тыс. томов из основного хранилища, 10 тыс. единиц периодики, 22 тыс. томов из отдела редких книг и более 26 тыс. книг из отдела национальной литературы, более 7 тыс. единиц из отдела рукописей, 30 тыс. томов из специального хранения и около 18 тыс. книг из военного отдела. Были отобраны рукописные книги, славяно-русские, греческие, западноевропейские и другие ценные издания. Первая партия книг была погружена на баржу и отправлена водным путем в июле 1941 г. Следует подчеркнуть, что эвакуация книг, проводимая силами сотрудников библиотеки, проходила в сложнейших условиях. Баржа с книгами попала под сильную бомбежку вражеской авиации, но, к счастью, уцелела.

Книги первой партии были размещены в районном центре Горьковской области, в городе Бор. Однако резкое ухудшение обстановки на фронте, начавшиеся налеты вражеской авиации на г. Горький в ноябре 1941 г. обусловили решение об отправке раритетных книг из фонда ГБЛ вглубь страны, еще дальше на Восток, в г. Молотов (Пермь).

Второй этап эвакуации книг из ГБЛ относится к ноябрю-декабрю 1941 г., когда гитлеровские армии вплотную подошли к Москве, что

предопределило потребность в дополнительной эвакуации литературы. Вторая партия книг была отправлена в г. Молотов (Пермь), где разместилось около 750 тыс. экземпляров. До 7 августа 1944 г. книги из фондов ГБЛ хранились в областной библиотеке и в клубе одного из заводов [2].

Наряду с ГБЛ в Москве эвакуацию книжных фондов вели и другие библиотеки. Так, из Исторической библиотеки вглубь страны было эвакуировано 120 тыс. томов. Первоначально книги были вывезены в г. Хвалынский на Волге, а затем на территорию Казахстана. Так же, как и эвакуированные фонды библиотеки им. Ленина, книги Исторической библиотеки попали под бомбардировку вражеской авиации в речном порту. Из библиотеки Московского государственного университета были эвакуированы 43 тыс. томов; из фондов Библиотеки иностранной литературы в тыл также была отправлена часть фондов.

Героические усилия к спасению книжных собраний прикладывали библиотекари Ленинграда. Так, в июле 1941 г. из Ленинграда был отправлен железнодорожный состав из 18 вагонов с книгами библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В вагонах находилось свыше 2600 ящиков с рукописными и уникальными книжными фондами библиотеки. Отбор книг (около 350 тыс. единиц хранения) был произведен всего за три недели.

Были эвакуированы все рукописные собрания, в том числе Остромирово Евангелие, Изборник Святославов и Лаврентьевская летопись 1076 г., фонды «Россика», «Польская печать», «Пушкинская коллекция», библиотека Вольтера, архивы и библиотека Г. В. Плеханова, Альды, Эльзевиры и т.д. [10].

Часть уникальных фондов библиотеки Ленинградского государственного университета была вывезена в г. Елабугу, фонды Государственной научной библиотеки народного комиссариата угольной промышленности были отправлены на Урал.

Все советские библиотеки, перед которыми стояла задача эвакуации книжных фондов, вынуждены были решать целый комплекс проблем. Прежде всего, необходимо было определить, какие именно собрания следует вывозить в первую очередь. Особое внимание уделялось отбору старинных изданий XV, XVI и XVII, XVIII и частично XIX в. В число предназначенных для эвакуации книг вошли издания времен Петра I, Французской революции 1789–1793 гг. и периода

Наполеона, первые издания А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и др. классиков русской литературы.

Книги отбирались путем сложного просмотра алфавитного каталога и выборки из него шифров на те книги, которые представляли наибольшую ценность. После отбора книг в каталожных карточках делались условные пометки, которые давали возможность узнать, имеется ли данная книга в фонде или она эвакуирована.

При упаковке в каждое место хранения вкладывался листок с инвентарным номером книг, упакованных в ящик. Наряду с этим каждый ящик имел порядковый номер и пометку, из какой коллекции книги взяты. На все эвакуированные книги составлялась общая опись с указанием номеров ящиков и номеров инвентарных книг в каждом месте хранения. Данные меры позволяли лучше обеспечить отбор книг, облегчить работу с оставшимся фондом, обеспечить учет и сохранность эвакуированных книг, а также ускорить их возвращение на свое место после реэвакуации.

Эвакуация книжных фондов требовала большого физического напряжения и огромного мужества сотрудников библиотек. Ценой невероятных усилий библиотекарей удалось вывезти небольшую партию книг Академии наук Украины. Благодаря оперативным действиям заведующей Курской областной библиотекой А. А. Аверкиной два вагона с книгами были отправлены в г. Сарапул (Удмуртия) [11].

Успела эвакуироваться республиканская библиотека Северной Осетии. Под непрерывной бомбежкой происходила отправка уникальных изданий по истории флота, редких монографий из Севастопольской морской библиотеки, при этом одна из последних партий книг погибла во время погрузки на транспорт.

Во время эвакуации библиотекари постоянно ощущали поддержку со стороны военных, гражданских организаций и рядовых граждан. Среди тех, кто оказывал помощь, были железнодорожники, военнослужащие, рабочие, колхозники. Благодаря их совместным усилиям библиотеки прибывали на места временного базирования практически без потерь. Перевозка библиотечных фондов поручалась самым опытным, квалифицированным специалистам, которые лучше других могли справиться с этой сложной задачей.

Наряду с организацией эвакуации книжных собраний, самостоятельную задачу представляла необходимость создания соответствующей

щих условий для хранения книг в местах их нового базирования, а также организация использования эвакуированной литературы для обслуживания местного населения. В ноябре 1941 г. НКП РСФСР издал указание, согласно которому все эвакуированные библиотеки должны были развернуть библиотечное обслуживание в местах их пребывания. Однако на практике организовать повседневную работу на местах было крайне сложно, и поэтому фонды большинства эвакуированных библиотек были законсервированы до реэвакуации. Вместе с тем знания и опыт специалистов, сопровождавших книги, положительно сказались на деятельности тех библиотек, в которых им пришлось работать во время эвакуации. Так, например, большую помощь оказали Молотовской областной библиотеке специалисты из Москвы; в библиотеки Узбекистана влились квалифицированные специалисты из России и Украины.

Важно было организовать необходимые условия для хранения эвакуированных ценностей. 7 мая 1942 г. Наркомпрос РСФСР утвердил «Временное положение о государственном объединенном музейно-библиотечном хранилище», целью которого было «сохранение эвакуированных музейно-библиотечных ценностей в помещениях, гарантирующих сохранность груза, и в системе, соответствующей требованиям музейно-библиотечного хранения» [17].

Анализируя организацию эвакуации книжных фондов, нельзя не сказать о том, что в ряде населенных пунктов стремительное продвижение гитлеровских войск в начале войны не позволило провести своевременную эвакуацию библиотечных фондов. Так, например, намеченная эвакуация фондов Ростовской областной библиотеки не состоялась, и весь фонд стал добычей оккупационных властей. Не удалось также эвакуировать Краснодарскую и Ставропольскую краевые библиотеки.

В самом начале войны в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., адресованной партийным и советским организациям прифронтовых областей, предписывалось: «...не оставлять противнику ни одного паровоза, ни одного вагона, ни килограмма хлеба, ни литра горючего» [6]. Данное указание нашло свой отклик. Люди при приближении захватчиков вывозили оборудование заводов, угоняли железнодорожные вагоны, рабочие зарывали в землю детали станков, колхозники угоняли скот в леса. Библиотекари также старались сде-

лать все возможное, чтобы спасти книги и укрыть их до прихода гитлеровских войск.

6 октября 1941 г. через город Мещовск Калужской области проследовали последние подразделения Красной армии. Город был оставлен без боя. В 10 ч. утра 7 октября, как это бывало и в старину, набат с колокольни известил о приближении немцев. Перед самым приходом фашистов заведующая Мещовской районной библиотекой Наталья Николаевна Петухова и библиотекарь Анна Николаевна Паншина начали укрывать книги. Рядом с педагогическим училищем они нашли сарай с сухим погребом. В него стали сносить мешки с книгами. Отец А. Н. Петуховой, Николай Иосифович, выстлал дно погреба досками и стал укладывать в подвал книги, каждый ряд тщательно покрывая соломой. Когда погреб был заполнен, его закрыли и засыпали землей. Но в книжных шкафах оставались книги – западноевропейская, русская и советская классика. Анна Николаевна предложила укрыть их в ямы. Книги были перенесены во двор Петуховых и Паншиных, значительное время было потрачено на поиск ящиков и сундуков. Потом во дворах были вырыты ямы и в них были укрыты ящики с книгами. Следы свежевскопанной земли были тщательно замаскированы.

Три месяца хозяйничали фашисты на территории города. Мещовск был освобожден 5–6 декабря 1941 г. Сразу же после освобождения города Петухова и Паншина вернулись в город. С помощью жителей из тайников было извлечено пять тысяч книг, практически все они неплохо сохранились, только у некоторых из них отсырели переплётты. На проспекте, где располагалось здание библиотеки, уцелело всего три дома, но городские власти сумели выделить для библиотеки две комнаты в жилом доме [18].

Город Щигры Курской области был оккупирован 21 ноября 1941 г.

За время оккупации были разрушены практически все предприятия и учреждения города. Щигры удалось освободить только 4 февраля 1943 г. До прихода оккупантов заведующая районной библиотекой Клавдия Георгиевна Иевлева и библиотекарь Анна Михайловна Филатова спрятали в подвале здания 10 тыс. книг. Остальные книги были перевезены в село Вязовское и там закопаны в землю на участке родственников. Во время оккупации в здании библиотеки располагалась комендатура. Перед уходом из города фашисты подожгли здание, но

полностью оно не сгорело, так как городские подростки сумели его потушить. От высокой температуры книги, находящиеся в подвале, истлели. Однако благодаря тому, что часть книг была укрыта в других тайниках, удалось спасти около семи тысячи томов и две тысячи экземпляров дореволюционных изданий. Это позволило библиотеке через две недели после освобождения города начать работу [16].

Заведующая Зеленчукской районной библиотекой Ставропольского края сумела укрыть в различных тайниках наиболее ценные книги, которые пережили оккупацию. Сотрудникам Пятигорского курортного управления удалось спрятать в подвалах здания около 10 тыс. томов, которые также избежали вывоза и уничтожения [26].

Примечателен факт спасения уникальной коллекции медицинской литературы – 200 тыс. томов – в библиотеке Краснодарского медицинского института. Софья Георгиевна Тер-Оганян до начала войны долгие годы проработала в библиотеке института. После захвата Ростова-на-Дону мединститут начал подготовку к эвакуации в Ереван. Под руководством Софьи Георгиевны началась подготовка к эвакуации библиотеки. Ректор вуза А. Н. Мотненко, понимая, что всю библиотеку эвакуировать не удастся, дал указание передать часть книг врачам срочного выпуска, а студентам, выезжающим в эвакуацию, выдать из абонементов как можно большее число учебников для их сохранения. Часть института переехала в Ереван. Однако эвакуация была приостановлена, когда началось новое наступление немецких войск. Удалось лишь сложить книги в мешки.

9 августа 1942 г. немецкие войска вошли в Краснодар. В период оккупации города нацистами помещение библиотеки было превращено в офицерскую гостиницу. С. Г. Тер-Оганян вместе с двумя библиотекарями перенесла часть фондов в другое здание. На дверях помещения, где расположился фонд, представители штаба Розенберга повесили приказ, грозящий смертной казнью за вынос книг и обязывающий ликвидировать всю общественно-политическую литературу. Представители штаба Розенберга неоднократно посещали библиотеку для отбора книг.

Однако С. Г. Тер-Оганян сумела замаскировать наиболее ценные книги и уничтожила карточки на них в каталоге. Таким образом, ей удалось спасти около 100 тыс. томов. Более 19 тыс. томов возвратили вернувшиеся из эвакуации студенты. Библиотека не только сумела в

короткие сроки восстановить свою работу, но и оказала помощь Ростовскому, Крымскому, Сталинградскому медицинским институтам, утратившим свои библиотеки в военные годы.

С риском для жизни удалось вынести часть ценных книг из горящего здания Таманской городской библиотеки его сотруднице О. И. Герасименко. Тайком от оккупационных властей она передавала книги узникам гражданского трудового лагеря. Впоследствии Герой Советского Союза журналист С. А. Борзенко писал о том, что среди трупов советских людей, умерщвленных нацистами, он нашел одну из этих книг с надписью: «За колючей изгородью мы вслух читали эту книгу, когда на наше счастье всходила луна. Лермонтов напомнил нам, что мы русские, и учил не покоряться в неволе» [3].

Не сумев эвакуировать свои книжные фонды, книги спасали и библиотекари Московской и Тульской, Калининской и Орловской областей.

В крайне тяжелых условиях оказались библиотеки Украины и Белоруссии. Быстрая оккупация территории республик практически не позволила вывезти книжные фонды большинства библиотек. Эти обстоятельства потребовали проявления личной инициативы, мужества и большого самообладания библиотечных работников в спасении библиотечных фондов. Так, заведующая Краматорской городской библиотекой Фесенко, прежде чем эвакуироваться из города, сумела спрятать 150 самых ценных книг. Харьковский библиотекарь А. Борщ закопала в железном ящике старинные альбомы итальянских архитекторов, образцы которых имелись только в Лувре, первые издания Коперника и Ломоносова. Два года пролежали они в земле, но были сохранены [21].

В городе Золотоноше Черкасской области на помощь библиотекам пришли жители города. Книги с их помощью удалось разместить в подвальных помещениях различных зданий. Таким образом удалось спасти более 25 тыс. томов [24].

Одной из самых героических страниц в работе библиотек в годы Великой Отечественной войны явилась борьба за спасение библиотечных фондов на оккупированной врагом территории. К сожалению, до сих пор эта область деятельности библиотек мало исследована. Это зачастую связано с отсутствием официальных документов, подтверждающих деятельность людей, которые скрывали библиотечные кни-

ги, а также с тем, что данные о спасении книг на оккупированной территории нуждаются в очень тщательной проверке.

Большинство библиотечных работников, которые оставались на занятой врагом территории, приложили максимум усилий, чтобы в дни гитлеровской оккупации сохранить фонды своих библиотек. Библиотекарь г. Могилева-Подольского Винницкой области Е. В. Завадская получила от фашистских властей города реестр книг, которые следовало сжечь. Под предлогом подготовки к уничтожению запрещенной гитлеровцами литературы она на несколько дней закрыла библиотеку. За эти дни Е. Завадская спрятала все книги, которые подлежали уничтожению, а затем демонстративно разожгла перед библиотекой костер, сжигая на нем в присутствии полицейских списанную когда-то старую литературу. Она организовала группу подростков, которые приносили ей книги из разных концов города. Их отыскивали в разрушенных зданиях, в заброшенных библиотеках. Удилось собрать сотни книг Горького, Коцюбинского, Чехова. Все это дало возможность на второй день после освобождения города открыть библиотеку [19].

Героически спасали свои книги библиотекари г. Умани. 30 июля 1941 г. советские войска оставили город. После занятия города фашистами начались чистки библиотечных фондов. Шестнадцать подвод с книгами были свезены в знаменитый городской парк «Софиевка» и там сожжены. Работу по спасению книг возглавила Людмила Николаевна Славиковская. Именно по ее указанию библиотечные книги стали укрывать в подвалах и переклеивать обложки на ценную и запрещенную литературу. Назначенный руководить библиотекой Крамм принес в библиотеку список книг, подлежащих уничтожению. Сотрудники библиотеки подписали его. На самом деле под руководством Л. Н. Славиковской книги тайно перенесли в отдельную комнату, завалили старыми газетами, а на двери повесили надпись «Архив». Людмила Николаевна Славиковская была расстреляна за связь с партизанами и причастность к работе подпольной типографии. В последний раз одна из сотрудниц библиотеки видела, как её вели по городу босой по снегу и избивали [23].

Ценой больших усилий удалось сохранить книги одной из старейших детских библиотек страны, Киевской областной детской библиотеки им. 15-летия ВЛКСМ. Она располагала единственным на

Украине музеем детской книги, который насчитывал около 30 тыс. томов. Среди них были книги Бюффона и Плутарха, изданные для юношества в 1823 г., «Прогулка с детьми по России», «Детское чтение для сердца и разума», книги для детей на английском, французском и других языках. Эта библиотека работала до самых последних дней пребывания советских войск в городе, до прихода немцев. Часть сотрудников во главе с заведующей библиотекой Т. П. Гибой не сумели эвакуироваться. В подвалах библиотеки они укрыли наиболее ценные книги из своего фонда. Зимой 1941–1942 гг. сотрудники собирали книги по городу и укрывали их в помещении своей библиотеки. Героическими усилиями небольшой группы удалось спасти 120 тыс. томов из своего фонда и около 42 тыс. книг из других книжных хранилищ города [12].

Еще 16 сентября 1941 г., на следующий день после окружения войск Юго-Западного фронта в районе Киева, Государственный комитет обороны принял постановление «Об эвакуации предприятий Харькова и Харьковской области». Однако вывезти книжные фонды областной библиотеки им. Короленко не удалось. Надо сказать о том, что ещё ранее во время очередной бомбардировки немецкой авиацией города несколько зажигательных бомб упало на здание библиотеки. Тогда библиотеку удалось защитить от пожара. Однако затем здание библиотеки сильно пострадало, когда возле фондохранилища взорвалась пятисоткилограммовая фугасная бомба.

18 октября после эвакуации директора библиотеки ее возглавила Мария Ивановна Румницкая. Немецкие оккупационные власти проявили большой интерес к уникальной библиотеке. Особенно их интересовала научная литература, книги экономического характера, книги о промышленном потенциале области, её природных ресурсах, карты, атласы, описания различных регионов, пропагандистская литература и редкие книги. Библиотека попала в зону интересов батальона особого назначения СС под руководством Эберхарда фон Кюнсберга, который занимался грабежом культурных ценностей. Люди Кюнсберга грабили библиотеку с октября 1941 г. по январь 1942 г. А затем грабежом ценных фондов занимались уже представители штаба Розенберга.

28 октября 1941 г. библиотекарям разрешили входить в здание библиотеки и переносить книги из разрушенного фондохранилища в другие помещения. В короткие сроки удалось перенести 1,5 млн эк-

земляров. В декабре 1941 г. из библиотеки в Берлин вывезли коллекцию карт. Затем в библиотеке с целью отбора литературы стали появляться представители различных немецких ведомств. Марии Ивановне с большим риском в некоторых случаях удавалось оставить в библиотеке литературу, предназначенную к вывозу.

Город был освобожден 15 февраля 1943 г. Но радость была недолгой. 10 марта 1943 г. немцы вновь заняли город. В период второй оккупации погибли сотни тысяч книг в библиотеках города. Были сожжены и тысячи книг, которые ранее представители штаба Розенберга отобрали для отправки в Германию. В марте 1943 г. возникла угроза полного уничтожения книжного фонда библиотеки. 18 марта у здания библиотеки солдаты немецкой жандармерии разожгли огромный костер из книг. Почти полностью сгорела уникальная коллекция восточной литературы – около 30 тыс. экземпляров. Работникам удалось скрыть лишь небольшую ее часть, которая после войны вошла в фонд старопечатных и редких изданий. Солдаты намеревались продолжить акцию и дальше, и собрались выбросить из окон библиотеки на мостовую почти все ее книги. М. И. Румницкая смогла воспрепятствовать этому и убедить представителей городской управы в том, что книги могут еще понадобиться. Библиотеке выдали охранную грамоту.

23 августа 1943 г. Харьков был окончательно освобожден от фашистов, а 26 августа был составлен акт об ущербе, нанесенном оккупантами библиотеке им. В. Г. Короленко. До войны библиотека насчитывала около двух миллионов томов, в результате действий оккупантов она потеряла 530 тыс. своих книг. Но эти потери были бы еще больше, если бы М. И. Румницкая и сотрудники библиотеки не делали всё возможное для спасения уникального книжного собрания. Удалось сохранить наиболее ценную часть фонда старопечатных и редких изданий – инкунабулы, издания XVI в., в частности экземпляры Острожской Библии, изданной в 1581 г. Иваном Фёдоровым [13].

Героически спасали свои книжные фонды библиотекари Белоруссии.

23 июня 1941 г., на второй день после начала Великой Отечественной войны, немцами был занят город Гродно. Естественно, областная библиотека не сумела вывезти свои фонды. Немцы заняли помещение библиотеки. Была сожжена часть ее фондов. Это были произведения русской и советской классики. Часть книг Гродненской об-

ластной библиотеки, которую не успели сжечь фашисты, была перенесена в одну из школ города. С помощью своих коллег сотрудник библиотеки Николай Алексеевич Червяковский тайно перевез часть книг к себе домой. Его квартира превратилась в нелегальную библиотеку. Известно, что этой библиотекой пользовались и партизаны. Через свою связную Яворскую, которая осуществляла связь партизан с городским подпольем, книги попадали из квартиры Червяковского в партизанский отряд. После прочтения партизанская связная приносила их обратно и забирала новую партию. При одном из посещений города Яворская погибла.

Благодаря спасенным Н. А. Червяковским книгам на десятый день после освобождения города библиотека сумела начать свою работу.

26 июля 1941 г. гитлеровцы захватили город Могилёв. В городе был установлен жестокий оккупационный режим. Оккупантами были организованы пять лагерей смерти и пересыльный лагерь для военнопленных.

Могилёвская областная библиотека не смогла эвакуировать свои книжные фонды. Работу по спасению ее фондов возглавила Мария Михайловна Ненашева. Она проработала в Могилёвской областной библиотеке со дня ее основания и в 1940 г. стала ее директором. Перед началом войны библиотека имела в своих фондах 70 тыс. томов. Под руководством М. М. Ненашевой сотрудники библиотеки зарывали наиболее ценные книги в землю, прятали в подвалах, раздавали читателям.

С августа 1941 г. в городе начала действовать подпольная организация. Мария Михайловна была участником могилёвского подполья. Она помогала прятать в здании библиотеки солдат, убежавших из лагеря военнопленных, и делала всё возможное для того, чтобы они могли перебраться в партизанские отряды. Библиотека стала местом встречи подпольщиков. Мария Михайловна Ненашева и библиотекарь Анна Яковлевна Чудович также помогали распространять листовки. Когда подпольщикам понадобилось описание гектографа (простейшего множительного прибора, печатающего оттиски с рукописного текста и рисунки с помощью особой желатиновой массы), а также их интересовал состав этой массы, они обратились за помощью к библиотекарям. Анна Яковлевна Чудович, рискуя жизнью, дала возможность подпольщикам пробраться в ту часть книгохранилища, которая находилась в ведении оккупантов, чтобы взять оттуда необходимую лите-

ратуру. С помощью книг осуществлялась передача сведений, собранных подпольщиками. На страницах между строк и на полях простым карандашом записывалась информация, которую нужно было передать за линию фронта.

Во время следующей встречи один из организаторов подполья, школьный учитель Казимир Юльянович Мэттэ, возвращал уже чистую книгу, а взамен получал «заполненную». В августе 1942 г. начались аресты подпольщиков.

Была разгромлена подпольная группа «Комитет содействия Красной Армии». К осени 1942 г. были арестованы и замучены многие участники могилёвского подполья. В 1943 г. Мария Михайловна Ненашева погибла. Благодаря ей и ее сотрудникам удалось сохранить более 25 тыс. книг.

5 июля 1941 г. немцы вошли в белорусское село Красный Берег Гомельской области. В районе села фашисты устроили крупнейший пересылочный центр Гомельской области и огромный госпиталь для солдат и офицеров. Героически спасала библиотеку Краснобережского сельскохозяйственного техникума Мария Яковлевна Бабарыкина. Немцы появились в техникуме 5 июля 1941 г. Еще до прихода нацистов Мария Яковлевна организовала студентов, и они перенесли книги из библиотеки в одно из помещений чердака здания. Затем дверь в помещение замазали глиной и побелили ее. Все работы были закончены, когда немцы уже входили в Красный Берег. Таким образом, библиотеку удалось сохранить.

19 августа 1941 г. немецкие войска вошли в город Гомель. Гомель удалось освободить только 26 ноября 1943 г. Более 80% зданий города было уничтожено.

Гомельская областная библиотека располагалась в одном из лучших зданий в самом центре города. В ее фондах насчитывалось 100 тыс. томов. Перед самым приходом немцев книги были подготовлены к эвакуации и погружены в вагоны. Известно, что удалось вывезти в Пензенскую область часть коллекции книг коллекции князя Ф. И. Паскевича. Основные фонды библиотеки вывезти не удалось. Тогда библиотекари самоотверженно вынесли книги из состава и укрыли их в различных частных домах и подвалах. Немецкой комендатуре стало известно, что книги спрятаны где-то в городе. Начались поиски. Немцам удалось найти и изъять книги Горького, Якуба Коласа, Янки Купалы. Перед уходом из города немцы сожгли оставшиеся книги.

Но этих утрат было бы гораздо больше, если бы не героизм и мужество белорусских библиотекарей, которые делали все возможное для спасения национального книжного достояния.

Нельзя не подчеркнуть тот факт, что все эти действия советских библиотекарей по спасению книг были отнюдь не безопасны, все они были сопряжены с угрозой для их жизни. Имеется немало фактов, подтверждающих это.

К сожалению, факты, связанные с организацией спасения книжных фондов на временно оккупированной территории страны, не нашли должного отражения в библиотековедческой литературе. Во многом это было связано с тем, что многие, спасавшие книги, находились некоторое время на оккупированной территории, что вызывало впоследствии определенное недоверие к ним со стороны органов советской власти.

Говоря о спасении библиотечных фондов в военные годы, следует сказать также и о том, что эвакуация книг пагубно сказалась на их состоянии. Многие ценные издания нуждались в особых условиях хранения. Отсутствие определенного температурного режима, сырость и влага, хранение в непригодных для этого помещениях приводили к физическому разрушению ценных изданий. К сожалению, мы не располагаем точными и достоверными сведениями о потерях книг в результате эвакуации и нарушения условий хранения, тем не менее, судя по отчетам библиотек, многие из них утратили часть книг в результате эвакуационных мероприятий.

Таким образом, можно сделать вывод, что советские библиотекари стремились сделать все возможное для спасения и сохранения библиотечных фондов в экстремальных условиях начала Великой Отечественной войны. Большое значение имело создание подразделений противовоздушной обороны в библиотеках. В результате этого силами работников библиотек удалось сохранить крупнейшие книжные хранилища Москвы и Ленинграда во время налетов немецкой авиации.

К сожалению, отсутствие четких эвакуационных планов в предвоенные годы сыграло негативную роль в организации эвакуации книжных фондов российских библиотек. Отсутствовала и методика отбора книжных фондов для проведения эвакуационных мероприятий. Библиотекарям приходилось самим принимать решения, что из ценных книжных собраний эвакуировать в первую очередь.

Тяжелая военная обстановка не позволила провести своевременную эвакуацию книжных фондов из западных регионов России. Тем не менее библиотекари прифронтовых областей старались сделать все возможное для спасения книг до прихода гитлеровских войск.

Вместе с тем несмотря на колоссальные усилия по сохранению и спасению книжных фондов, библиотечные фонды, вывезенные из западных областей СССР, подвергшихся оккупации, составляли лишь ничтожную часть от многомиллионных фондов, оставшихся на захваченной фашистами территории. В западных регионах России практически не осталось ни одной библиотеки, которая не потерпела бы значительный ущерб во время оккупации.

Литература

1. Архив Российской государственной библиотеки (РГБ) Оп. 1916. Д. 2. Л. 59.
2. Там же. Оп. 268. Д. 47. Л. 3.
3. Борзенко, С. А. Очки Новороссийска / С. А. Борзенко // Элита. – 1975. – 202 с.
4. Васильченко, В. Е. Библиотечное дело в годы Великой Отечественной войны (машинопись) (научная библиотека МГУКИ).
5. Там же.
6. Великая Отечественная война Советского Союза. – 1941–1945: Краткая история. – М., 1967. – С. 602.
7. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945: энциклопедия. – М., 1985. – С. 802.
8. Там же. – С. 802.
9. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 81. Л. 5–6; ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 2749. Л. 35.
10. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3018. Л. 1
11. ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 335. Л. 153.
12. ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 232. Л. 20.
13. ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 152. Л. 161. Коллекция документов Департамента по сохранению культурных ценностей Министерства культуры Российской Федерации (МК РФ).
14. Голос прошлого: Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина в годы Великой Отечественной войны. – М., 1991. – 79 с.
15. Горшенин, С. Г. Политика советского государства по отношению к культурно-историческому наследию в период Великой Отече-

ственной войны и в первые послевоенные годы /С. Г. Горшенин. – М., 1992. – С. 54

16. Известия. – 1944. – 16 января.

17. Коллекция документов Департамента по сохранению культурных ценностей Министерства культуры Российской Федерации (МК РФ).

18. Там же.

19. Там же.

20. Комсомольская правда. – 1993. – 26 декабря.

21. Куманев, Г. А. Культурное строительство в прифронтовых и освобожденных районах СССР в 1941–1945 гг. / Г. А. Куманев. – М.: ИИ СССР, 1985. – 210 с.

22. Курт, Я. Библиотека Ученых / Я. Курт // Вечерняя Москва. – 1944. – 18 декабря.

23. Лидин, В. Г. Друзья мои книги / В. Г. Лидин. – М., 1976. – С. 356.

24. Максакова, Л. В. В рядах воюющего народа / Л. В. Максакова. – М.: Мысль, 1965. – 120 с.

25. Советская культура в годы Великой Отечественной войны. – М., 1976. – С. 120–129.

26. Ставропольская правда. – 1943. – 12 февраля.

27. Тетерятников, В. М. Проблема культурных ценностей, перемещенных в результате Второй мировой войны / В. М. Тетерятников. – М., 1996. – С. 11.

28. Учительская газета. – 1941. – 6 августа.

29. Чуковский, К. Книги и бомбы / К. Чуковский // Вечерняя Москва. – 1941. – 9 октября.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие методы применялись для сохранности библиотечных фондов в первые дни войны?

2. Какие проблемы необходимо было решать при организации эвакуации книжных фондов?

3. Какие методы использовались библиотекарями при невозможности проведения своевременной эвакуации книжных фондов?

4. Назовите наиболее запомнившиеся вам факты спасения книг на временно-оккупированной территории?

Раздел 5. АНАЛИЗ КНИЖНЫХ ПОТЕРЬ РОССИИ И ПОИСК УТРАЧЕННЫХ КНИЖНЫХ ФОНДОВ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Масштабы разрушений и утрат материальных и культурных ценностей СССР, гибели советских людей в Великой Отечественной войне, как известно, беспрецедентны. До настоящего времени уточняются цифры погибших во время гитлеровского нашествия и осуществляются корректировки исчисления ущерба, нанесенного нацистами отечественной культуре.

2 ноября 1942 г. была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК). Одним из направлений деятельности комиссии являлось уточнение ущерба, нанесенного нацистами нашей культуре. Комиссия продолжала свою работу до 9 июня 1951 г. [13].

В состав комиссии входили 11 ведущих деятелей науки и культуры: шесть академиков, в том числе – секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, митрополит Киевский и Галицкий Николай, академики Н. Н. Бурденко, И. Э. Грабарь, Т. Д. Лысенко, Е. В. Тарле, Н. П. Трайнин, писатель А. Н. Толстой, Герой Советского Союза летчик В. С. Гризодубова. Председателем комиссии был назначен секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник.

Работа на местах проводилась региональными комиссиями. Всего за военные годы было создано 19 республиканских и областных комиссий содействия работе ЧГК [13].

В соответствии с инструкциями ЧГК результаты учета материального ущерба и фактов преступлений оккупантов должны были документироваться в форме актов. В качестве приложений к актам использовались свидетельские показания, акты экспертиз, трофейные документы.

ЧГК провела расследование в 28 областях восьми союзных республик и определила материальный ущерб в сумме 679 миллиардов рублей (по государственным ценам 1941 г.). В результате работы комиссии было составлено 4 миллиона актов.

Следует сказать о том, что юридическое значение обличительных материалов ЧГК было закреплено 8 августа 1945 г. уставом Междуна-

родного военного трибунала. Статья № 21 признала материалы ЧГК бесспорными, принимаемыми без доказательств [24].

В сентябре 1943 г. на заседании ЧГК было создано бюро экспертизы. Задачей бюро являлась оценка разграбленных и уничтоженных гитлеровцами культурных ценностей. В качестве экспертов, призванных оценить ущерб, нанесенный книжной культуре и фондам библиотек СССР, привлекались библиотековеды, библиографы и книговеды: главный библиотекарь Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина Д. Н. Чаушанский, книговед И. Г. Агальцев, библиограф И. М. Кауфман.

ЧГК установила, что нацисты уничтожили и разграбили 84 тыс. школ, техникумов, 334 вуза, 605 научных учреждений с библиотеками, 43 тыс. библиотек. В документах ЧГК потери массовых библиотек оцениваются более чем в 100 млн томов. В недавно появившихся публикациях указывается на то, что объем книжных потерь был гораздо больше, в частности, приводятся данные, что в библиотеках СССР погибло около 200 млн книг [26].

Работа ЧГК по сбору информации была крайне затруднена. Нацисты вывозили и уничтожали каталоги библиотек, не все ведомства, имевшие в своем распоряжении библиотеки, четко и оперативно представляли в комиссию необходимые данные. Из-за отсутствия проверенных и достоверных сведений невозможно было установить, что именно было вывезено, а что уничтожено оккупантами. Таким образом, в учетных документах данные по потерям библиотечных фондов обозначались в одной графе – «Вывезено и уничтожено».

Попытаемся дать характеристику состояния отечественных библиотек, находившихся на временно оккупированных территориях или в зоне боевых действий, после разгрома нацистских войск.

Практически полностью был уничтожен библиотечный фонд Ставропольского края. Только по библиотекам системы Наркомпроса недосчитались около 2 млн книг. Погибла областная библиотека в г. Черкесске. В Кисловодске было уничтожено 14 библиотек с фондом 40 тыс. томов [4].

Полностью погибли книжные фонды Сталинграда и десяти районов области, находившихся в зоне оккупации. Погибла областная библиотека им. А. М. Горького (250 тыс. томов). В период оккупации Во-

ронежской области с 27 июня 1942 г. по 30 января 1943 г. было уничтожено 37 библиотек с более чем 975 тыс. книг.

Значительный урон был нанесен одной из старейших библиотек страны – Воронежской областной библиотеке. Она была основана в 1864 г. и незадолго до войны отметила свой 75-летний юбилей. По состоянию на 1939 г. ее фонд насчитывал более 600 000 томов. Впоследствии удалось обнаружить лишь 5 тыс. книг из этой библиотеки, перемещенных в Курск нацистами [2].

Шестьдесят шесть библиотек было разграблено в Краснодарском крае. В краевой библиотеке было уничтожено и разграблено свыше 85 тыс. томов. Погиб фонд периодики и фонд редких изданий. В качестве топлива был использован фонд юридической библиотеки, книжный фонд библиотеки педагогического института выброшен в подвал городской управы и использован как макулатура [5]. Жесточайшему разрушению подверглась библиотечная сеть Ростова-на-Дону. Нацисты разграбили ценные фонды областной библиотеки им. К. Маркса (300 тыс. томов). Библиотека утратила фонд иностранной литературы в 60 тыс. томов, погибла вся дореволюционная периодика. Были уничтожены библиотеки городов Миллерово, Каменска, Батайска [6]. Больше сотни библиотек было уничтожено и разграблено в Орловской области, 55 тыс. изданий утратила областная библиотека; 37 библиотек с совокупным фондом 1 млн 160 тыс. томов потеряла Брянская область.

Невосполнимые потери понес древний русский город Смоленск. Областная библиотека, насчитывающая в своих фондах к началу 1941 г. около 650 тыс. томов, после освобождения города собрала только 120 тыс. книг. До войны эта библиотека располагала ценнейшими коллекциями частных собраний книг, рукописей XVI в., в том числе книгами графа Л. П. Мещерского – наследника Паниных, графа Кушелева-Безбородко, княгини Е. Н. Клетновой. В фондах библиотеки располагались коллекции книг из бывшей Смоленской духовной семинарии, гимназии, Благородного собрания. Все эти издания были утрачены во время войны.

Всего на территории Смоленской области пострадало и было разрушено 289 библиотек с фондом 3 867 450 экз. В самом Смоленске были уничтожены пять крупнейших вузовских библиотек, пять биб-

лиотек техникумов. Богатейшая библиотека педагогического института, насчитывающая сотни тыс. книг, была замурована в подвале для сохранения от пожаров, во время бомбардировок. Оккупанты разыскали и разграбили эту библиотеку. Особенно пострадала уникальная коллекция рукописных книг. Среди 696 наименований была греческая рукопись на пергаменте, грамоты XVII в., рукописные приказы Петра I, псалтырь Онежского монастыря, Евангелия 1496, 1566, 1646 гг. Также были утрачены газеты, листовки, прокламации 1738–1940 гг.

Огромный ущерб был нанесен Смоленскому музею, в котором погибло 1612 рукописей и старопечатных книг.

Среди районных библиотек Смоленской области пострадали Ярцевская, Вяземская, Гжатская, Ельнинская, Рославльская, имевшие от 30 до 40 тыс. книг.

Невосполнимой утратой явилась потеря фондов редчайшей библиотеки в Дорогобуже, собранной владельцами имения «Алексино» Барышниковыми [11].

Большой урон был нанесен библиотекам Курской области. В 1943 г. Народный комиссариат просвещения РСФСР, проводя анализ состояния библиотечного дела в районах, освобожденных от гитлеровской оккупации, отмечал, что по семи районам Курской области было разграблено и разрушено 40 библиотек системы Наркомпроса [9].

Курской областной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков был установлен факт уничтожения и разрушения 122 помещений библиотек, в которых было утрачено 3 123 584 экз. [10].

Было уничтожено здание Калининской (Тверской) областной библиотеки. До войны она имела около 200 тыс. томов. Всего в библиотеках города погибло 546 тыс. книг.

Более 150 тыс. книг недосчитались библиотеки Калужской области.

В Московской области была полностью уничтожена 101 библиотека с общим фондом более миллиона книг (1 002 200 экз.).

В Ясной Поляне была уничтожена уникальная школьная библиотека, насчитывающая 18 тыс. томов. Большая часть ее погибла в печах и на разложенных нацистами вокруг школы кострах [3].

Практически полностью был уничтожен книжный фонд Псковской областной библиотеки. Уникальные издания утратил Псковский

государственный музей. Среди утраченных книг были Библия, напечатанная Ф. Скориной в Праге в 1517 г.; Служебник 1508 г., Октоих, напечатанный в Москве Н. Феофановым и П. Федыгиным в 1618 г. Был уничтожен Пушкинский заповедник в Михайловском. Домик няни Пушкина Арины Родионовны был разобран и использован как материал для строительства блиндажей, а здание библиотеки сожжено.

Из общего фонда библиотек Ленинграда и его пригородов было уничтожено и разграблено 2 910 363 тома. Из этих книг особую ценность представляли собрания дворцовых библиотек Пушкина, Павловска, Гатчины. В общей сложности было утрачено 70 тыс. книг, среди которых находились коллекции библиотеки К. Росси (Павловск), библиотека Александры Федоровны (Петергоф), библиотека Александра III (Гатчина) и другие уникальные коллекции и отдельные издания.

Из 651 массовой библиотеки Ленинградской области к 1946 г. числилось лишь 347. Характеризуя уничтожение библиотек Ленинградской области, надо подчеркнуть, что фонды городских и районных библиотек этой области представляли особую ценность в силу исторических условий их формирования. Особая ценность фондов библиотек Ленинградской области объясняется тем, что источником их формирования в ряде случаев являлся Петроградский книжный фонд, распределявший книжные комплекты из реквизированных частных собраний во время национализации книжных фондов в первые годы Советской власти. Именно в этот период в библиотеки поступило большое количество ценных изданий. Несмотря на периодические «чистки» фондов, проводившиеся в 1930-е годы, районные и городские библиотеки Ленинградской области имели в своих фондах значительное число ценных книг.

Говоря о потерях российских библиотек, нельзя не сказать о том уроне, который был нанесен библиотечным системам Белоруссии и Украины. До войны в Белоруссии насчитывалось 4172 массовые и 500 научных библиотек.

Колоссальный урон нанесли нацисты книжной культуре белорусского народа. Только из Государственной библиотеки Белоруссии было отправлено в Берлин, Кёнигсберг, Будапешт и Прагу 40 тыс. томов. Среди книг были редчайшие издания Франциска Скорины, первое из-

дание Литовского Статуса, коллекция Я. Купалы, Я. Коласа и других писателей, уникальные материалы истории войны 1812 г.

Большую научную ценность представляла библиографическая картотека, насчитывающая 300 тыс. записей по истории и культуре Белоруссии. При ее составлении была использована периодика XIX – начала XX в. На базе этой картотеки были составлены изданные АН БССР библиографические работы по этнографии, истории и литературе. Все эти материалы были уничтожены.

Из Несвижа была вывезена ценнейшая библиотека князей Радзивиллов, насчитывающая 20 тыс. редких книг. Практически полностью была уничтожена и разграблена библиотека Академии наук Белоруссии (300 тыс. томов.), в том числе положенная в ее основу библиотека М. В. Довнар-Запольского – 15 тыс. томов. В результате нашествия Белоруссия потеряла более 90% своих библиотечных фондов [20].

Хорошо отлаженную и разветвленную систему имела до войны библиотечная сеть Украины. Библиотеки и музеи Украины располагали ценнейшими изданиями, уникальными историческими документами, которые в первую очередь изымались и вывозились нацистами. Так, из Киево-Печерской лавры были вывезены грамоты гетманов, архивы киевских митрополитов, акты и рукописи XV–XVIII вв. Погибла Киевская университетская библиотека с фондом 1 300 000 экземпляров. Карты, атласы, книги по географии, статистике, экономике были вывезены, а сам университет взорван. В целом из библиотек столицы Украины было похищено и уничтожено свыше 4 млн томов.

Жестокому разграблению подверглись библиотеки Харькова. Оккупанты разграбили одно из старейших книгохранилищ – библиотеку им. Короленко. Из 2 000 000 томов было вывезено и уничтожено 518 тыс. Полностью была уничтожена Черниговская областная библиотека. Более полумиллиона книг исчезло из фондов Днепропетровской областной библиотеки. Десятки тысяч украинских библиотек прекратили свое существование в период оккупации [1].

В табл. 2 приводятся обобщенные сведения об объеме и масштабе книжных потерь СССР в годы войны [7], полученные в результате работы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

СВЕДЕНИЯ
об ущербе, нанесенном немецко-фашистскими захватчиками
библиотекам Союза ССР (ущерб по литературе)

Наименование наркоматов	Всего печатных единиц
Наркомуголь СССР	2 062 592
Нарк. электрост.	597 309
Нарк. авиац. промышленности	9 977 800
Нарк. черной металл.	965 134
Нарк. тяж. машиностроения	2 479 000
Нарк. станкостроит. промышленности	419 575
Нарк. легкой промышленности	700 170
Нарк. текстильн. промышленности	976 660
Нарк. лесной промышленности	997 840
Нарк. нефтян. промышленности	89 218
Нарк. мясомолочн. пром-ти	344 750
Нарк. боеприпасов	322 197
Нарк. танков. промышленности	224 050
Упр. труд. резервов	30 000
Наркомстрой	1 204 190
Наркомцветмет	349 064
Нарк. электропром.	1 198 925
Б-ки Академии наук СССР	1 668 196
Нарк. Военно-морск. флота	2 630 091
Нарк. пут. сообщения	4 172 200
Нарк. здравоохранения	3 618 756
Всесоюзн. книжная палата	14 000
Центр. Научн. сельхоз. биб-ка	151 736
Комитет по делам культурно-просветит. учрежд. при СНК РСФСР	20 576 127
Нарк. резин. промышленности	150 400
Наркомпрос РСФСР	24 081 100
Наркомпрос Украинской ССР	23 681 738
Наркомпрос Белорусской ССР	8 740 539
Наркомпрос Карело-Финской ССР	569 854

Наркомпрос Литовской ССР	337 420
Наркомпрос Эстонской ССР	346 176
Наркомпрос Латвийской ССР	1 372 882
ИТОГО:	115 049 689

Следует отметить, что в военные и первые послевоенные годы так и не удалось воссоздать полную и точную картину ущерба, нанесенного отечественным библиотекам в ходе войны. При этом если цифровые данные хотя бы приблизительно отражают потери книжных фондов, то данные о качественном составе потерь отечественной книжной культуры практически отсутствуют.

Эксперты Чрезвычайной государственной комиссии работали в сжатые сроки. Перед ними была поставлена конкретная задача – как можно быстрее предоставить данные об утраченных книгах и библиотеках. В этих условиях не было возможности заниматься персоналиями, анализом качественного состава утраченных, погибших или вывезенных книг. Работа ЧГК осложнялась двумя существенными обстоятельствами. Во-первых, отсутствием каталогов, которые, как отмечалось ранее, как правило, вывозились или уничтожались немецкими службами. Во-вторых, отсутствием кадровых сотрудников тех библиотек, анализ фондов которых осуществляла ЧГК, потому что библиотекари находились во время работы комиссии на фронте или в эвакуации, и не могли оказать содействия в составлении данных по наиболее ценным утратам.

Несмотря на все сложности уже на завершающих этапах войны стал осуществляться поиск книжных фондов, утраченных в военные годы.

По мере вступления советских войск на территории Польши, Чехословакии, Германии в библиотеки России, Украины, Белоруссии стали поступать письма об обнаруженных в том или ином населенном пункте книгах из советских библиотек. Принадлежность книг устанавливалась по штампу библиотеки.

На станции Пщина (юго-западнее г. Освенцима) был захвачен железнодорожный эшелон, в котором было найдено 150 тыс. книг и 100 тыс. журналов, вывезенных из Новгорода, Пскова, Витебска, Бреста, Пинска. Значительную часть составляли издания из Государственной библиотеки Белоруссии им. В. И. Ленина.

В Шенхайне (20 км. северо-западнее г. Ратибож (Ратибор), Польша) было найдено 20 тыс. книг на русском, белорусском, украинском, польском, французском, латышском и других языках по вопросам истории, экономики и литературы. Книги принадлежали Государственной библиотеке Белоруссии и Академии наук БССР. В имении бывшего германского посла в СССР фон Дирксена была обнаружена библиотека, насчитывающая 32 500 томов, включая книги, вывезенные из Академии наук Украины, Новгородского исторического музея и других библиотек.

В одном из писем, полученных областной библиотекой Минска, говорилось о найденных в Мысловице, недалеко от Катовице, книгах из Белоруссии. Таким же образом было сообщено о десятках тысяч томов из библиотек Академии наук Украины и Киевского университета, найденных в поселке Грабов в Померании.

Находясь в составе Действующей армии, директор библиотеки сельскохозяйственной академии Белоруссии Д. Р. Новиков обнаружил в Германии книги из своей библиотеки в подвале одного крупного имения. Другая часть книг, принадлежащих этой библиотеке, была найдена в 1945 г. под Кёнигсбергом.

Книги из Белоруссии были обнаружены солдатами Украинского фронта в районе юго-западнее Освенцима. В городе Хайльсберге разведчики 3-го Белорусского фронта зимой 1945 г. нашли книги из Института зоологии Украинской академии наук.

Известно, что на завершающих этапах войны в составе Советской армии работали группы специалистов-искусствоведов. В частности, бригада комитета по делам искусств в марте 1945 г. находилась на 1-м Белорусском фронте [22]. Доктор искусствоведения, профессор А. Чегодаев вспоминает, что был послан в Германию на 1-й Украинский фронт, но его деятельность в основном сводилась к проверке работы трофейных комиссий. О каких-то находках наших культурных ценностей он не сообщает.

В феврале 1945 г. на имя начальника Управления по делам искусств при СНК РСФСР Н. Н. Беспалова поступила докладная записка от директора одного из советских музеев. В ней говорилось: «Войска, продвигаясь вглубь неприятельской территории, захватывают большие трофеи. Среди этих трофеев встречается немало экспонатов, награбленных в Советском Союзе. Об этом часто публикуются замет-

ки в центральных газетах. Существовавшие в частях РККА трофейные комиссии интересуются, главным образом, трофеями оборонного значения. Учитывая большую значимость увезенных фашистами ценностей, нужно, чтобы при штабах армии действовали особые уполномоченные комитета искусств по розыску, сбору и возврату культурных ценностей СССР» [8].

В период боев на территории Германии Главным политическим управлением РККА были посланы две группы библиотечных работников с задачей взятия на учет и обеспечения охраны всех наиболее ценных книгохранилищ и библиотек, как принадлежащих разным германским ведомствам, так и вывезенных из СССР и других стран.

Политорганам наступающих фронтов были даны указания при обнаружении библиотек и книгохранилищ учитывать их и обеспечивать сохранность всей литературы. Специальными бригадами ГлавПура и политорганами действующей армии на территории Германии во время боев было выявлено и учтено более двух миллионов томов различной литературы. В том числе были обнаружены книги, вывезенные с советской территории. В частности, в районе действий 4-го Украинского фронта было найдено и учтено около 1 200 000 книг, принадлежавших Могилёвской центральной городской библиотеке им. К. Маркса, Псковской городской библиотеке, Рижскому Дому Красной армии, библиотеке представительства СССР в Латвии. Для хранения этой литературы был организован специальный склад в г. Мысловице. 40 железнодорожных вагонов понадобилось для возвращения этих книг в СССР [25].

Чрезвычайной Государственной комиссией были подготовлены данные об утраченных ценностях. Однако списки ЧГК, которые годились для использования в качестве доказательной базы общего объема утрат и разрушений культурных ценностей СССР на Нюрнбергском процессе, оказались практически малопригодными для работы советских специалистов в Германии при поиске утраченных ценностей, и в частности книжных фондов конкретных библиотек. Как уже отмечалось ранее, в списках ЧГК не уточнялось, что именно из книг было вывезено, а что уничтожено. Особенно сложно было с определением качества книжных потерь. Кроме того, списки ЧГК не были скорректированы со списками культурных ценностей, которые были найдены ранее на территории Прибалтики, Польши, Германии на завершающих этапах войны.

Вместе с тем не надо забывать и то, что на протяжении всего 1945 и первой половины 1946 г. на территории Советской зоны оккупации Германии работало большое число комиссий и бригад различных организаций, которые занимались обследованием музеев, хранилищ и библиотек. Каждая из этих организаций в той или иной степени имела отношение к вывозу обнаруженных советских культурных ценностей. Проведенный нами анализ архивных документов не позволил обнаружить обобщенных данных о том, что именно из советских ценностей было разыскано и возвращено на территорию СССР в ходе этих работ. Во многом это объясняется, по нашему мнению, тем, что, к сожалению, в Советском Союзе не были созданы специальные структурные подразделения, занимающиеся сбором данных о вывезенных культурных ценностях.

Иной подход к этой проблеме был у союзников. 20 августа 1943 г. Государственный департамент США объявил о создании Американской комиссии по защите и спасению культурных и исторических памятников в Европе, которая по имени председателя Оуэна Дж. Робертса получила название комиссии Робертса для расследования вывоза предметов искусства Германией и ее союзниками.

По образцу комиссии Робертса британское правительство сформировало в мае 1944 г. Комитет по охране и реституции предметов искусства, архивов и других материалов, находившихся в руках гитлеровской коалиции.

Причинами негативного характера, наряду с отсутствием в СССР специальных структурных подразделений, призванных вести сбор данных о вывезенных культурных ценностях, явились также, по нашему мнению, упущенные возможности допроса конкретных исполнителей акций по конфискации и вывозу культурных ценностей в Германию и другие страны. Речь идет о немецких военнопленных, которые владели ценнейшей информацией о местах дислокации захваченных нацистами в СССР культурных ценностей. Нам довелось познакомиться с показаниями немецких военнопленных (к сожалению, эти документы малодоступны для широкого круга исследователей). Показаний, которые проливали свет на судьбу наших культурных ценностей, крайне мало. А те, что имеются, в большинстве своем малопригодны для организации конкретных поисков.

Упущенные возможности по сбору информации о вывезенных культурных ценностях объясняются, по-видимому, тем, что этот вопрос не является приоритетным для органов безопасности, обеспечивавших допросы немецких военнопленных.

В связи с этим не случайно в статье В. Т. Куличенко отмечается следующее: «Единственный из команды Розенберга Шпонгольц признался, что участвовал в вывозе из Пушкина картин XIX века, фонтана “Нептун” из Петергофского парка, икон из Екатерининского дворца, Янтарной комнаты... А лучше всех о ее судьбе был осведомлен начальник штаба 50-го армейского корпуса генерал-лейтенант Шперль. Однако он не пожелал давать никаких показаний, а наши славные чекисты, которые обычно не церемонились с соотечественниками, не посмели настоять и добиться показаний» [23].

Следует подчеркнуть, что многие хранилища перемещенных культурных ценностей оказались на юге Германии в зоне юрисдикции Американских союзнических войск.

Американскими войсками было обнаружено более 1000 таких хранилищ. Культурные ценности из СССР были обнаружены в замке недалеко от Хёхштадта на Дунае, в немецком замке Кольмберг, в монастырях Картаузе Буксхайм и Банц близ Штаффельштайна, в Нойшванштайне.

Американскими специалистами по охране памятников культуры и истории в монастыре Буксхайм были обнаружены культурные ценности, вывезенные из Киева, в том числе и книги [15].

В Хёхштадте были обнаружены культурные ценности, в том числе книги, вывезенные нацистами из Украины и Белоруссии. Там же были обнаружены подробные инвентарные списки хранящихся ценностей, подготовленные специалистами А. Розенберга.

В ноябре 1946 г. часть ценностей, обнаруженных американскими военными в Хёхштадте, была передана советским офицерам, находившимся в 3-й армии США, причем это сделано было еще до начала официальных передач культурных ценностей в Советскую зону оккупации.

В замке Банц, резиденции директора парижского отделения штаба А. Розенберга, были обнаружены тысячи книг, конфискованных в Восточной и Западной Европе. Среди этих изданий было значительное число книг на русском языке, вывезенных из Киева и Днепропетровска.

В апреле 1945 г. представителями американской военной администрации был осмотрен замок Кольмберг. Было установлено, что многие из хранящихся там ценностей пострадали во время налетов авиации и военных действий. В осмотре замка принимали участие американские специалисты из подразделения по защите произведений искусства в составе американской армии. Они обнаружили большое количество ящиков с культурными ценностями, многие из которых были вскрыты, содержимое было разрушено или повреждено. Осмотр показал, что в основном это были археологические экспонаты из украинских музеев, которые были перевезены специалистами штаба А. Розенберга из Кракова, где находилась одна из баз по перемещению культурных ценностей с территории СССР.

При осмотре замка Банц в подвальных помещениях было обнаружено значительное число книг из библиотек различных оккупированных стран, в том числе из Советского Союза.

Самый значительный книжный склад американские военные обнаружили в Хунгене близ Гессена. В числе других здесь были издания из белорусских, украинских библиотек, часть из них предназначалась для библиотеки Высшей школы, о которой упоминалось ранее. Зимой 1945/1946 г. эти хранилища были ликвидированы, и находящиеся в них ценности были заложены на хранение в четырех сборных пунктах. Эти пункты находились в Мюнхене, Висбадене, Марбурге, Оффенбахе.

В Британской зоне оккупации ценности сосредотачивались в г. Гослар.

На американских сборных пунктах проводилась большая работа по инвентаризации поступивших ценностей. Прибывающие из нацистских складов ящики при поступлении получали входные номера и поступали в хранилище. Там с помощью специалистов информация о поступившем экспонате заносилась на специальную каталожную карточку, которая обозначалась как «Карточка собственности». Она содержала полную характеристику предмета, его состояние, а также информацию о происхождении и путях вывоза. Из-за отсутствия полной информации часто в графе «владелец» указывалась запись «СССР – владелец неизвестен».

В американских сборных пунктах найденные культурные ценности располагались в так называемых национальных комнатах. В эти помещения приглашались для осмотра специалисты из стран предпо-

лагаемых владельцев ценностей. С их участием происходила инвентаризация подготовленных для возвращения предметов.

С июля 1946 г. стали проходить первые официальные передачи найденных американскими военными культурных ценностей советской стороне. В частности, было передано 700 ящиков с книгами, брошюрами и журналами из России, Украины и Белоруссии.

10 июня 1946 г. в городе Оффенбах американской стороной было передано советским специалистам 760 ящиков с архивами и книгами. Значительное количество культурных ценностей, принадлежащих СССР, было передано из Американской зоны оккупации 24 октября 1947 г. Всего было передано 2392 ящика [16].

Эксперты, осматривающие груз, отмечали неудовлетворительное состояние многих экспонатов, среди которых были картины, иконы, археологические собрания, керамические изделия, книги и архивные документы. В Берлине была организована переупаковка грузов, в результате которой было сформировано 2021 грузовое место, которые были погружены в 19 железнодорожных вагонов. В конечном итоге вагоны с 1127 ящиками были направлены в Киев, пять железнодорожных вагонов с 275 ящиками, содержащими объекты из пригородных дворцов Ленинграда, – в г. Пушкин, четыре вагона с 437 ящиками – в Новгород, а 182 ящика – в г. Минск.

Всего в период 1945–1948 гг. из Американской зоны оккупации в советскую было отправлено 13 транспортов, в которых значилось 534 120 единиц (свыше 20 вагонов). Среди возвращенных предметов оказалось и 1100 икон из Пскова и Новгорода [17].

Общий объем состоял из шести вагонов из Мюнхенского центра, двух из Висбаденского, трех из Оффенбахского.

Советские специалисты неоднократно выезжали в Американскую зону оккупации для поиска культурных ценностей. В своем письме в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) член-корреспондент АН СССР В. Н. Лазарев сообщил: «По поручению Чрезвычайной комиссии вместе с председателем комиссии В. Н. Макаровым ездил в Мюнхен, где американцы обнаружили музейное имущество СССР, изъятое из Украинских музеев и вывезенное в Баварию: 1815 ящиков с экспонатами керченского, киевского, минского музеев. Надо срочно послать представителей украинских музеев, Новгорода, Пскова, Ленинградских загородных дворцов. 10.04.1946» [23].

Передачу культурных ценностей СССР наряду с американскими военными осуществляли представители других союзнических держав. Так, например, британскими властями была обнаружена Центральная библиотека штаба А. Розенберга, которая в 1943 г. была перемещена в монастырь Танненберг в австрийском Тироле. К концу войны она насчитывала около полумиллиона томов. Как отмечается в материалах Департамента по сохранению культурных ценностей МК РФ, в составе фонда этой библиотеки было обнаружено 27 тыс. томов, вывезенных батальоном Кюнсберга из дворцовых библиотек пригородов Ленинграда [18].

В числе крупных находок из Советского Союза следует назвать передачу 100 тыс. книг из Американской зоны оккупации г. Оффенбах. Эти книги были вывезены из библиотек Украины и Белоруссии.

Следует отметить тот факт, что несмотря на взаимодействие союзников по передаче культурных ценностей, процесс с самого начала проходил с большими сложностями.

Напряженность в советско-американских отношениях возникла уже в конце войны, когда американские войска, вопреки предварительному соглашению, захватили территории на востоке Германии. В июне 1945 г. начался вывод американских войск из будущей Советской зоны оккупации.

Как отмечает немецкая исследовательница У. Хартунг, когда между союзниками возникли проблемы в осуществлении репарации, органы управления Американской зоны решили исключить с 1946 г. из реституции Советскому правительству собственность, принадлежащую еврейской культуре, эмигрантам, а также странам Балтии [19].

Американские власти приняли решение о эвакуации предметов искусства, не принадлежавших СССР. Эта акция была вызвана опасениями, что СССР присвоит себе чужую собственность. Однако вместе с культурными ценностями, не принадлежащими СССР, вывозилось и то, что было захвачено и вывезено нацистами из Советского Союза. По данным немецких исследователей У. Хартунг и В. Айхведе, из Германии в США было перевезено 240 ящиков с книгами из 108 научных библиотек и учреждений СССР.

В своей монографии М. С. Зинич приводит факт, что в 1945 г. американцы тайно отправили из Германии три крупных транспортных самолета. Все документы о характере груза были уничтожены [14].

В некоторых публикациях, посвященных проблеме трофеев, можно встретить утверждение, что многие ценности из Советского Союза могли оказаться в Соединенных Штатах. Американские и немецкие специалисты очень болезненно реагируют на подобные утверждения. Так, например, директор Центра по изучению Восточной Европы при университете в Бремене, руководитель группы «Местонахождение культурных ценностей, перемещенных из Советского Союза во время Второй мировой войны» г-н В. Айхведе, напоминая о том, что американские оккупационные власти передали СССР около полумиллиона предметов, утверждает: «Имеющиеся документы не дают никаких оснований подозревать американцев в том, что они присвоили огромное количество произведений искусства, принадлежащих СССР, и хранят их в своих тайниках» [21].

В связи с этим хотелось бы привести весьма любопытный документ. Осенью 1948 г. директор Государственного Керченского историко-археологического музея В. Югин получил 40 ящиков экспонатов, которые были утрачены музеем во время войны. В одном из ящиков он обнаружил записку следующего содержания: «Сообщаем для сведения, что все археологические коллекции Крыма, Киева, Полтавы, Львова, Новгорода, Винницы и других городов Советского Союза во время войны хранились в замке Хёхштадт в Южной Баварии. Все было в образцовом порядке. После оккупации Баварии американцами замок был взят под охрану, и допуск туда был запрещен с 22 апреля 1945 г. Много вещей было разграблено американскими солдатами, то, что находится в других ящиках, собрано нами на полу в мусоре. 3 октября 1945 г.» [9].

Бывший военнослужащий вермахта, а впоследствии большой друг нашей страны Г. Штайн, занимавшийся поисками культурных ценностей СССР, и в частности Янтарной комнаты, отмечал, что в 1950-е годы была организована выставка бесхозных сокровищ из американских складов, куда было приглашено много специалистов из разных стран, за исключением стран Востока. Можно предположить, что там находились ценности из Советского Союза, в том числе и книги. Дальнейшую судьбу этих ценностей Г. Штайну проследить не удалось, так как ему было отказано в получении документов по данному вопросу, хранящихся в архивах г. Мюнхена. Таким образом, вполне

очевидно, что культурные ценности из СССР могли оказаться за океаном.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в годы Великой Отечественной войны российским библиотекам был нанесен колоссальный ущерб. К сожалению, до сих пор отсутствует полное и точное представление о качественном составе потерь, понесенных фондами советских библиотек и отечественной книжной культурой в целом, поскольку исследователи в основном располагают данными о количестве книжных потерь, представленными ЧГК. Во многом эта ситуация была связана с уничтожением нацистскими спецподразделениями каталогов российских библиотек.

На завершающих этапах войны и после ее окончания на территории европейских стран было обнаружено определенное количество изданий, вывезенных из СССР различными немецкими спецподразделениями. Находки эти носили, в основном, случайный характер и, как правило, не являлись результатом целенаправленного поиска. Вместе с тем благодаря военнослужащим Советской армии, представителям различных организаций, командированным в Германию, были обнаружены книжные собрания, ранее принадлежавшие российским, украинским и белорусским библиотекам.

Возврат книжных коллекций преимущественно проводился с территории Германии, находившейся в зоне оккупации союзников. Но сопоставление данных о найденных книжных собраниях с общей цифрой потерь библиотечных фондов России говорит о том, что большая часть книжных собраний не была возвращена их владельцам.

Возвращение книжных коллекций в СССР в послевоенные годы носило эпизодический характер и не отличалось масштабностью. Счастливым исключением является возврат в 1967 г. книг в Смоленскую областную библиотеку из Зальцбурга (Австрия). Среди возвращенных книг были издания типографии А. Мануция, эльзевирские, прижизненные издания Вольтера, Руссо, книги с маркой типографии, открытой Петром I, рукописные записи лекций профессора Л. Ф. Магницкого.

Можно только сожалеть, что на протяжении многих лет в СССР не проводилось целенаправленного сбора данных об утраченных книжных собраниях и не проводились работы по их поиску.

Литература

1. Архив Министерства культуры Украины. Ф. 1. Оп. 25. Д. 8. Л. 180; 283.
2. Бадьин, А. И. 75 лет Воронежской публичной библиотеке / А. И. Бадьин. – Воронеж, 1939. – С. 46.
3. В учреждениях Академии Наук СССР // Вестник АН СССР. – 1956. – № 7. – С. 74–75.
4. ГАРФ. 16. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3563. Л. 49.
5. ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 196. Л. 12.
6. ГАРФ. 16. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3563. Л. 49.
7. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 248. Л. 16.
8. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 320. Л. 39.
9. ГАРФ. 4. Ф. 534. Оп. 2. Д. 14. Л. 2.
10. Государственный архив Курской области. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3565. Л. 55.
11. Там же. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 28. Л. 258–258 об.
12. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 3478. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
13. Епифанов, А. Е. Организация и деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию / А. Е. Епифанов. – М., 1996. – С. 6.
14. Зинич, М. С. Похищенные сокровища: Вывоз нацистами культурных ценностей / М. С. Зинич. – М., 2003. – С. 130–131.
15. Коллекция документов Департамента по сохранению культурных ценностей Министерства культуры Российской Федерации (МК РФ).
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4. Оп. 47. Д. 70. Л. 155.
21. Пархоменко, С. Последний довод / С. Пархоменко // Итоги. – 1996. – 14 мая. – С. 16–22.
22. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2075. Оп. 1. Д. 175. Л. 120.

23. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 471. Л. 45.

24. Трайнин, А. Н. Международный трибунал / А. Н. Трайнин // Социалистическая законность. – 1945. – № 9. – С. 5.

25. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 32. Оп. 2. Д. 327. Л. 383–384 об.

26. Шерель, А. Кочующие музы / А. Шерель. – М., 1991. – С. 5–10.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте общую характеристику книжных потерь советских библиотек.

2. Назовите основные причины, не позволяющие представить полную картину книжных утрат.

3. Что вам известно о поисках вывезенных с территории СССР книг на территории европейских государств?

4. Что вам известно о контактах с союзниками относительно поиска утраченных СССР книжных фондов?

Раздел 6. СОСТОЯНИЕ БИБЛИОТЕК НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ БИБЛИОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Процесс восстановления отечественной библиотечной системы начался еще в ходе самой войны и был весьма сложен. С первых дней освобождения западных областей в них начинала возрождаться культурная жизнь, люди особенно тянулись к книгам, газетам, журналам. В 1943 г. газета «Известия» писала: «С поразительной силой и рвением население освобожденных городов и деревень с первых же дней принимается восстанавливать не только жилье, хозяйство, но и культурные учреждения. Люди, изголодавшиеся по культуре, люди, познавшие ужасы непосредственного общения с гитлеровскими свиньями, сразу же говорят не только о хлебе, воде, картошке, но и о газете, книге, школе, песне» [25].

Работать приходилось в крайне тяжелых условиях, в полуразрушенных зданиях, без отопления и света, испытывая нужду в самом необходимом; но особо остро не хватало книг. Библиотекари искали их в подвалах, на развалинах домов, находили в изорванном, истерзанном виде, приводили в порядок.

В различных областях Российской Федерации процесс восстановления библиотечной системы шел по-разному. Осуществление его в значительной мере зависело от степени сохранности библиотечных зданий и наличия книжных фондов.

Первыми к восстановлению приступили библиотеки Московской и Тульской областей.

16 декабря 1941 г. был освобожден город Калинин. Уже в феврале 1942 г. областная библиотека начала обслуживать читателей [10].

Процесс восстановления российских библиотек особенно активизировался в 1943 г. К этому времени были освобождены территории 15 областей и автономных республик, входящих в состав Российской Федерации.

К лету 1943 г. в Смоленской области функционировало 54 районных и 4 сельских библиотеки [34]. Через три месяца после освобождения Смоленска (25 сентября 1943 г.) начала свою работу и Смоленская областная библиотека [32].

После освобождения Курска и отдельных районов начали восстанавливаться библиотеки Курской области. В феврале приступил к работе Курский областной краеведческий музей с библиотекой, а чуть позже, в марте 1943 г., приступила к работе Курская областная библиотека. В 1944 г. в Курской области действовали областная, 66 районных, четыре городских, две детских и 105 сельских библиотек. Однако потери книжных фондов библиотек Курской области были так велики, что к апрелю 1944 г. во всех библиотеках области числилось всего 250 тыс. экземпляров [28].

В ноябре 1943 г. возобновила работу Сталинградская областная библиотека, разрушенная во время боев [11].

В короткие сроки была восстановлена областная библиотека города Ростова-на-Дону. К апрелю 1943 г. в Ростове были вновь открыты 16 районных и одна городская библиотека [12]. Однако фонды библиотек области были очень скудны. На 26 районных библиотек региона приходилось всего 12 930 книг [13].

Библиотекари региона быстро наращивали свои книжные фонды. 25 октября 1944 г. в «Учительской газете» сообщалось, что в Ростовской области восстановлено 437 библиотек с фондом 616 688 томов.

В сложных условиях восстанавливались библиотеки Воронежской области. Ранее уже отмечался тот факт, что книги библиотеки Воронежского университета были оставлены отступающими немецкими частями в г. Курске. После освобождения Воронежа ректорату университета стало известно об этом. Группа библиотекарей во главе с директором С. П. Оникиенко выехала в Курск с целью поиска изданий, но продолжающиеся боевые действия не позволили выполнить эту работу. Возвратить часть книг удалось лишь в 1944 г., причем среди найденных книг оказались фонды различных библиотек города.

Сразу же после освобождения отдельных регионов Краснодарского края в них начинала восстанавливаться культурная жизнь. К апрелю 1943 г. было восстановлено четыре городских и свыше 20 районных библиотек [14]. 1 мая 1943 г. в Краснодаре была открыта библиотека им. Н. А. Некрасова. К сентябрю 1943 г. она располагала 8 тыс. книг из 15 тыс. томов, имевшихся до оккупации. В этот же период открылась и Краснодарская городская детская библиотека. С помощью читателей удалось собрать более 8 тыс. книг

Активную работу по восстановлению библиотечной системы проводили библиотекари Ставропольского края. Особо необходимо отметить значение восстановления фондов краевой библиотеки. Краевая библиотека выступила как координатор возрождения библиотечной системы региона. К концу февраля 1943 г. ею было собрано 33 тыс. томов для 27 районных и сельских библиотек [15]. Наряду с этим осуществлялся процесс возрождения самой краевой библиотеки. Подводя итоги работы за год, 20 февраля 1944 г. газета «Ставропольская правда» отмечала, что за 1943 г. краевой библиотекой было обслужено 65 тыс. читателей.

Как свидетельствуют архивные данные, к июлю 1943 г. из 4198 библиотек системы Наркомпроса, находившихся в районах, подвергшихся гитлеровской оккупации, было восстановлено 1933 [16].

Таблица 3

Библиотеки системы Наркомпроса

Регион	До оккупации На 1.01.41 г	Восстановлено 1.07.43 г.
Краснодарский край	227	87
Ставропольский край	261	171
Воронежская область	315	25
Калининская область	425	258
Курская область	291	–
Ленинградская область	600	94
Московская область	559	572
Орловская область	322	81
Ростовская область	209	87
Смоленская область	257	191
Тульская область	285	214
Кабардино-Балкария	48	8
Калмыкия	29	10
Северная Осетия	34	27
Чечено-Ингушетия	44	51
Всего:	4198	1933

Для ускорения процессов восстановления библиотечной сети необходимо было выработать общую концепцию воссоздания книжных фондов библиотек с учетом опыта, который сложился в различных регионах России. В связи с этим Наркомпрос Российской Федерации осенью 1943 г. провел семинар директоров областных библиотек освобожденных районов. На нем присутствовали директора Ростовской, Калининской, Смоленской, Орловской и Курской областных библиотек. На совещании были определены задачи восстановления библиотечной сети, руководители библиотек поделились опытом восстановления книжных фондов в своих регионах. На семинаре выступали также профессора и доценты Московского библиотечного института по проблемам организации библиотечной работы в освобожденных районах.

Особое значение для оперативного восстановления сети библиотек имело воссоздание системы руководства политико-просветительными учреждениями. В связи с этим Народный комиссариат просвещения РСФСР во втором квартале 1943 г. создал четыре передвижные выставки по вопросам организации политпросветработы и направил их вместе с методистами в освобожденные от фашистских войск области.

В освобожденных регионах остро не хватало специалистов библиотечного дела. Многие местные библиотечные кадры не сумели вернуться из эвакуации. В целях оказания помощи библиотекам освобожденных районов туда в оперативном порядке направлялись выпускники библиотечных техникумов.

К концу 1943 г. в РСФСР были в значительной мере восстановлены областные, городские и районные библиотеки, наиболее замедленными темпами восстанавливалась сеть сельских библиотек. Если сеть городских библиотек была восстановлена на 62%, районных – на 85%, то сеть сельских библиотек удалось восстановить всего на 47%.

В первой половине 1945 г. в ряде областей Российской Федерации удалось достигнуть значительных успехов в восстановлении библиотечной системы. Так, в Краснодарском крае действовало 206 библиотек из 272 имевшихся в начале 1941 г., в Ставропольском крае – 232 из 261, в Воронежской области – 224 из 315 [17].

Ударными темпами восстанавливалась и библиотечная система Ленинградской области. В 1945 г. по специальному решению Ленинградского горкома ВКП(б) городские библиотеки стали выделять из

своих фондов дублетные экземпляры и организовывать сбор книг среди населения для восстановления библиотек, разрушенных фашистами. В результате этой работы было собрано значительное число книг для библиотек Ленинградской области [7].

Надо отметить, что несмотря на колоссальные трудности, многие библиотеки в короткие сроки сумели не только восполнить свои потери, но и постепенно стали наращивать объем работы. Примером может служить работа Калининской областной библиотеки, о темпах восстановления которой свидетельствуют следующие показатели [18].

Таблица 4

Книжный фонд	Кол-во читателей	Книговыдача	Посещаемость
1942	35 877	6683	79 023
1943	46 672	14 161	167 712
1944	70 003	18 002	212 341
1945	101 803	23 258	289 671

Если сравнить эти данные с довоенными (до войны библиотека обслуживала 20 тыс. читателей), то по количеству читателей областная библиотека к концу войны даже превысила довоенные показатели.

На завершающем этапе войны библиотечная система Наркомпроса характеризовалась следующими показателями [8].

Таблица 5

Тип библиотеки	Количество действующих библиотек		
	На 1.01.1941 г.	В 1944 г.	В 1945 г.
Окружные	20	8	8
Районные	2235	2146	2314
Городские	733	671	767
Детские	712	591	622
Сельские	7243	5790	6047
ИТОГО	10 985	9255	9813

Гораздо медленнее шел процесс восстановления библиотечной системы Украины и Белоруссии. Это объяснялось более поздним освобождением республик и тем, что они более длительное время находились в оккупации, что привело к большим масштабам разрушений библиотек и утрат книжных фондов.

Так же, как и российские библиотеки, украинские библиотеки при сохранении хотя бы части фонда сразу же после освобождения того или иного населенного пункта начинали работу. Так, Николаевская областная библиотека, сохранившая часть фонда, сразу же после освобождения города начала работу. Она стала базой восстановления районных библиотек. Например, из 18 разрушенных районных библиотек области через два месяца после освобождения действовало 10.

Благодаря усилиям харьковских библиотекарей в короткие сроки восстановила свою работу библиотека им. Короленко. К началу 1944 г. в Харьковской области действовало 43 районных библиотеки из 45 имевшихся к началу войны [1].

Во всех освобожденных районах был организован сбор литературы для возрождающихся библиотек. Так, например, жители Донецка собрали около 100 тыс. томов

Помощь населения в восстановлении библиотек выражалась не только в сборе литературы. Молодежные бригады ремонтировали здания библиотек, помогали оборудовать их помещения. Такие бригады действовали в Полтавской, Одесской и других областях.

Более медленными темпами характеризовался процесс восстановления библиотек Западной Украины. Для их восстановления был создан специальный книжный фонд из дублетных экземпляров библиотек восточной части республики [2]. Таким образом, было положено начало перераспределению книжных фондов из восточных областей в западные.

К началу 1945 г. на Украине полностью удалось восстановить систему областных библиотек, но по количеству книжных фондов большинство из них не достигали довоенного уровня, о чем свидетельствует анализ данных, содержащихся в Архиве Министерства культуры Украины [3].

Таблица 6

**Областные библиотеки УССР
(выборочные данные)]**

Название библиотеки	Книг на 1.01.1941 г.	Книг на 1.01.1945 г.
Киевская	271 030	50 000
Черниговская	169 328	63 233
Винницкая	404 000	186 884
Полтавская	116 910	75 000

Так же, как и в России, сельские и детские библиотеки Украины восстанавливались более медленными темпами, чем городские и областные. Не хватало книг, помещений, ощущалась острая нехватка специалистов библиотечного дела. К началу 1945 г. система библиотек Наркомпроса Украины характеризовалась следующими показателями [4].

Таблица 7

Массовые библиотеки системы НКП Украины

Тип библиотеки	Кол-во на 1.01.1941 г.	Кол-во на 1.01.1945 г.
Областные	22	23
Городские	183	114
Районные	746	624
Сельские	985	114
Детские	266	73
ИТОГО	2202	948

Таким образом, библиотеки системы Наркомпроса Украины были к началу 1945 г. восстановлены на 45%. Процесс восстановления библиотек Украины значительно активизировался в 1945 г. К концу войны действовало 1952 библиотеки, что составляло уже 88% от количества библиотек, имевшихся к началу войны.

Возрожденные библиотеки быстро увеличивали свои фонды. Если в 1944 г. большинство районных библиотек Винницкой области имело в среднем по 400 книг, а в Полтавской области – 250 книг на каждую

районную библиотеку, то в 1945 г. количество книг в среднем на одну районную библиотеку в Винницкой области составило – 3,5 тыс., в Полтавской – 5 тыс. томов [5].

Отмечая количественный рост фондов восстанавливаемых библиотек, нельзя не сказать о том, что книжные фонды библиотек республики уступали в качественном отношении тем изданиям, которые имелись в библиотеках Украины до начала войны. Не хватало социально-экономической литературы, учебников, особо чувствовался недостаток литературы на украинском языке. Например, в Днепропетровской областной библиотеке из общего числа книг, составлявшего 39 тыс. экземпляров, только 1540 томов были на украинском языке [6].

Как и в России и на Украине, процесс восстановления библиотечной сети Белоруссии осуществлялся по мере изгнания оккупантов с территории республики. Одной из главных трудностей возрождения библиотек являлось отсутствие приспособленных для их работы зданий. Мы уже отмечали, что большинство зданий библиотек республики было полностью уничтожено. В июле 1944 г. Наркомпрос Белоруссии провел проверку восстанавливающихся библиотек. В специальной докладной записке в СНК республики отмечалось, что, за редким исключением, библиотеки не имеют отдельных помещений и вынуждены размещаться в зданиях школ, парткабинетах и других организациях, занимая в лучшем случае одну комнату [29].

Примечательно, что сбор книг для белорусских библиотек начался до освобождения республики 13 ноября 1942 г. СНК Белоруссии, находящийся в эвакуации в Москве, издал постановление «О создании книжных фондов Белорусской государственной библиотеки» [36]. Согласно постановлению Наркомпроса Белоруссии ставилась задача создания книжной базы, в которой должны были собираться книги для будущего восстановления главной библиотеки республики.

Как и в других освобожденных от немецкой оккупации районах, население активно участвовало в восстановлении библиотек. После изгнания врага из Минска по инициативе библиотекарей города была организована широкая кампания по сбору литературы. Собранные книги дали возможность городским библиотекам начать обслуживание читателей. Работники республиканской библиотеки стремились придать как можно большую гласность движению по оказанию помо-

щи библиотекам. Перед зданием библиотеки была установлена доска почета, на которой помещались фотографии наиболее активных участников сбора литературы. К октябрю 1944 г. в республике было собрано более 75 тыс. томов.

По данным Центрального государственного архива Белоруссии, к началу 1945 г. были восстановлены все областные и значительная часть районных библиотек. При этом состояние их книжных фондов характеризовалось следующими показателями [37].

Таблица 8

Библиотеки системы НКП Белоруссии

Тип библиотеки	Кол-во на 1.01.1941 г.	Кол-во на 1.01.1945 г.
Областные	10	12
Районные	192	150
Городские	40	15
Сельские	525	13
Детские	23	3
ИТОГО	790	193

Наряду с участием в восстановлении библиотек самих жителей и библиотекарей освобожденных районов, важную роль в этом процессе сыграла помощь других регионов СССР, не подвергшихся оккупации.

Некоторые авторы в публикациях, касающихся организации и проблем библиотечного дела в годы войны, ошибочно считают, что массовый сбор книг для освобожденных районов начался лишь с февраля 1943 г. Однако фактически этот процесс происходил с начала 1942 г., когда были освобождены первые районы Московской, Калининской, Тульской и Калужской областей.

В начале 1942 г. библиотеки Москвы, Алма-Аты и Челябинска начали сбор книг для восстанавливаемых библиотек освобожденных районов. Этот почин нашел поддержку по всей стране, библиотекари выступили с обращением начать сбор книг для пострадавших библиотек. Эти обращения были опубликованы в местных газетах и являлись началом активного сбора книг среди населения

В целях организации сбора книг Наркомпрос Российской Федерации издал 25 августа 1942 г. директиву «О создании фонда литерату-

ры для восстановления библиотек, разрушенных немецко-фашистскими оккупантами» [19]. Документ обязывал областные, краевые, республиканские, городские библиотеки выделить литературу из дублетных экземпляров для освобожденных районов.

Эти указания получил и Народный комиссариат просвещения Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. 14 сентября 1942 г. Наркомпрос Татарской АССР дал указание о сборе книг руководителям районных и городских отделов народного образования и руководителям библиотек. В частности, такое указание было отправлено в городской отдел народного образования г. Казани: «Зав. ГОРОНО тов. Возовику. О создании фонда литературы для восстановления библиотек, разрушенных немецко-фашистскими захватчиками. В целях создания фонда литературы для комплектования городских районных, сельских и детских библиотек, разрушенных немецко-фашистскими варварами, организовать сбор книг среди читателей библиотек г. Казани, обеспечив получение не менее 4.200 книг». Документ был подписан Народным комиссаром просвещения ТАССР У. Т. Контюковым. Одновременно с этим предлагалось выделить 3200 дублетных книг из библиотек города. Для организации этой работы предлагалось провести собрание библиотекарей, организовать социалистическое соревнование на лучшую работу по сбору книг. Собранные книги предлагалось до 15 октября 1942 г. отправить в республиканскую библиотеку им. В. И. Ленина [30].

Активно включился в сбор литературы профсоюз работников политико-просветительных учреждений. Региональные отделения профсоюза организовали сбор литературы на местах. К концу 1942 г. удалось собрать более 11 тыс. томов. Сбор книг проходил в самых различных регионах, о чем свидетельствуют следующие архивные данные [20].

Таблица 9

Сбор литературы региональными отделениями профсоюза работников политико-просветительных учреждений

Омская обл.	1400
Узбекистан	1787
Челябинская обл.	2111

Свердловская обл.	3000
Приморский край	3640
Новосибирская обл.	5615
Мордовская АССР	5700
Куйбышевская обл.	6317
Ивановская обл.	5800
Грузия	7000
Северная Осетия	9734
Горьковская обл.	11 000
Московская обл.	14 197
Киргизия	24 000
ИТОГО	100 301

Несмотря на несомненные достоинства, которые имела такая помощь для открытия библиотек на освобожденной территории, она все же содержала в себе ряд существенных недостатков. Партии книг подбирались без определенного плана или системы, часто они носили характер случайного собрания книг, не было планомерного учета высылаемой литературы, не во все районы поступало необходимое число изданий, литература высылалась без учета особенностей данного района или области. Указанные причины, а также необходимость резкого увеличения объема работы по восстановлению библиотек на территории, освобождаемой Красной армией, поставили вопрос о создании организации, которая в общегосударственном масштабе возглавила бы процесс возрождения библиотечной сети.

В связи с этим в феврале 1943 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление о создании четырехмиллионного книжного фонда для восстановления разрушенных библиотек при Наркомпросе РСФСР [26]. Этот книжный фонд получил название Государственного фонда литературы, или Госфонда. Для работы в Госфонде направлялись опытейшие специалисты библиотечного и книгоиздательского дела. По своей структуре он состоял из Центрального управления, находившегося в Москве, и 35 филиалов, организованных на базе областных, краевых и республиканских библиотек. Центральное управление координировало деятельность всех филиалов. Оно располагало данными о состоянии библиотечной сети на освобожденной территории и дава-

ло соответствующие задания по сбору литературы. Для областных библиотек собирались комплекты объемом в 25 тыс. томов, для районных – 2,5 тыс., для городских – 5 тыс. экземпляров [35].

Библиотеки выделяли книги из своих дублетных фондов и направляли их в распоряжение Госфонда. Сбор книг осуществлялся в соответствии с инструкциями Госфонда о порядке выделения литературы из библиотек, организации ее отправки на места. Центральным управлением Госфонда были подготовлены инструкции «О комплектовании восстанавливаемых городских и районных библиотек» и «О комплектовании областных библиотек. Для районов, освобожденных от фашистов».

Государственному фонду литературы, созданному при Наркомпросе Российской Федерации, приходилось распространять свою деятельность далеко за пределы РСФСР; ему пришлось иметь дело с различными правительственными и хозяйственными инстанциями в различных регионах. Поэтому в целях придания Государственному фонду более солидного статуса ему были даны права Наркомата всесоюзного значения, что закреплялось специальным Постановлением СНК СССР от 23 апреля 1943 г. [21].

Особенно серьезное внимание в работе Госфонда уделялось оперативному сбору информации об оставшихся после ухода оккупантов книжных фондах. Это было нужно для того, чтобы при отправке книг учесть то, что оставалось, и, уже располагая этими данными, организовывать все восстановительные работы. Вся литература комплектовалась с учетом уцелевшей части фонда и применительно к характеру данного региона.

Большие проблемы стояли в области комплектования пострадавших библиотек новой литературой, вышедшей во время войны. На местах, где находились филиалы Госфонда, в библиотеках ощущалась острая нехватка новых изданий, и, естественно, они не могли поделиться новыми книгами с библиотеками пострадавших районов. В связи с этим поступление новых книг происходило непосредственно из Москвы. С марта 1944 г. Управление Госфонда организовало отправку литературы, вышедшей во время войны. Для районных библиотек предназначался комплект в 1000 книг, для городских – в 3200 новых изданий [9].

Большую часть библиотек пришлось создавать заново. Особо стоял вопрос о восстановлении фондов областных, краевых и республиканских библиотек, являющихся центральными книгохранилищами регионов. При их комплектовании учитывалась та роль, которую они играли в хозяйственной, культурной, политической жизни своих территорий. Комплектование таких библиотек происходило в несколько этапов. В первую очередь ставилась задача первоначального комплектования, которое давало возможность как можно быстрее начать обслуживание читателей, вторым этапом восстановительного процесса являлось фундаментальное комплектование – восстановление библиотеки как центрального книгохранилища региона.

Пятидесяти двум областным библиотекам было предоставлено право получения бесплатного обязательного экземпляра. Утвержденный план предусматривал передачу литературы в освобожденные районы из следующих организаций и ведомств [22].

Таблица 10

Название организации	Кол-во литературы в тыс. томов
Наркомпрос РСФСР	1250
ВЦСПС	750
Библиотеки различных ведомств	1250
КОГИЗ	330
НКП Азербайджана	40
НКП Армении	20
НКП Грузии	40
НКП Казахстана	20
НКП Узбекистана	30
ИТОГО	3730

Надо сказать о том, что на первоначальном этапе своего создания Государственный фонд литературы испытывал значительные трудности. Известно, что к 1 апреля 1943 г. он имел в своем распоряжении более 800 тыс. томов. Но отсутствие необходимых решений правительственных органов о предоставлении транспорта не позволяло оперативно наладить отправку литературы на места. Вмешательство правительственных органов изменило ситуацию. Областные, краевые от-

дела народного образования и Наркомпросы республик наделялись большими полномочиями по организации контроля за передачей литературы из библиотек различных организаций и ведомств. Была достигнута договоренность между Госфондом и Народным комиссариатом путей сообщения о содействии быстрее доставке литературы в освобожденные районы [23].

Создание Госфонда упорядочило сбор книг для библиотек освобожденных районов. Уже в апреле 1943 г. были скомплектованы одна областная, 15 районных и три городских библиотеки для Воронежской области с общим фондом 70 тыс. экземпляров. В течение 1943 г. Госфонд наиболее интенсивно комплектовал библиотеки Орловской, Ростовской, Воронежской и других областей России.

Активно включился в работу Казанский филиал Госфонда, организованный на базе Республиканской библиотеки ТАССР.

18 февраля 1943 г. Нарком просвещения ТАССР У. Т. Контюков получил из Наркомпроса РСФСР письмо за подписью начальника управления политпросветработы В. Е. Васильченко. В письме ставилась задача организовать сбор книг для пострадавших районов.

Библиотекам республики были даны плановые задание для сбора книг для пострадавших районов. Первоначальный сбор книг предлагалось завершить до 5 апреля 1943 г. К сбору книг привлекались не только библиотеки, но вузы и втузы, профсоюзные организации. Перед массовыми библиотеками ставилась задача собрать 20 тыс. томов. 50 тыс. книг должна была выделить библиотека Казанского университета. Надо отметить, что еще ранее, в конце февраля 1943 г., Казанскому университету было дано указание Госфонда литературы о комплектовании в месячный срок областной библиотеки объемом в 25 тыс. томов. Особые задачи ставились перед районными библиотеками по выделению в Госфонд дублетных экземпляров [31].

Перед филиалами Госфонда ставилась задача восстановления и школьных библиотек. Активно шла отправка книг для школьных библиотек из Москвы, Ленинграда, Рязани, Омска, Иркутска. Из собранных там книг к лету 1944 г. было скомплектовано свыше тысячи школьных библиотек для регионов, подвергшихся оккупации.

В целом план создания Государственного фонда литературы в 4 млн томов оказался перевыполнен уже в ноябре 1943 г., и к лету 1944 г. фонд насчитывал более 6 млн томов, а к концу войны составил

почти 10 млн книг. Госфонд внес существенный вклад в восстановление библиотечной системы России, Украины и Белоруссии. Украина получила 888 библиотек, в том числе 25 областных, 96 городских, 521 районную, 246 сельских с общим числом 2 400 000 экз. Белорусские библиотеки получили около 900 тыс. книг.

Еще в апреле 1943 г. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина получила задание от Управления Госфонда литературы приступить к комплектованию Республиканской библиотеки для Минска в количестве 50 тыс. томов. Ставилась задача к 1 июля закончить работу по сбору книг для республиканской библиотеки Белоруссии.

В мае 1943 г. НКП РСФСР обязал Новосибирскую областную библиотеку взять на хранение 12 печатных экземпляров всей печатной продукции, выпускаемой типографиями областей. Эти издания предназначались для передачи в республиканские библиотеки Белоруссии и Украины [24].

Следует подчеркнуть, что сбор книг для библиотек освобожденных от оккупантов районов проходил по всей стране.

13 мая 1943 г. в «Медицинскую газету» обратились с призывом сбора книг для пострадавших библиотек Л. Н. и Д. З. Королёвы. Многие годы они собирали библиотеку вместе со своим сыном Георгием. Во время войны Королёвы потеряли сына и решили сделать все возможное для того, чтобы о нем осталась добрая память. Они решили передать его библиотеку в Государственный фонд литературы. По предложению Госфонда, 500 книг семьи Королёвых было передано для восстановления Воронежской областной библиотеки. На каждой книжке стоял штамп: «В память о Георгии Королёве – студенте-медике. 1922–1942 гг.». Эти книги до сих пор хранятся в Воронеже.

Благодаря широко организованной кампании этот почин нашел поддержку по всей стране. Более 11 тыс. томов для Сталинграда собрали комсомольцы города Кирова, 5 тыс. книг собрали студенты Московского авиационного института, около 10 тыс. томов собрали рабочие ленинградского завода им. Кирова. Вклад ленинградцев, перенесших страшную блокаду, в восстановление библиотек пострадавших районов надо отметить особо. Девушки – ремонтницы управления кабельной сетью города на свои деньги закупили книги для восстанавливаемых библиотек. Работница Яковлева, передавая в Госфонд свои книги, говорила: «Я понимаю, как трудно сейчас в тех де-

ревнях и городах, где фашисты уничтожили всю культуру, сожгли и разграбили книги. Я хочу по мере сил помочь своим товарищам». Штукатур Шипова принесла свои любимые книги – томики рассказов Чехова, Горького и других авторов [27].

В октябре 1944 г. газета «Труд» писала о московском враче Персоне, который передал для восстановления Ворошиловоградской (Луганской) областной библиотеки 20 тыс. книг. Представитель библиотеки специально приезжал в Москву за этим подарком [33].

Литература, собранная населением, поступала в филиалы Госфонда, где обрабатывалась и комплектовалась для отправки. К этим комплектам литературы прилагались предметы библиотечной техники: инвентарные книги, каталожные карточки, а также разнообразные методические пособия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс восстановления советских библиотек, начавшийся еще в ходе самой войны, позволил в определенной степени восстановить библиотечную жизнь в освобожденных районах. Большую роль в этом процессе сыграла инициатива самих библиотекарей, сумевших организовать сбор книг среди населения.

Неоценимую роль в процессе восстановления библиотечной системы сыграла деятельность Госфонда литературы. Благодаря его широкомасштабной деятельности был организован сбор книг для пострадавших библиотек по всей стране. Специалисты Госфонда проводили большую и кропотливую работу по анализу состояния библиотечного дела в регионах.

На основе собранных книг происходил процесс возрождения библиотечной жизни в областях, пострадавших от немецкой оккупации.

Отмечая все эти достижения, нельзя забывать о том, что в качественном отношении книги, поступавшие в освобожденные районы, далеко уступали прежним книжным собраниям. Коллекции, утраченные библиотеками западных областей России, Украины и Белоруссии, собирались целыми поколениями, они составляли органическую часть культурных ценностей своих регионов, представляя собой определенный исторический и духовный пласт отечественной культуры. Поступившие из Госфонда книги не могли заменить уникальные и редкие издания, хранившиеся в наших библиотеках.

Несмотря на то что библиотеки были восстановлены, это были уже другие библиотеки, с другими фондами, с другими историческими традициями. Последствия страшного опустошения до сих пор сказываются на развитии культуры, науки и образования в нашей стране.

Литература

1. Архив Министерства культуры Украины. Ф. 1. Оп. 25. Д. 5. Л. 1.
2. Там же. Ф. 1. Оп. 25. Д. 4. Л. 325.
3. Там же. Ф. 1. Оп. 25. Д. 5. Л. 37.
4. Там же. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3. Л. 14
5. Там же. Ф. 1. Оп. 25. Д. 9. Л. 2.
6. Там же. Ф. 1. Оп. 25. Д. 8. Л. 28
7. Бронштейн, М. Библиотеки города Ленина в дни войны / М. Бронштейн // Библиотекарь. – 1946. – № 2/3. – С. 31.
8. Всероссийское совещание библиотечных работников. – М., 1948. – С. 11.
9. Государственный архив Пермской области (ГАПО) Ф. Р-1024. Оп. 1. Д. 255. Л. 7.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 534. Оп. 1. Д. 721. Л. 24; Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3014. Л. 43.
11. ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 243. Л. 24.
12. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3573. Л. 38.
13. ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 111. Л. 32.
14. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3563. Л. 49.
15. ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 1. д. 31. Л. 38; Ф. 7901. Оп. 1. Д. 46. Л. 59–60.
16. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3563. Л. 33.
17. ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 198. Л. 68; Ф. 7901. Оп. 1. Д. 255. Л. 109.
18. ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 198. Л. 68; Ф. 7901. Оп. 1. Д. 285. Л. 109.
19. ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 65. Л. 118–119.
20. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2836. Л. 72; Ф. 2306. Оп. 69. Д. 283. Л. 98.
21. ГАРФ. 7901. Оп. 1. Д. 255. Л. 7.
22. ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 1. Д. 255. Л. 7; Л. 111.

23. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2019. Л. 160.
24. ГАРФ. Ф. 7901. Оп. 69. Д. 3015. Л. 154.
25. Известия. – 1943. – 11 декабря.
26. История Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1970. – Т. 5. Кн. 1. – С. 432.
27. Коллекция документов Департамента по сохранению культурных ценностей Министерства культуры Российской Федерации (МК РФ).
28. Курская область в период Великой Отечественной войны. – Курск, 1962. – Т. 2. – С. 226–229.
29. Национальный архив республики Беларусь. Ф. 790. Оп. 1. Д. 212. Л. 157.
30. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-682. Оп. 1. Д. 3147. Л. 30.
31. Там же. Ф. 3682. Оп. 1. Д. 3147. Л. 35; Л. 10; Л. 15.
32. Смоленской областной библиотеке им. В. И. Ленина 50 лет. – Смоленск, 1972. – С. 5.
33. Труд. – 1944. – 18 октября.
34. Учительская газета. – 1943. – 8 сентября.
35. Там же.
36. ЦГА Белоруссии. Ф. 4. Оп. 42. Д. 1. Л. 1.
37. Там же. Ф. 4. Оп. 47. Д. 27. Л. 30.

Вопросы для самоконтроля

1. Каким образом был организован процесс восстановления библиотек после освобождения отдельных регионов страны?
2. Какова была структура Госфонда литературы?
3. Назовите основные технологические подходы этой организации, используемые в процессе восстановления библиотек.
4. Что позволило Госфонду литературы превысить плановые показатели сбора литературы к завершению Великой Отечественной войны?

Раздел 7. ПРОБЛЕМЫ РЕСТИТУЦИИ КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Закончилась самая кровавая в истории человечества война. Пятого июня 1945 г., в соответствии с Декларацией о поражении Германии, верховная власть на ее территории перешла к правительствам США, СССР, Великобритании и Франции. В соответствии с ранее подписанными документами Союзные державы учредили Контрольный совет, передав ему верховную власть в делах, затрагивающих Германию в целом.

Контрольный совет возглавлялся главнокомандующими четырех Союзных держав, которые на своих заседаниях решали возникающие вопросы.

Постановлением Совнаркома СССР от 6 июня 1945 г. была создана Военная администрация в Советской зоне оккупации (СВАГ). Во главе СВАГ стоял Главноначальствующий, являвшийся Главнокомандующим советскими оккупационными войсками в Германии.

Важной задачей, которую пришлось решить после окончания войны, была реституция – возвращение незаконно вывезенных культурных ценностей. Еще в январе 1945 г. союзниками была выработана Лондонская декларация, согласно которой признавалась незаконность вывоза культурных ценностей государством-агрессором. В документе отмечалось, что страны, подписавшие Декларацию «...намерены сделать все возможное для ликвидации методов лишения собственности, практикуемых правительствами, с которыми они находятся в состоянии войны в отношении стран и народов, подвергшихся без всякой причины нападению и разграблению. В соответствии с этим указанные правительства и Французский Национальный Комитет выступают с настоящей Декларацией, полностью резервируют за собой право объявлять недействительными любую передачу, или любую сделку в отношении собственности прав и интересов любого характера, находящихся или находившихся на территории оккупированных и попавших под контроль – прямой или косвенный – правительств, с которыми они находятся в состоянии войны, принадлежащих или принадлежавших лицам, включая юридические лица, пребывавшим на таких территориях. Настоящее предупреждение сохраняет силу независимо от того, носила ли подобная передача или сделка форму открытого

грабежа или разбоя, или же она была облечена в форму внешне законную, якобы даже основанную на добровольном характере такой сделки или передачи».

Союзники разработали методику осуществления реституции культурных ценностей посредством розыска и расследования местонахождения имущества, подлежащего реституции, его охрану, ведение учета и представление докладов Главнокомандующих зон о ходе работ по реституции, а также механизм по представлению, порядку оформления и исполнению требований взыскивающих стран. На найденные предметы составлялись инвентаризационные карточки. Они включали сведения о месте хранения предмета, откуда поступил предмет (где обнаружен), классификационная принадлежность, согласно принятой классификации. В классификации были предусмотрены следующие элементы:

- архивы;
- фонограммы;
- негативы;
- книги (печатные);
- инкунабулы;
- рисунки;
- мебель;
- манускрипты;
- карты;
- военные трофеи;
- нумизматика и т.п.

В карточки вносили данные о типе предмета, его авторе, размерах, материале изготовления, предполагаемом законном владельце, состоянии сохранности предмета, опознавательные отметки, на нем имеющиеся. В ряде случаев прилагалась фотография предмета.

Реституция культурных ценностей происходила следующим образом: обнаруженные в каждой зоне оккупации ценности сосредотачивались на специальных базах – пунктах сбора. Центральный пункт сбора зоны собирал инвентарные карточки на каждый имеющийся в зоне предмет, образец которых был единым для всех четырех зон оккупации. Взыскивающая сторона заполняла карточку – требование на каждый предмет, который подлежал возвращению.

К сожалению, оставался не разработанным конкретно вопрос об имуществе уникального характера, в отношении которого оговаривалось, что «имущество уникального характера, реституция которого невозможна, будет заменяться другим имуществом».

Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) было предложено представить данные об утраченных ценностях. Списки ЧГК, которые годились для использования на Нюрнбергском процессе, оказались практически малопригодными для работы советских специалистов в Германии по поиску утраченных ценностей. Ранее мы отмечали, что немецкие спецподразделения, занимавшиеся вывозом книг из советских библиотек, уничтожали или вывозили инвентарные книги и каталоги. В связи с этим по документам ЧГК невозможно было определить, какие именно книги были утрачены. Книжные утраты обозначались в документах «вывезено и уничтожено»

С мая 1945 г. в Германии действовала группа Уполномоченного Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР. На должность Уполномоченного была назначена директор библиотеки иностранной литературы М. И. Ру-домино. Задачи группы состояли в следующем.

1. Розыск фондов, вывезенных во время войны из СССР.
2. Выявление и обследование книжных коллекций бывших военных и нацистских учреждений.
3. Изъятие и вывоз в СССР наиболее ценной литературы, необходимой для комплектования библиотек.

В сентябре 1945 г. в Германии начало работу представительство АН СССР. Главой представительства был назначен генерал-майор академик В. И. Кулебакин. Состав Академической группы был распределен по различным направлениям.

В состав библиотечной группы входили Г. Г. Кричевский, Т. О. Вреден-Кобецкий, В. П. Позин, Д. Л. Марголина, с работой группы были связаны профессор С. Н. Замятин, профессор В. Я. Аболтин, канд. филолог. наук А. Н. Болдырев.

Первоначальными задачами представительства Академии наук были следующие

1. Установление связи с немецкими учеными для использования их в интересах нашего государства.
2. Создание баз АН СССР.

3. Закупка и вывоз оборудования и литературы.

К сожалению, ни одной из этих групп не удалось осуществить полномасштабный поиск утраченных страной книжных коллекций. Наряду с поисковой деятельностью командированные в Германию специалисты занимались отбором и отправкой на территорию СССР книг, которые рассматривались как частичная компенсация утрат, понесенных библиотеками СССР.

В Министерстве культуры РФ имеются данные о так называемых трофейных фондах, поступивших в СССР, свидетельствующие о том, что по документам СВАГ в СССР поступило около 10 млн томов, из них 5 млн – в Москву и Ленинград, 2 млн – в Минск, 3 млн – в Киев. Хотелось бы напомнить о том, что в военные годы только массовые библиотеки СССР потеряли более 100 млн томов.

Проблема немецких культурных ценностей, перемещенных на территорию нашей страны после окончания Второй мировой войны, в том числе и библиотечных фондов, со всей остротой обнажилась во второй половине 80-х годов XX в. и перекочевала в начало XXI в.

Можно только выразить сожаление по поводу того, что государство, осуществлявшее процесс перестройки в 80-е годы, не сумело вовремя взять эту проблему под свой контроль. Не нашлось времени для того, чтобы детально изучить вопрос и разработать необходимый план действий. Когда правительство было поставлено перед необходимостью решения трофейной проблемы, оно просто-напросто оказалось к ней не готовым.

Видя пассивность властей в решении этого вопроса, российские ученые, искусствоведы стали осуществлять личные контакты с немецкими специалистами.

Важным событием 1992 г. в решении реституционных вопросов был Российско-германский круглый стол «Реституция библиотечных собраний и сотрудничество в Европе», организованный Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы им. М. И. Рудомино. Организаторы круглого стола сумели привлечь к участию в его работе большой круг российских и немецких библиотекарей.

Следует сказать о том, российские специалисты, не располагая данными о качественном характере наших книжных утрат, оказались мало готовы к обсуждению сложной реституционной проблемы. Надо отдать должное немецким специалистам, которые в результате кро-

потливой исследовательской работе располагали сведениями о том, в каких российских библиотеках находятся перемещенные из Германии книги.

Немецкая сторона явно доминировала на круглом столе. Специалисты из Германии оказались более подготовленными к разговору о трофеях, их позиция была активно-наступательной. Российские специалисты, принимавшие участие в работе круглого стола, оказались безоружными перед этим; кроме эмоционального отношения к проблеме они не могли противопоставить оппонентам знания правовых актов, на основании которых книги из Германии попали в Россию. Как позитивный момент следует признать то, что в итоговом документе круглого стола была обозначена необходимость создания постоянных экспертных групп на паритетной основе для продолжения консультаций и решения практических вопросов.

В решении сложной проблемы стали осуществляться и конкретные практические шаги. Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 июня 1992 г. была образована Государственная комиссия по реституции культурных ценностей. В документе говорилось: «Учитывая важное значение возвращения в научный и культурный оборот исторических и художественных ценностей, реституции объектов национального культурного наследия и руководствуясь нормами международного права и законами Российской Федерации, Правительство Российской Федерации постановляет:

Для подготовки предложений органам государственной власти и управления образовать Государственную комиссию по реституции культурных ценностей».

Вопросы, которые пришлось решать Государственной комиссии по реституции и российским исследователям, можно было сгруппировать следующим образом.

1. По праву ли мы владеем перемещенными ценностями?
2. Что собирается вернуть нам Германия?
3. Что мы знаем о наших культурных утратах?
4. Где искать культурные ценности, утраченные Россией во время войны?

Для определения правового статуса находящихся на территории нашей страны культурных ценностей, в том числе и книжных коллек-

ций, Государственной комиссией по реституции культурных ценностей был направлен запрос в Институт государства и права.

Основываясь на анализе значительного количества документов, ведущие юристы-международники института представили заключение, в котором были даны следующие рекомендации: «Все культурные ценности, перемещенные в СССР по приказам ГК СВАГ, изданным во исполнение постановлений (распоряжений) компетентных органов Советского Союза, находятся на территории России на законных основаниях».

На основании материала, изложенного в документе, представленном Институтом государства и права, следовало то, что каких-либо обоснованных претензий по поводу материального ущерба, причиненного бывшим собственникам, к России не может быть предъявлено. Любые претензии по поводу этих культурных ценностей со стороны бывших неприятельских государств или их физических или юридических лиц должны безусловно отклоняться.

Исходя из содержания документа можно было понять, что если по каким-либо соображениям (политическим или иным) было бы признано целесообразным передать какие-то из этих ценностей в бывшую неприятельскую или иную страну, то это может быть сделано только в порядке, установленном российским законодательством для вывоза российских культурных ценностей, причем за полную стоимость или в обмен на равноценные предметы культуры, являющиеся иностранной собственностью.

Наряду с этим предлагалось подготовить закон о перемещенных культурных ценностях. До законодательного урегулирования проблемы рекомендовалось воздержаться от заключения межправительственных соглашений относительно перемещенных культурных ценностей.

В марте 1995 г. Совет Федерации направил в Государственную думу принятый 106 голосами из 109 голосовавших проект Закона «О праве собственности на культурные ценности, перемещенные в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящиеся на территории Российской Федерации».

21 апреля 1995 г. постановлением Государственной думы был объявлен мораторий на возвращение культурных ценностей, перемещенных в годы Великой Отечественной войны, до принятия федерального закона по этому вопросу.

Данный вопрос вызвал большое противодействие со стороны Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина и правительства страны, посчитавших, что принятие этого документа негативно скажется на партнерских отношениях России и Германии. Президент несколько раз пользовался своим правом вето при решении вопроса о принятии Закона.

И только вмешательство Конституционного суда в июле 1999 г. поставило окончательную точку в решении вопроса о перемещенных культурных ценностях. Закон, который обсуждался на протяжении четырех лет, был наконец-то принят.

Вопрос о Готской библиотеке выявил много проблем, но, самое главное, – еще раз обнажил проблему организации поиска достоверных документов, связанных с перемещенными книжными собраниями.

Ранее мы уже говорили о работе Государственной комиссии по реституции Российской Федерации (ГКР РФ). При комиссии были созданы Российско-Германские экспертные группы по музейным, библиотечным и архивным делам.

Российскую часть группы возглавил директор Российской Национальной библиотеки В. Н. Зайцев. В состав группы вошли Е. И. Кузьмин, начальник управления по делам библиотек Министерства культуры, А. М. Мазурицкий, декан библиотечного факультета МГУКИ, И. С. Филиппов, директор Российской государственной библиотеки, И. А. Шомракова, завкафедрой библиографии и книговедения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. С немецкой стороны группу возглавлял К. Д. Леман, генеральный директор Немецкой библиотеки, И. Флигге, руководящий директор библиотеки Ганзейского города Любек, И. Колазо, научный референт Берлинской государственной библиотеки «Прус-ское культурное достояние», Б. Бургемайстер, профессор из Саксон-ской земельной библиотеки в Дрездене, Ю. Херинг, руководящий директор Штутгартской университетской библиотеки.

С первых дней своего создания библиотечная группа стала проводить большую работу по обмену мнениями и согласованию позиций по проблемам перемещенных книжных собраний. Были намечены мероприятия, согласованные экспертными группами, которые позволили начать совместное сотрудничество. Началась разработка проектов, реализация которых давала возможность анализировать информацию о

местонахождении, объеме, качестве и состоянии перемещенных книжных собраний.

На совместном заседании российской и немецкой экспертной групп было определено, что у сторон имеется различное понимание вопроса о законности или незаконности нахождения перемещенных немецких книжных собраний на территории России.

По мнению ряда российских специалистов, притязания немецкой стороны на находящиеся в России перемещенные немецкие книжные собрания являются несостоятельными, поскольку Германией в ходе войны был нанесен колоссальный урон книжным массивам на территории нашей страны.

Немецкая сторона, в свою очередь, считала, что это утверждение носило некорректный характер, так как шло вразрез с конвенциями о возврате культурных ценностей. Ситуация усугубилась и наличием немецких перемещенных книг, не вошедших в действующие фонды советских, а впоследствии российских, библиотек.

Вместе с тем стороны согласились с тем, что имеется неадекватность в оценке выявленных объемов перемещенных книжных фондов России и Германии. Эта неадекватность проявлялась в том, что если объем библиотечных фондов, вывезенных по решению военных властей из Германии в Советский Союз, поддается количественной оценке и измерению, то относительно книг, незаконно вывезенных из России в Германию, такие сведения практически отсутствуют.

В ряде российских библиотек были выделены фонды перемещенной литературы. По согласованию с немецкой группой экспертов Бременской Государственной и Университетской библиотеке был передан из Российской национальной библиотеки свод каталожных карточек (около 30 тыс.) на книги, вывезенные из библиотек Бремена, Гамбурга, Любека, Магдебурга и других городов, ныне хранящихся в Российской национальной библиотеке.

Российские и немецкие специалисты получили возможность доступа в фонды библиотек, где хранились книги, перемещенные из Германии.

В процессе решения проблем, связанных с перемещенными книжными собраниями, определились две ведущие библиотеки России, проявившие наибольшую активность в этом направлении: Рос-

сийская национальная библиотека и Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы.

Российская национальная библиотека стала координирующим центром по сбору данных о книжных утратах России, Библиотека иностранной литературы явилась инициатором сбора данных о немецких книжных собраниях, хранящихся в российских библиотеках.

На первоначальном этапе ВГБИЛ организовала работу по поиску документов, связанных с историей перемещения книжных собраний в ее фонды. Было установлено, что большая часть перемещенных книг немедленно была введена в фонд библиотеки и была доступна читателям. Меньшая часть по различным причинам получала инвентарные номера позже – вплоть до 90-х годов прошлого века.

В 1999 г. при финансовой поддержке Министерства образования и науки Нидерландов сотрудниками Отдела редких книг ВГБИЛ было подготовлено издание «Иностранные книжные знаки в собрании редких книг ВГБИЛ». В этом издании были представлены многочисленные экслибрисы из перемещенных книжных собраний. Надо сказать о том, что сотрудниками Отдела редких книг ВГБИЛ была разработана методика и система идентификации владельческих признаков, которая была рассчитана на удобство поиска книжного знака с неизвестным владельцем.

Практически ВГБИЛ стала центром, где не только начала сосредотачиваться информация о перемещенных книжных собраниях, но и собирались данные по различным аспектам реституционной проблемы в целом.

В несколько иных условиях проходила работа специалистов Российской национальной библиотеки по сбору данных о книжных потерях российских библиотек. Эта работа не имела такой финансовой поддержки зарубежных партнеров, как деятельность ВГБИЛ, и строилась на энтузиазме ее сотрудников: И. Г. Матвеевой, Г. В. Михеевой и А. В. Шевцова.

С 1996 г. при РНБ начало работу Бюро по изучению перемещенных книжных ценностей. Бюро направило свою работу на изучение документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, изучение материалов областных архивов российских регионов в период войны, находящихся в зоне оккупации, поиск архивных дан-

ных немецкого происхождения, связанных с вывозом книг с территории СССР.

По инициативе РНБ в октябре 1999 г. была проведена научная конференция по проблемам истории библиотек России. Конференция была посвящена теме «Библиотеки в период Второй мировой войны: судьбы коллекций, проблемы поиска и реконструкции». На конференции обсуждались проблемы, связанные с перемещенными на территорию СССР немецких книжных собраний. Наряду с этим ставились задачи активизации поиска информации об утраченных во время войны книжных фондах российских библиотек.

Результатом активизации поиска информации об утраченном культурном достоянии России стало то, что с 1998 г. Министерство культуры Российской Федерации начало публиковать многотомное издание «Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны». В 2000 г. по решению Министерства культуры Российской Федерации в Российской национальной библиотеке началась работа по составлению сводного каталога утрат российских библиотек. Главная цель этого издания заключалась в том, чтобы добиться международного признания самого факта хищения или утраты книжных ценностей и способствовать розыску и возвращению на родину пропавших произведений печати.

В 2002 г. вышла в свет первая книга 11 тома каталога, которая была посвящена утраченным книжным ценностям. Сведения о книжных потерях были представлены шестью регионами, оказавшимися в оккупации. Материал в каталоге был сгруппирован в алфавите наименований областей, краев, регионов. За основу было взято административно-территориальное деление РСФСР на конец Великой Отечественной войны. Списки потерь каждого региона предварялись обзорной статьей, посвященной истории библиотек этой области в период Великой Отечественной войны.

Особо необходимо отметить работу сотрудников Российской национальной библиотеки с материалами, присланными регионами. Как известно, точных библиографически выверенных списков книжных потерь практически нигде не сохранилось. Изначально списки, поступившие из регионов, носили характер обрывочных сведений со множеством ошибок и опечаток, зачастую заглавия на иностранных языках были переведены на русский язык, фамилии авторов искаже-

ны. Сотрудники РНБ провели кропотливую и сложную работу по библиографической идентификации и уточнению сведений об утраченных регионами изданий. При этом использовался весь круг указанных справочных средств и изданий: каталоги и картотеки из фондов РНБ, национальные библиографические указатели. Через Интернет осуществлялся поиск сведений об изданиях во всех банках данных библиотек. Немаловажные сведения удалось получить, в частности, из каталогов Консорциума крупнейших европейских библиотек.

В результате сложнейшего библиографического поиска удалось идентифицировать подавляющее большинство утраченных изданий. На последнем этапе работы все библиографические, уточненные и систематизированные списки были направлены в библиотеки, приславшие сведения о своих потерях. Только проверка на местах и подтверждение, что каждое из включенных изданий действительно было утрачено в период Великой Отечественной войны, служили основанием для отражения библиографической записи о нем в настоящем каталоге.

Вскоре свет увидел и второй том каталога, посвященный утратам Ленинградской области. В настоящее время завершена работа над изданием третьего, четвертого и пятого томов.

Проделанный огромный объем работ тем не менее не дает оснований утверждать, что в настоящее время удалось составить полные списки, отражающие масштаб книжных утрат, понесенных отечественными библиотеками. Работа по составлению таких списков, вне всякого сомнения, должна быть продолжена. Поэтому в перспективе необходимо сконцентрировать усилия на выявлении данных об утрате наиболее ценных экземпляров. Как нам представляется, это можно сделать путем целенаправленного сбора информации о тех редких изданиях, которые имелись до войны в библиотеках, оказавшихся в зоне оккупации, с последующим их сопоставлением с документами немецких служб и организаций, занимавшихся их вывозом.

Анализ документов Чрезвычайной государственной комиссии, публикаций, посвященных нашим книжным утратам, позволяет сделать вывод о необходимости систематизации книжных потерь России. Напомним, что большая часть уничтоженных и разграбленных библиотек входила в систему Народного комиссариата просвещения РСФСР. В таких библиотеках значительная часть редких изданий находилась в фондах областных библиотек.

Однако известно и то, что колоссальное число уникальных рукописных и печатных изданий было утрачено библиотеками других систем и ведомств. Составляя списки своих утрат, эти организации не всегда уделяли должное внимание именно книжным фондам. Например, при составлении списков музейных потерь первое место отводилось музейным экспонатам, картинам, скульптурам и т.д. Не случайно на запросы последних лет относительно книжных потерь областные библиотеки России ограничиваются скудными, как правило, достаточно известными сведениями о потерях фондов библиотек только системы Наркомпроса, игнорируя библиотеки учебных заведений, музеев, различных ведомств.

В связи с этим возникает задача создания региональных поисковых центров на базе областных библиотек, которые имели бы единую программу поиска.

Для составления списков раритетных изданий, утраченных библиотеками в военные годы, необходимо изучить публикации, относящиеся к довоенному времени, в которых имелась информация о той или иной библиотеке. Объектами поиска может стать местная довоенная периодика, библиографические издания, издания, посвященные отдельным библиотекам (путеводители и т.д.). Возможно, еще живы те, кто работали в библиотеке в довоенное время и помнят о наиболее ценных книгах. Отправной точкой поиска могут послужить некоторые персоналии, обнаруженные в немецких документах. В них определены конкретные получатели книг из конкретных библиотек.

Мы бы не исключали вероятности того, что отдельные уникальные издания, утраченные нашей страной в военные годы, могут находиться в Германии. В статье, опубликованной доктором философии Ю. Фрайтаг в журнале «Библиотека», подвергается сомнению тезис известного немецкого исследователя г-на В. Айхведе о том, что ни один советский трофейный предмет, во всяком случае, не находится ни в государственном, ни в музейном владении.

Ю. Фрайтаг, характеризуя вывезенные из СССР ценные издания, пишет о том, что регистрация такого большого количества единиц хранения, если они действительно оприходовались, не могла не оставить следов в соответствующих библиотеках, в памяти тогдашних библиотекарей или их наследников.

Ю. Фрайтаг называет следующие варианты судеб российских книжных собраний:

- уничтожение во время бомбардировок или военных действий;
- складирование в местах, ныне находящихся в Германии;
- возвращение в СССР;
- вывоз на Запад;
- включение в состав немецких библиотек, архивов и других структур.

В пользу предположения о том, что книги могут находиться в Германии, говорит факт передачи 10 книг, вывезенных из Псковской и Ленинградской областей. Данные книги были переданы в Государственный музей-заповедник Царское Село в феврале 1995 г. бременским профессором В. Айхведе.

Особый разговор идет об активизации наших усилий по поиску данных о культурных потерях, о возможных местах нахождения культурных ценностей за границами России. Практически тех, кто занимается этой проблемой у нас в стране, можно пересчитать по пальцам. Небольшой группе российских исследователей противостоят мощные научные центры, которые ведут активную работу по поиску данных об утраченных Германией культурных ценностях.

Вместе с тем отрадно отметить, что в апреле 1999 г. свет увидели первые тома «Сводного каталога культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны». Эта работа координировалась Департаментом по сохранению культурных ценностей Министерства культуры России и Федеральной архивной службой. В трех первых томах описывалось около 7 тыс. произведений искусства. Один том был посвящен ценностям, утраченным Екатерининским дворцом в Царском Селе (около 4 тыс. названий). Большая заслуга в том, что это издание увидело свет, принадлежит заместителю начальника отдела реституции Министерства культуры Н. Никандрову, главному хранителю Екатерининского дворца Музея-заповедника «Царское село» Л. Бордовской и другим специалистам.

В апреле 1996 г. Российская национальная библиотека проинформировала руководителей библиотек на местах о создании Бюро по проблемам перемещенных книжных фондов. Бюро призвало библиотеки оказать помощь в создании банка данных о перемещенных фондах и составлении списка потерь. Однако пока еще рано говорить о

результатах этой работы. Деятельность бюро осуществляется на голлом энтузиазме его участников и без необходимой финансовой поддержки, что не позволит в короткие сроки получить необходимые данные.

Естественно, было бы наивным надеяться на то, что нам удастся составить полные списки, отражающие характер наших книжных утрат.

В плане поиска документов о наших книжных потерях необходимо сконцентрировать усилия на выявлении данных об утрате наиболее ценных экземпляров. Это можно сделать путем целенаправленного сбора информации о тех редких изданиях, которые имелись до войны в библиотеках, оказавшихся в зоне оккупации, с последующим их сопоставлением с документами немецких служб и организаций, занимавшихся их вывозом.

Естественно, мы прекрасно понимаем, что наши предполагаемые находки будут носить единичный характер и не будут сравнимы с книжными массивами из Германии, хранящимися в наших библиотеках. Но это понимание отнюдь не означает того, что Германия ничего не получит исходя из несопоставимости масштабов возврата.

Культурные ценности, в том числе и книги, частично могут быть возвращены Германии в рамках программ Доброй воли. Они могут быть проданы Германии или обменены на ценности России, утраченные в различные периоды ее истории.

На вырученные средства мы могли бы выкупить многое из того, что является национальным достоянием нашей страны.

Для решения спорных вопросов немецкие ценности могут быть переданы для временного экспонирования и изучения в немецких музеях, библиотеках и картинных галереях, а потом, вернувшись в Россию, через какое-то время повторить этот путь.

Любые взаимоприемлемые варианты могут быть предметом обсуждения специалистов. Нужны только взвешенность и отход от стремления к принятию скоропалительных решений. Именно они бедят раны последней войны, итоги которой давно подведены, и не нам их переиначивать. Как хотелось бы, чтобы нашим потомкам в XXI в. не пришлось решать тех проблем, которые стоят перед людьми, выросшими и воспитанными в век войн и потрясений.

На наш взгляд, главная задача состоит в том, чтобы обеспечить максимальные возможности доступа к перемещенным книжным со-

браниям специалистов разных стран. Для решения этой задачи любые взаимоприемлемые варианты могут быть предметом обсуждения специалистов, при этом требуется лишь взвешенность и отход от стремления к принятию скоропалительных решений. Во многом успех этой работы зависит от вывода проблемы из сферы политики в сферу профессиональную. Именно специалисты – библиотекари, книговеды могут найти оптимальные решения проблемы перемещенных книжных собраний.

Понятия «книга» и «война» несовместимы. Хотелось бы, чтобы наша эпоха была последней из тех, когда они соседствовали друг с другом.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие задачи стояли перед советскими специалистами, командированными в Германию Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений и АН СССР?

2. Каковы были позиции российской и немецкой сторон на начальном этапе обсуждения вопроса о перемещенных книжных собраниях?

3. Каким образом создавалось правовое поле для решения вопроса о перемещенных книжных собраниях?

4. Что вам известно о результатах поиска информации о перемещенных книжных собраниях нашей страны?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Колоссальные потери библиотечных фондов СССР в годы Великой Отечественной войны не были вызваны обыкновенными издержками ведения военных действий.

Взаимосвязь идеологии и политики национал-социализма с тотальным разграблением культурных ценностей на временно оккупированной территории СССР явилась неотъемлемой составной частью стратегического плана нацистов по уничтожению культуры народов оккупированных стран.

Тотальный грабеж и уничтожение культурных ценностей оккупированных стран фашистской Германией имел свои идеологические предпосылки. Об этом убедительно говорят приведенные документы о формировании в нацистской Германии, еще в довоенные годы, системы взглядов на право народов владеть культурными ценностями. Данная система взглядов базировалась на расовой теории, согласно которой народы, не имевшие отношения к арийской расе, рассматривались как «разрушители культуры». Эта концепция обосновывала необходимость тотального разграбления и уничтожения культуры тех народов, которые, по мнению руководства Рейха, не имели права на обладание культурными ценностями. Соответственно, эта концепция явилась идеологической основой деятельности различных нацистских спецподразделений, занимавшихся и разграблением культурных ценностей оккупированных стран.

Нацистская идеология о праве народов на обладание культурными ценностями на основе расового превосходства была реализована в специально созданном механизме тотального разграбления культурных ценностей на временно оккупированных территориях. Еще до нападения на Советский Союз различными нацистскими спецподразделениями был накоплен значительный опыт по уничтожению и разграблению культурных ценностей оккупированных европейских стран. Были разработаны четкие методики по отбору книжных фондов, вывозу и уничтожению библиотечных каталогов, определены пути транспортировки и места перемещения книжных собраний.

Нацистами была отработана методика уничтожения национальной культуры, важнейшей частью которой являлись книжные собрания того или иного государства. Для того чтобы раскрыть механизм

тотального разграбления культурных ценностей на временно оккупированных территориях, в учебном пособии выявлены задачи деятельности немецких спецслужб и подразделений, занимавшихся перемещением книг из фондов советских библиотек. Установлено, что важнейшими из них были задачи меркантильного характера – вывоз инкунабул, старинных книг, рукописей, имеющих не только культурную, но и значительную материальную ценность. В задачи научно-исследовательского характера входило перемещение книг, представляющих ценность для различных научно-исследовательских учреждений, прежде всего, связанных с наращиванием военно-технического потенциала Германии. Вывоз литературы, посвященной истории и культуре, обычаям, религиозным традициям народов нашей страны, был призван обеспечивать решение задач управленческого характера после окончания войны для организации эксплуатации оставшейся части населения СССР.

Таким образом, основная часть фондов библиотек, оказавшаяся на временно оккупированной территории, была утрачена не только в результате военных действий, но стала объектом тотального истребления и грабежа в ходе реализации нацистской стратегии по уничтожению культуры народов оккупированных стран. В целом на временно оккупированной территории СССР был создан механизм, позволявший планомерно реализовать идеи геноцида по отношению к культуре народов, населяющих территорию нашей страны.

С первых дней Великой Отечественной войны, несмотря на неблагоприятную обстановку, складывающуюся на фронте, в стране принимались все возможные меры по организации эвакуации и сохранения книжных собраний страны в период гитлеровской агрессии и восстановления библиотечной системы СССР.

Колоссальные потери советских книжных собраний связаны не только с быстрым продвижением немецких войск вглубь нашей страны, но явились следствием отсутствия четких эвакопланов и методик организации работ по эвакуации книжных фондов, не позволившим своевременно переместить большую часть книжных фондов библиотек западных регионов нашей страны на восток. Таким образом, библиотекари, не имевшие возможность эвакуировать книжные фонды, оставшиеся на временно оккупированной территории, старались делать все возможное для спасения книжных коллекций.

Еще в ходе войны начался процесс восстановления отечественной библиотечной системы. В результате еще до окончания Великой Отечественной войны в значительной мере удалось восстановить деятельность областных, городских и районных библиотек, находившихся на временно оккупированной гитлеровцами территории СССР.

Большую роль в процессе восстановления библиотек сыграл Государственный фонд литературы (Госфонд) по восстановлению библиотек. Однако по качественному составу полученные из Госфонда книжные собрания далеко уступали тем фондам, которые собирались не одним поколением российских библиотекарей. Новые книги не могли заменить инкунабулы, старопечатные издания, книжные тематические коллекции, книги с автографами и пометками великих людей. Утрата значительной части уникальных изданий, составляющих национальное достояние России, негативно сказалась на различных сторонах научной и культурной жизни страны. Для отечественных библиотек гитлеровский книжный геноцид оказался настоящей трагедией.

К сожалению, до сих пор мы не обладаем полнотой сведений о наших книжных утратах. При вывозе и расхищении фондов библиотек немецкие специалисты уничтожали каталоги и уничтожали или вывозили инвентарные книги библиотек. За долгие годы нам так и не удалось организовать целенаправленный поиск книжных коллекций, утраченных в военные годы.

Известно, что на завершающих этапах и после окончания Второй мировой войны на территории стран Восточной Европы и Германии была обнаружена часть книг, ранее принадлежавших библиотекам СССР. Вместе с тем эти находки носили случайный характер и не явились результатом специально организованного поиска.

После окончания Второй мировой войны были предприняты попытки поиска вывезенных с территории Советского Союза книжных коллекций. Однако по различным, как объективным, так и субъективным причинам, целенаправленный поиск утраченных книг организовать не удалось.

Советскими специалистами, проводившими поисковые работы в Германии, была перемещена на территорию СССР часть книжных собраний немецких библиотек, в качестве компенсации наших книжных потерь. Претензии немецкой стороны на незаконность этих действий

являются несостоятельными. Культурные ценности, в том числе и книжные коллекции, перемещенные с территории Германии на основании решений Советской Военной администрации (СВАГ), находятся на территории нашей страны на законных основаниях, что было подтверждено Законом о перемещенных культурных ценностях.

В начале XXI в. российскими исследователями были начаты работы по сбору данных о наших культурных потерях, в том числе и библиотечных фондах. Специалистами Российской национальной библиотеки была проведена колоссальная работа по сбору и обобщению данных, характеризующих книжные утраты нашей страны. Особое значение имеет выход в свет «Сводного каталога культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны», позволившего впервые дать представление о качественном характере книжных потерь в России. Издание серии книг, входящих в 11 том каталога, посвященных книжным утратам, принципиально важно не только для координации усилий отечественных специалистов по сбору информации об утраченных культурных ценностях, но и для международного признания самого факта хищения и утраты культурных ценностей, содействия организации розыска и возможного возвращения на родину пропавших культурных ценностей. Можно выразить сожаление о том, что в настоящее время работа по изданию каталога прекращена.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большая часть книжных утрат носила невосполнимый характер. В результате действий нацистов на территории нашей страны был утрачен колоссальный пласт книжной отечественной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова, Е. Международно-правовая защита культурных ценностей и объектов / Е. Александрова. – София: Пресс, 1978. – 144 с.
2. Бадьин, А. И. 75 лет Воронежской публичной библиотеке. 1864–1939 / А. И. Бадьин. – Воронеж: Воронеж. обл. кн. изд-во, 1939. – 51 с.
3. Балкова, И. В. История библиотечного дела: курс лекций / И. В. Балкова. — М.: Пашков дом. 2013. – 415 с.
4. Библиотечное дело в России в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – 9 мая 1945): документы и материалы / Рос. Гос. библиотека; сост. А. Л. Дивногорцев. – М., 2000. – 424 с.
5. Богуславский, М. М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты / М. М. Богуславский. – М.: Юристъ, 2005. – 427 с.
6. Вилков, А. И. Очерки культурных ценностей современной России [Текст] = Essays on contemporary Russian cultural values / А. И. Вилков. – [2-е изд., доп.]. – М.: Пашков дом, 2012. – 494 с.
7. Всероссийская Книга памяти, 1941–1945: обзорный том. – М.: Воениздат, 1995. – 544 с.
8. Голос прошлого: Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина в годы Великой Отечественной войны. – М., 1991. – 79 с.
9. Горшенин, С. Г. Политика советского государства по отношению к культурно-историческому наследию в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы / С. Г. Горшенин. – М., 1992. – 54 с.
10. Есипов, А. Л. Библиотечная и издательская деятельность Германии на оккупированной территории (на примере центральных областей РСФСР) / А. Л. Есипов; М-во культуры Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. образования «Орловский гос. ин-т культуры». – Орёл: Горизонт, 2015. – 130 с.
11. Жесты доброй воли и законодательство: сборник документов междунар. конференции о проблеме культурных ценностей, перемещенных в результате военных действий. – М.: Рудомино, 2001. – 428 с.

12. Зейдевиц, Р. Дама с горностаем / Р. Зейдевиц, М. Зейдевиц. – М.: Прогресс, 1966. – 253 с.
13. Зинич, М. С. Похищенные сокровища: Вывоз нацистами культурных ценностей / М. С. Зинич. – М., 2003. – 276 с.
14. Зинич, М. С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны / М. С. Зинич; Институт российской истории Российской академии наук. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 347 с.
15. Историческая библиотека в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сб. документов и материалов / Гос. публ. ист. б-ка России; авт.-сост. К. А. Шапошников. – М., 2015. – 337 с.
16. Картотека «Z» Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга. Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии 1941–1942 / под ред. Н. А. Бойцова, Т. А. Васильевой. – М.: изд-во Моск. ун.-та, 1998. – 352 с.
17. Книги непобедленного Ленинграда: [каталог книг, изданных в Ленинграде в период блокады 1941–1944] / сост. А. Ф. Векслер. – СПб.: Серебряный век, 2013. – 397 с.
18. Кончин, Е. В. Картина, опаленная войной / Е. В. Кончин. – М.: Лира, 2000. – 351 с.
19. Красноженова, Е. Е. Советская культура в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): учебное пособие / Е. Е. Красноженова; М-во образования и науки РФ, Астраханский гос. ун-т. – Астрахань: Астраханский ун-т, 2015. – 72 с.
20. Культурная карта Европы: Судьба перемещенных культурных ценностей в третьем тысячелетии: сб. материалов конференций. – М.: Рудомино, 2002. – 390 с.
21. Куманев, Г. А. Культурное строительство в прифронтовых и освобожденных районах СССР в 1941–1945 гг. / Г. А. Куманев. – М.: ИИ СССР, 1985. – 210 с.
22. Куманев, Г. А. Подвиг и подлог: страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 / Г. А. Куманев. – М.: Рус. Слово, 2000. – 384 с.
23. Лютов С. Н. Книжный фронт Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2015. – 163 с.

24. Мазурицкий, А. М. Книжные собрания России и Германии в контексте реституционных процессов / А. М. Мазурицкий. – М.: МГУКИ, 2000. – 217 с.

25. Мазурицкий, А. М. Книжные потери России в годы Великой Отечественной войны / А. М. Мазурицкий. – М.: МГУКИ, 2004. – 135 с.

26. Мазурицкий, А. М. Очерки истории библиотечного дела периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / А. М. Мазурицкий. – М.: МГУКИ, 1995. – 210 с.

27. Мазурицкий, А. М. Вторая мировая война и книжные утраты России и Германии [Текст]: [в 2 ч.] / А. М. Мазурицкий; Московский гос. ун-т культуры и искусств. – М.: [б. и.], 2010.

28. Мазурицкий, А. М. Вторая мировая война и книжные утраты России и Германии. Ч. 1: Книжные потери в военные годы // А. М. Мазурицкий. – М.: МГУКИ, 2010. – 149 с.

29. Мазурицкий, А. М. Вторая мировая война и книжные утраты России и Германии. Ч. 2: Реституционные процессы в послевоенный период // А. М. Мазурицкий. – М.: МГУКИ, 2010. – 164 с.

30. Максакова, Л. В. В рядах воюющего народа / Л. В. Максакова. – М.: Мысль, 1965. – 120 с.

31. Максакова, Л. В. Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны / Л. В. Максакова. – М.: Наука, 1990. – 133 с.

32. Николас, Л. Похищение Европы: судьба европейских культурных ценностей в годы нацизма / Л. Николас; пер. с англ. С. А. Червонной. – М.: Логос, 2001. – 640 с.

33. Реституция библиотечных собраний и сотрудничество в Европе. – М.: ВГБИЛ, 1994. – 59 с.

34. Российская государственная библиотека в годы Великой Отечественной войны: линия фронта / Рос. гос. б-ка; предисл. и авт.-сост. Л. М. Коваль. – М.: Пашков дом, 2014. – 182 с.

35. Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. – Т. 11. Утраченные книжные ценности. Кн. I. – М., 2003. – 110 с.

36. Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. – Т. 11: Утраченные книжные ценности. – Кн. II. – М., 2003. – 110 с.

37. Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. – Т. 11: Утраченные книжные ценности. Кн. III. – М., 2006. – 122 с.
38. Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. – Т. 11. Утраченные книжные ценности. – Кн. IV. – М., 2006. – 95 с.
39. Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. – Т. 11. Утраченные книжные ценности. – Кн. V. – М., 2006. – 103 с.
40. Степаненко, Л. Г. Обожжённые войной библиотеки Ростова-на-Дону. Книги воюют и побеждают: литературно-художественное издание / Л. Г. Степаненко. – Изд. 1-е. – Ростов-на-Дону: Багир, 2017. – 82 с.
41. Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ): Управление пропаганды (информации) 1945–1946 / С. И. Тюльпанов (сб. докладов). – М.; СПб: АИРХО-XX, 2006. – 352 с.
42. Фронтовые будни библиотек. 70-летию Великой Победы посвящается. – М.: Изд-во «Журнал “Библиотека”», 2013. – 479 с.
43. Шерель, А. Кочующие музы / А. Шерель. – М., 1991. – 24 с.
44. Ямщиков, С. Возврату не подлежит! Трофеи Второй мировой / С. Ямщиков. – М.: Алгоритм, 2006. – 256 с.

Учебное издание

Александр Михайлович Мазурицкий

БИБЛИОТЕКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Учебное пособие

ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры»

302020, г. Орел, ул. Лескова, 15

Подписано в печать 22.01.2020. Формат 84/108 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Усл. печ. л.7,5. Тираж 500 экз.